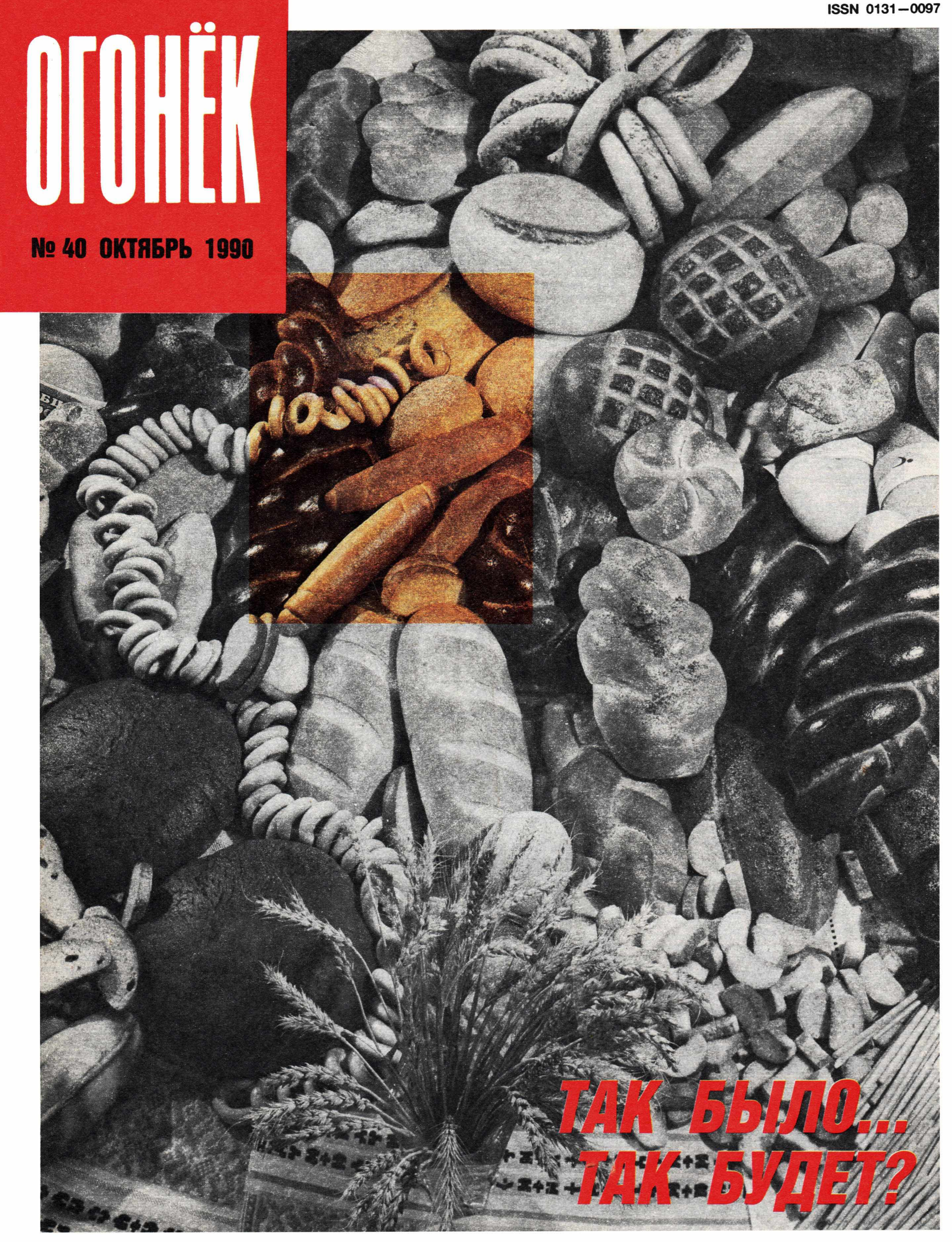
ISSN 0131—0097

ОГОНЁК

№ 40 ОКТЯБРЬ 1990

ТАК БЫЛО...
ТАК БУДЕТ?

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Выходит с 1 апреля 1923 года

№ 40 (3298)

УЧРЕДИТЕЛЬ — ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

29 сентября — 6 октября

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Фото Виктора ЯКОБСОНА. (См. в номере материал «Хлебный прилавок. Кризис или крах?»).

Оформление В. В. ВАНТРУСОВА при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.

Цена подписки на 1991 год — 46 руб. 80 коп., на полгода — 23 руб. 40 коп., на квартал — 11 руб. 70 коп.
Цена одного номера в розницу с 1991 года — 1 рубль.

УСЛОВИЯ КОММЕРЧЕСКОГО ПРОКАТА, ПОДПИСКИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ ВЫПУСКОВ «ОГОНЕК-ВИДЕО» ПО ТЕЛЕФОНУ 212-15-79.

Сдано в набор 10.09.90. Подписано к печати 25.09.90. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7.00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 4 600 000 экз. Заказ № 2752. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Внутренней политики и оперативного анализа — 212-15-39; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 251-90-55.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

МЕТРОНОМ

НИ ТИПОГРАФСКОЙ КРАСКИ, НИ КРАСКИ СТЫДА...

Вас не удивила, читатель, обложка этого номера — черно-белая с небольшим цветным пятном? Так мы решили известить вас о новой беде нашей прессы, уготованной заботливыми руками плановой социалистической экономики. Кончаются типографские краски — наше правительство не платит за пигменты, заказанные им на нелюбимом (им же) капиталистическом рынке. Сначала должны пропасть цветные краски, потом — и черная... Об этом мы узнали из газет, а также из письма, которое печатаем ниже.

В удивительное время живем. Никогда не знаешь, когда и откуда ждать очередной напасти.

Вот и сейчас издатели и печатники, не приходя в сознание после потрясений, вызванных дефицитом (точнее, отсутствием) печатной бумаги, получают новый валящий с ног удар, поскольку невозможно организовать печатание и выпуск журналов и газет, книг, учебников, изобразительных изданий, не имея печатных красок.

В ближайшее время останавливаются технологические линии по производству некоторых видов печатных красок на обоих имеющихся в стране заводах полиграфических красок — Торжокском и Московском. Исчерпан запас импортного сырья, до 15 процентов которого используют при производстве цветных и черных печатных красок, а закупка новых его партий приостановлена. Скоро многих печатных красок — цветных и черных, журнальных, газетных, иллюстрационных — не будет.

Руководители Госкомпечати СССР, в ведении которого находятся заводы полиграфических красок, ссылаются на то, что их неоднократные просьбы к правительству страны решить возникшую проблему оказались безуспешными.

Неужели эту проблему должен решать Президент? Только не было бы поздно...

А. ЭМДИН,
заместитель главного инженера издательства «Правда»

ПРАЗДНИКИ

В Москве прошел День города — с песнями и плясками, театрализованными шествиями, колокольными звонами и фейерверком. Успенский собор Кремля стал местом проведения Божественной литургии, которую совершил Патриарх Алексий Второй вместе с иерархами и московским духовенством.

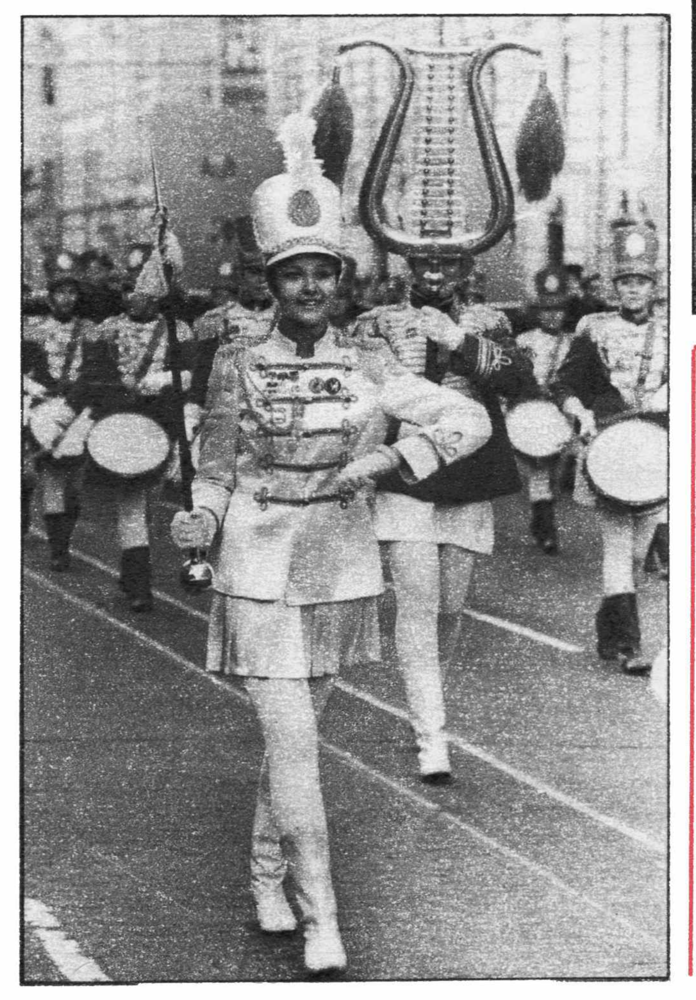
Отношение у людей к празднику разное: одни считают, что пока не время веселиться, а другие рады любой возможности хоть как-то расцветить серые будни.

Так и праздновали: каждый по-своему.

В. СОКОЛОВ

Фото Юрия ФЕКЛИСТОВА.

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Еще вчера центральная газета советских немцев «Нойес Лебен» была изданием газеты «Правда». Теперь ее учредитель — ульяновская промышленная ассоциация «Союз», занимающаяся строительством поселений для советских немцев в Поволжье.

— Не можем бросить на произвол судьбы нашу главную газету,— говорит президент «Союза» Н. Беккер.— Убеждены, что, освободившись от мелочной опеки ЦК, журналисты сумеют активнее отстаивать интересы нашего народа, которому сегодня функционеры пытаются навязать некую Ассоциацию без территории, но зато с немцами-министрами.

В новом качестве «Нойес Лебен» не намерена замыкаться лишь на проблемах советских немцев и других депортированных народов. Главная цель — делать талантливую газету.

Бог в помощь!

Соб. инф.

МЕТРОНОМ

Рисунок Сергея ПОЯРКОВА.

СИТУАЦИЯ

За последнее время жители Москвы пережили эпидемии сальмонеллеза и дифтерии, нашествие вшей и крыс, тараканов и клопов.

— Что дальше? — спросили мы у зав. санэпидемиологическим отделом Мосгорисполкома Н. Н. Филатова. — Придет ли в столицу чума?

— Будем надеяться, чума в ближайшее время в Москву не придет. Переносчиками ее являются зараженные грызуны, наши же, московские, пока здоровы.

Однако, надо сказать, повод для оптимизма небольшой. Как показала недавняя вспышка дифтерии, подготовка горожан к встрече с возможной инфекцией оставляет желать лучшего. Дело не только в отказе многих родителей от вакцинации малышей (тут во многом виноваты и журналисты, развернувшие «антипрививочную» кампанию), но и в том, что количество так называемых «групп риска» не только среди детей, но и взрослых значительно увеличилось. Сотни тысяч приезжих, беженцы. И это при том, что на каждом углу, в каждом дворе свалки, грязь, горы мусора, который никто не вывозит. Что же до санитарной грамотности населения — о ней вообще лучше умолчим. Другими словами, обстановка крайне неблагоприятная.

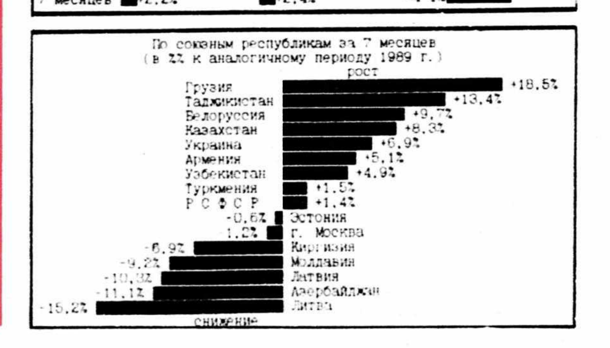
Светлана БЕЛЯЕВА

ТОЛЬКО ЦИФРЫ

Слияние с Европой состоялось. Правда, не в экономике, не в сельском хозяйстве, что хотелось бы сегодня подавляющему большинству населения. Впервые в новейшей истории мы вместе со всей Европой по призыву Европейской экономической комиссии ООН будем с 1 по 7 октября проводить Неделю безопасности дорожного движения. Тем, кто захотел возрадоваться и крикнуть «ура», рекомендуем воздержаться. Наше участие в этом международном мероприятии отнюдь не означает, что мы ведем себя на дорогах по-европейски. Если с 1970-го количество погибших в катастрофах в Финляндии снизилось на 38%, во Франции — на 30%, в ФРГ — на 57%, Англии — на 29%, то наши достижения в этой области можно изучать только с валидолом. Посмотрите на таблицу. Даже относительное снижение аварий в отдельных регионах страны никак не сказывается на общей картине. По числу погибших мы прочно заняли первое место в Европе. Всего за семь месяцев этого года на наших дорогах погибло 30 042 человека, то есть в два раза больше, чем в Афганистане за восемь лет (если сравнение это уместно), и ранено более 184 тысяч. Конечно, с нашими дорогами, дорожной разметкой, автомобилями и, чуть было не сказал, пешеходами, не то что недели — года не хватит, чтобы удержаться от побития своего смертельного рекорда. И все же Неделя безопасности нужна хотя бы для того, чтобы оглянуться и остолбенеть, осознав все варварское безумие, которое творится на дороге.

Соб. инф.

ИЗМЕНЕНИЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ АВАРИЙНОСТИ В 1990 ГОДУ

ПЕРЕПИСКА

В № 32 «Огонька» адвокат Смирнова-Осташвили Я. Бирулина в беседе с корреспондентом высказала мнение о том, что подзащитный — «человек твердых нравственных принципов».

Поскольку слова адвоката прочитала вся страна, хотелось бы спросить Я. Бирулину, что она имела в виду.

К. ГОРОДЕЦКИЙ,
адвокат Ленинской юридической консультации г. Томска

Я, Бирулина Светлана Васильевна,— адвокат Московской городской коллегии адвокатов. Тот самый адвокат, который принимал участие в первых четырех судебных заседаниях по делу К. Смирнова-Осташвили, о котором идет речь в вашей заметке. Как вы успели заметить, я не Я. Бирулина, а С. Бирулина. Это первое.

Второе. Прежде чем писать о судебном процессе, вашему корреспонденту следовало бы ознакомиться с основами судопроизводства. Защищать Осташвили меня назначила коллегия адвокатов в соответствии со ст. 49 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, но никак не Московский городской суд, как указано в заметке. Московский суд на четвертом заседании отклонил требование подсудимого освободить его от защиты адвоката Московской коллегии адвокатов.

И последнее. По воле вашего корреспондента я стала ярым сторонником НПФ «Память». Это следует из якобы моего высказывания о том, что К. Смирнов-Осташвили — «человек твердых нравственных принципов».

Так вот, ни с кем, нигде и никогда мною не обсуждались нравственные принципы подсудимого. Речь могла идти о твердых, устоявшихся, непоколебимых принципах, но не о нравственных. Я не принимаю позиции националистов, в том числе и антисемитов. Была, есть и буду только интернационалистом и в этом вижу свою нравственность.

Извините за беспокойство.

Адвокат Московской городской коллегии
С. В. БИРУЛИНА

ГОЛОС СНИЗУ: МОЖНО И БЕЗ ШОКА

Обсуждение разнообразных вариантов выхода страны из экономического кризиса сейчас, пожалуй, самая популярная тема наших публицистов. Лично мне наиболее разумным и убедительным показалось предложение кандидата экономических наук Л. Пияшевой: надо перестать играть роль Буратино в стране дураков и закапывать «золотые» в землю.

Про «страну дураков» сказано очень хорошо, но мысль, как мне кажется, не развита. Ведь в отличие от сказки Буратино в нашей стране сам денежки в землю не закапывает, он дает на это команду нам — работникам промышленности и сельского хозяйства. Но зато в полном соответствии со сказкой он дает эти команды с полной уверенностью, что делает благое дело, и, главное, как в сказке, мысль об очередных земляных работах ему внушают научные консультанты по экономическим вопросам — коты Базилио и лисы Алисы. У нас ведь, как в Писании: Хам пшеницу сеет, Сим молитву деет, Яфет — власть имеет! Строевым офицерам нашей экономики в этом разделении труда предназначена роль Хамов. Правда, прямо так их называть пока стесняются... ну разве что назовут «мяукающими» на перестройку «жирными котами» или «помыкающим крепостными крестьянами современными баронами».

Идиотизм существующего положения: разваливать экономику своими руками придется нам, а в то же время и пресса, и Буратино слушают только лису Алису и кота Базилио. Нам в этом расцвете «плюрализма» места нет даже тогда, когда делается критическая попытка оценить «достижения» нашей экономической науки, понять, за что же ее работникам казна платит докторские надбавки и академические зарплаты. Казалось бы, ну почему об этом не расспросить тех, кто экономикой управляет, и тех, по чьим шкурам в первую очередь барабанят «новые экономические идеи»?

И, я думаю, вспомнились бы любопытные факты.

Вот, например, десяток лет назад лиса Алиса обратила внимание Буратино на то, что предприятия в СССР в торговых операциях уже не употребляют денег, а меняют товар на товар, и предложила пресечь это безобразие. Буратино немедленно запретил продавать что-либо из того, что было куплено предприятиями, и стал строго за это наказывать.

Моего вынужденного уволиться предшественника по этим делам примерно трижды в год таскали в суд. Однажды даже по такому поводу. Накануне зимы он по указанию горисполкома продал 20 тонн огнеупорного кирпича котельным города для подготовки их к зиме. Завод за это оштрафовали, а выплату штрафа прокуратура возложила на заместителя директора и начальника снабжения, суд (хотя и не с первого раза) иск удовлетворил.

Но кот Базилио (диссертации-то нужно защищать!) обратил внимание Буратино, что у предприятий на складах скапливаются материальные ценности (ведь их запрещено продавать), и предложил запретить предприятиям покупать новое оборудование, пока на складах есть старое. Неглупо придумано, не правда ли?

Что получилось? Нам, допустим, запланировали строить цеха, мы заказали оборудование и кое-где уже фундаменты начали делать. Затем государство передумывало и денег на строительство не давало. Оборудование этих цехов оседало у нас на складах, и из-за него нельзя было купить то, что нам было нужно. Что прикажете делать? Правильно, списать старое в «производство».

К чему это приводило?

Мне запомнился один случай начала восьмидесятых, который лучше было бы забыть. На мой цех пал жребий выписать со складов «в производство» два огромных компрессора, которые никому на заводе в то время не были нужны. Они стояли поперек цеха и вызывали возмущение рабочих, мешали работать. Не буду хвастаться, но я честно пытался что-то сделать. Пытался обменять их в совхозах на трактор, пытался просто отдать кому-нибудь. Не получилось. Уж очень они были мощными. И я сдался. Их моментом разрезали и выбросили в металлолом. А через полгода в одном цехе разморозился компрессор, цех сбросил мощность, отдел оборудования метался по министерству и изготовителям, пытаясь найти хоть какую, хоть паршивенькую технику. А я сидел на совещаниях и думал: «Ай да я! Ай да сукин сын! Ну что стоило заставить своих рабочих еще немного потерпеть! Но кто знал?!»

Спросите, кому нужны эти предания старины глубокой. Ведь сейчас-то продавать можно!

Во-первых, надо знать хотя бы один из способов, какими раньше мы зарывали деньги. Во-вторых, небезынтересны масштабы полезной деятельности нашей экономической науки. В тот год, когда мне всучили эти проклятые компрессоры, по стране числилось в сверхнормативных остатках (читай: подлежало уничтожению) только оборудования на сумму... (рука не поднимается писать сумму), скажем так, равную примерно трети национального дохода страны.

Если кому-нибудь придет в голову организовать конкурс на памятник современному управлению экономикой, то первое место, безусловно, займет проект скульптуры всадника без головы.

Наверное, это многим непонятно, так как сейчас на Голову (центр) особенно ополчились все болтуны. А нынче у нас, кроме Госплана, премьер-министра, есть еще и Президент. Но поймите, даже если мы М. С. Горбачева изберем и папой римским, но оставим существующий механизм управления — это ничего не изменит, если только не станет хуже.

Попытаюсь убедить, что это так. Если есть работа, которую нужно выполнять в условиях разделения труда, то должна быть и Голова, которая видит всю работу в целом, ее конечный результат. Поскольку каждый работник знает и отвечает только за свою операцию, всю работу в целом он не может, да и не должен охватывать. Даже если он хочет, то у него это не получится.

Представьте. Мы строим дом, это дело включает в себя тысячи операций, которые должны быть проведены в определенном объеме и последовательности. Должна быть Голова, которая скомандует: копай фундамент, вези бетон, делай опалубку, клади стены, вставляй оконные блоки, подгоняй рамы... И все это так, чтобы дом построился без простоя работников и помех одних другим. Но для этого Голова должна указать работнику только то, что нужно получить, и срок, например, «стены первого этажа к 16-00».

Беда в том, что наша Голова берется указать работникам не только цель, но и как ее достичь, например, как уложить 126-й кирпич в 35-м наружном ряду. Голова считает своим долгом (как любят говорить в Верховном Совете) «регламентировать» все и вся. И от этого превращается в ничто, а те, кто символизирует эту Голову, превращаются в вице-председателей Фунтов.

Нет и никогда не будет человека, способного продумать, что делать ста тридцати миллионам работников СССР. Но нашей Голове этого очень хочется. Более того, она считает это своим долгом. Для этого она набирает людей, которые бы это все продумали и указали. Эти люди — аппарат. Я с ними работаю, я и сам аппарат и должен сказать, что если отбросить в сторону вопрос об их ненужности, то это вполне обычные и по уму, и по порядочности люди. Подлецов там не больше, чем в мире науки или, допустим, журналистики. Но их наняла Голова для определенной работы, например, для выработки и контроля решений по укладке 126-го кирпича в 35-м наружном ряду фронтальной стены нашего здания. Они готовят по этому поводу проекты решений Головы и несут ей на подпись. Это они думают, это их решения, но подписывает их Голова. (Контрольный вопрос: «А кто отвечает за решение, продуманное мелким клерком, но подписанное Головой? Правильно, номинально — Голова, а фактически — никто!) Голова настолько перегружается этой работой, что перестает быть Головой. Она уже не думает, что нужно раньше — фундамент или крыша,— она увлечена вопросом: класть ли 126-й кирпич в 35-м ряду «на плашку» или «на ребро» и в какие сроки?

Как вы думаете, над каким вопросом работал Н. И. Рыжков после первого Съезда Советов, где его нещадно (и часто не по делу) критиковали? Если судить о решениях, то над идейно-воспитательным уровнем детских игрушек, по каковому было незамедлительно принято постановление . Хотите осудить? Тогда послушайте Съезд Советов, наших «альтернативных избранников» (являющихся аппаратом в миниатюре), большинству которых, похоже, не важно, о чем говорить, лишь бы добраться до трибуны.

Итак, Головы нет, есть миллионы клерков, управляющих экономикой. Добавьте к этому идеи экономической науки: то кот Базилио потребует уменьшить толщину стен, чтобы было, «как в США», то лиса Алиса потребует сорвать полы и настелить циновки, чтобы было, «как в Японии». Я бы сказал, что положение с управлением экономикой в стране напоминает ситуацию, возникающую при пожаре в борделе во время наводнения, если бы не боялся, что на меня обидятся работники этого учреждения.

Давайте проиллюстрируем ситуацию примерами времен нашей перестройки.

Кот Базилио дает неглупый совет: мы очень много капитально ремонтируем оборудования, морально устаревшего. Надо не ремонтировать, а менять на новое. Следует очередное постановление, где сказано: технику не ремонтировать, а менять на новую. Клерки рекомендуют наказание: кто ослушался и капитально отремонтировал — тому штраф. (Казалось бы, ну какое ваше дело? Ведь это дело конкретного рабочего: может он на этом станке обеспечить потребителя высококачественной продукцией — пусть работает, не может — тогда заменить.)

Лиса Алиса бежит с идеей: у нас очень большой расход металла по стране. Голова, естественно, реагирует — довести число капитально отремонтированной техники до 75 процентов.

Говорят, что мы (в отличие от советской экономической науки) никчемные менеджеры, а вот в США, в Японии — там да, там менеджеры что надо!

Ну ладно, поставьте на наше место американца или японца и дайте ему два приказа: в одном заменить все станки на новые; в другом — все капитально отремонтировать и не менять! Об исполнении доложить немедленно!

Далее, кот Базилио с новой идеей: нужно работать в три смены — это очень выгодно. Буратино дает приказ. Но и лиса Алиса не без идей: нужно всех женщин перевести на работу в одну смену. Хотел бы я взглянуть, как отчитался бы английский ткацкий фабрикант об исполнении этих приказов! Мы-то отчитываемся!

Наш завод ведет дела с ФРГ. В сентябре 1989-го их промышленники, чувствуя у нас деньги, готовы были на все и немедленно. А в апреле 1990-го вопрос: «Кто будет платить?» И на наше гордое: «Мы! Нам разрешено!» они строят кислые физиономии: «Это вам сегодня разрешено, а завтра вам ваш парламент перережет жилы, и мы, ваши поставщики, на ваших поставках разоримся!» И что им сказать, ведь мы сами не знаем, что будет завтра и с нами, и с нашей экономикой, и со страной.

Сейчас в Алма-Ате международное оживление, многие фирмы хотят иметь там представительство. И не только потому, что Казахстан — крупнейший сырьевик, но и потому (этого никто не скрывает), что это республика со сравнительно устойчивой политической ситуацией.

Наш Верховный Совет делает ситуацию непредсказуемой в принципе. Сегодня у него одно, но всегда есть опасение, что завтра депутаты сбегают в Лужники, там им наговорят всякого, и они примут решение прямо противоположное. Дебаты ведутся о чем угодно, но не о коренных вопросах Советского Союза и его экономики. Там очень много официально умных людей (академиков, докторов), слушать их «концепции», «консенсусы» нужно со словарем иностранных слов, но, похоже, там нет людей, которые бы понимали, зачем нам нужно государство, что такое власть и как ею пользоваться. Эти стахановцы норовят дать на-гора́ как можно больше своей продукции — законов, не спрашивая, кто их просил, не заботясь, как их будут исполнять.

Что такое Закон? Это ясно сформулированная, понятная любому общественно нужная цель, которую необходимо достичь тем, кто попадает под сферу действия этого Закона. Кроме того, в Законе должны быть ограниченные наказаниями пределы, за которые ты умышленно или нечаянно можешь выйти и нанести ущерб цели.

Прочтите закон «О предприятиях в СССР». Вы поймете, о чем он? О цели скажем ниже, но возьмите текст. Лозунги о свободе в рамках существующей регламентации. Как мне с ним работать? На 39 статей Закона 49 ссылок на законодательные акты, которые уже есть и которые еще будут, на указания Совмина и Госбанка. В Законе о госпредприятии,

принятом застойным Верховным Советом (плохом Законе), таких ссылок всего семь да примерно шесть указаний на тех, кто может вмешиваться в дела. Это на 25 статей!

Так как мне поступать: как требуют лозунги Закона или как требуют все те, кого он мне перечислил в своих 49 ссылках?

«Предприятие имеет право самостоятельно осуществлять внешнеэкономическую деятельность в соответствии с законодательством Союза ССР...» Это значит: в соответствии с принятым уже постановлением, где сказано, в частности, что я могу самостоятельно продать продукцию за границу, сделав в бюджет отчисления по нормативу. Но он-то у меня 100%! Я все должен отдать, всю выручку. А из чего рабочим платить, сырье покупать? И до сих пор (два года) никаких разъяснений!

По этому постановлению я могу создать с иностранным партнером совместное предприятие самостоятельно (сладкое слово — «самостоятельно»), но... с разрешения вышестоящего органа. Это же надо додуматься — «самостоятельно с разрешения»! Предположим, я решил создать совместное предприятие по выпуску шерстяных женских колготок. Найдите мне в СССР женщину, которая скажет, что это не нужно! Я должен взять разрешение в Минмете. Но у него есть план по выпуску непродовольственных товаров народного потребления, и колготок там нет — это товар легкой промышленности. Минмет за эту продукцию даже отчитаться не может. Она ему нужна, как зайцу стоп-сигнал! Вот это и есть вся моя, по представлению депутатов, «самостоятельная» работа!

Автор этих строк достаточно предан своей великой и несчастной стране, чтобы всерьез не называть ее «страной дураков». Но ведь и деваться некуда — столько глупостей, сколько творим мы, да еще из самых лучших побуждений, не делает, пожалуй, никто. Управляет нами некомпетентность и безответственность. Как она возникает? Практически только в единственном случае — когда человек лезет управлять теми делами, за которые не отвечает.

Даже я, заместитель директора завода, не должен определять, какой станок в цехе ремонтировать, а какой менять — даже это уже дикая некомпетентность и безответственность — я не несу ответственности за выпуск продукции именно на этом станке. Но когда это делает премьер-министр, то это то, чему нет названия, по крайней мере цензурного. То же самое, когда Верховный Совет своим законом определяет, что сумму денег, направляемых на ремонт и реконструкцию нашему заводу, определит посторонний дядя. Ни законодатель, ни дядя не отвечают за конечный результат работы завода, и делать им на нем нечего.

Вы спросите, что делать Верховному Совету? Он потел, старался (или делал вид, что потел и старался), год писал закон о предприятиях, а ты объявляешь его некомпетентным вмешательством в дела предприятия.

Совету надо работать на своем уровне, заниматься тем, за что именно он отвечает и чем упорно заниматься не хочет. Депутатам надо понять, зачем они нужны народу. И если они действительно над этим задумаются (заглянут, например, в Конституцию), то увидят, что государство, а следовательно, и они нужны народу только для защиты, защиты от внешнего врага и уголовника, защиты политической и дипломатической, защиты социальной и интеллектуальной. И, в том числе, и для экономической защиты от произвола продавца. Это их уровень, это их работа, это их ответственность.

А экономические успехи предприятия — это мой уровень, моя работа, моя ответственность. И когда с экономикой на моем предприятии дела пошатнутся, то виновного в этом искать не придется — он на виду. Он за это деньги получает.

Я это понимаю. Но наши депутаты не понимают, за что они отвечают. Подтвержу это примерами, и для начала неэкономическими.

Когда в 1942 году моя мать, находившаяся в оккупации, схватив на руки моего брата, бежала из дома от немецкой облавы, у нее все-таки была надежда: там, на востоке, было Советское государство, и оно отчаянно дралось, чтобы освободить мою мать и моего брата, там был Сталин, там был (надежда жила) мой отец, который с оружием в руках шел к ней на выручку. Она понимала, что нужно время, но ей было на кого надеяться. А на кого должны надеяться сотни тысяч уже существующих в нашей стране беженцев и миллионы предстоящих? На людей, кому народ дал силы и средства для решения любых задач, но которые предпочитают не действовать, а призывать к решению этих задач тех, у кого нет ни сил для этого, ни средств?

Теперь об экономике.

Если бы Верховный Совет не лез в услужливо подставляемые аппаратом подробности, а задумался бы, зачем нужна народу экономика и как с ее помощью ему нужно защищать народ, то есть работал бы на своем уровне, то он никогда бы в Законе «О предприятиях» не поставил промышленности СССР две взаимоисключающие задачи. (Кстати, застойный Верховный Совет этого не сделал.) Цель экономики стала такой: «Главными задачами предприятия являются удовлетворение общественных потребностей... (Это защита народа.— **Ю. М.**)... и реализация на основе полученной прибыли социальных и экономических интересов членов трудового коллектива и интересов собственника имущества предприятия». Вторая часть исключает первую. И дело даже не в том, что собственнику (да и трудовому коллективу) плевать на общественные интересы (по-моему, шахтеры и кооператоры уже ясно это показали), а в том, что для общества нужно, чтобы предприятия производили достаточно (не много, а только достаточно) качественной и дешевой продукции, а производителю нужно иметь сбыт небольшого количества (его легче получить) поганой (ее легче сделать), но очень дорогой продукции. Как вы считаете, какую из двух задач должно выбрать для решения предприятие, если все статьи закона подогнаны под решение обеих задач, а они друг друга исключают?

Сейчас похоже, что основная масса депутатов верит и идет на поводу у небольшой группы, которая буквально оккупировала органы формирования общественного мнения. Эта группа смотрит на свободный рынок, как человек с расстройством желудка на дверь с двумя нулями. Кажется ему: войдешь — и нет проблем! Занято, товарищи, занято, будут у вас проблемы! И еще какие!

Представляют ли депутаты, как они смогут осуществить экономическую защиту народа. если дадут продавцу право продавать товар только тому, кому он хочет, и по той цене, что он установит? А это право уже реализовано в законе!

Ну и что из того, что вся пресса захлебывается от счастья при слухах о свободном рынке? Разве она не захлебывалась от счастья при виде Знака качества? А где теперь Знак качества, и, кстати, где само качество?

А ведь тогда прессе не объяснили (а может, она сама не захотела этого знать?), что Знак качества на изделии ни в коей мере не означает (и это было заложено в эту идею с самого начала), что данное изделие доброкачественное. Просто параметры стандарта, по которому это изделие выпускалось, должны были в среднем превосходить параметры западных стандартов. Например: обувная фабрика хочет на свои ботинки поставить Знак качества и сравнивает их, допустим, с английскими по двум параметрам: по весу и длине шнурков. (В тяжелых ботинках тяжело ходить, а короткие шнурки неудобно завязывать.) Выясняется, что наши ботинки вдвое тяжелее английских (показатель качества — 0,5), зато наши шнурки вдвое длиннее импортных (показатель качества — 2). Складываем эти показатели и делим на 2 (два параметра). Получаем 1,25, и из этого следует, что наши ботинки в среднем на 25 процентов лучше английских,— можно ставить на них почетный пятиугольник. Кстати, если фабрика вздумала бы поставить их на экспорт, то она обязана была бы замазать Знак качества: нельзя было давать Западу повод лишний раз посмеяться.

Скольких же людей тогда обманули, а сколько денег нас заставили на это ухлопать!

Умные учатся на чужих ошибках, дураки — на своих, а как же нам назвать себя, если нам и свои ошибки не в пример?

Наши рыночники по наивности считают, что существует «свободный рынок». Нет такого в природе, которая, как известно, не терпит пустоты! На рынке обязательно есть диктат, важно — чей он. Он может быть диктатом государства (терпимый), диктатом продавца (самый пакостный) и диктатом покупателя (то, что нам нужно). На Западе государство диктует на рынке до тех пор, пока товар не насытил его, а после этого передает рынок под диктат покупателю. Я немного поездил по Западу, немного пообщался с бизнесменами, должен сказать, что там много, что есть, но дураков не видно, коту Базилио там явно делать нечего.

Существует несколько наивных предположений о «свободном рынке». Например, предполагается, что вперед вырвутся самые предприимчивые. Смею утверждать: вперед вырвутся самые нахальные и беспринципные.

Сейчас, например, жизнь нашей экономики немыслима без качественных сталей, а эти стали в большинстве своем (нержавеющие, жаропрочные, высокопрочные, износостойкие и др.) невозможно выплавить без хрома. Хром сталеплавильщикам дают несколько ферросплавных заводов, в том числе и мы. Руда — всенародное достояние, но она в руках одного рудоуправления. В этом году оно даже низкокачественную руду отказалось поставлять в нужном количестве, так как ему гораздо выгоднее продать ее за границу. Понять их можно — зачем им наши «деревянные рубли», если за валюту они могут купить все: от экскаватора в карьер до комфортабельной легковой «шкоды» директору. «Как же так,— возмущаемся мы,— наши печи будут стоять, наши рабочие будут безработными, а вы грузите лучшую руду Западу?» «А это ваши проблемы,— цинично отвечают нам,— езжайте в Зимбабве и покупайте руду там!» А ведь нет еще «свободного рынка», ведь еще нет частной собственности — есть только немощность государства.

Кстати, о частной собственности. Земля, заводы, фабрики — это к нам не с неба упало, это все построили, создали, обиходили мы — те, кто работает в промышленности и сельском хозяйстве. Это из наших зарплат и из прибыли, заработанной нами, были сделаны вычеты в государственный бюджет. Все это наши отцы и деды отстояли своей кровью. Все это нами уже оплачено. Почему мы снова должны за это платить? Да и как это сделать?

Давайте прикинем на примере нашего завода. Он стоит 450 миллионов рублей. Непосредственно на нем работает 5 тысяч человек со средним годовым заработком 4300 рублей. На каждого падает доля, которую он обязан выкупить,— 90 тысяч рублей. Если мы вообще прекратим выплату зарплаты себе,

Рисунок Алексея МЕРИНОВА.

то выкупать завод нам придется более 20 лет. Сейчас на выслугу лет и тринадцатую зарплату (то, что кот Базилио называет умным словом «дивиденды») мы тратим 921 тысячу рублей — чуть более 180 рублей на человека, что по отношению к 90 тысячам стоимости акций составляет 0,2 процента. Это означает, что данные 90 тысяч после выкупа будут равны по стоимости 6 тысячам рублей, положенным на срочный вклад в сбербанк. Когда мы соберемся свой пай продать, то кто купит наши 90 тысяч более чем за 6? А может быть, нам подарят завод? Но кто решится в здравом уме подарить пяти тысячам человек то, что принадлежит всем, без справедливого возмущения народа? А может быть, по совету Л. Пияшевой, выплату этих 90 тысяч рублей работникам нашего завода нужно «принудительно вменить»? Не знаю, может быть, она знает, как это сделать, а я за такую работу не возьмусь.

Существует и такое наивное утверждение, что, дескать, хозяйствовать мы станем лучше.

«Следующий урожай уже будет целиком собран и сохранен (какой же хозяин свое зерно под дождем гноить станет или по ветру и по дорогам развеивать!)»,— пишет Л. Пияшева. С чего бы это? Зачем «хозяину» тратить силы и нагибаться, чтобы поднять зерно, если он без всяких усилий может поднять цену на него и этим нехитрым приемом компенсировать себе любые потери и недоработки? Он хоть и живет в стране дураков, но не дурак даром тратить силы!

Дураки — это директора предприятий и председатели колхозов, которым нужно это лежащее на земле зерно, чтобы при фиксированных государством ценах увеличить счет в банке. А тем, кто их заменит, это не понадобится, им будет выгодно уменьшать производство, сохранять дефицит и драть с покупателя деньги. С переходом к тому, что у нас называют «свободным рынком», производство всего у нас резко уменьшится (оно уже сейчас уменьшается), и мы станем беднее.

Если хоть кому-то будет дано право устанавливать произвольные цены и это вызовет рост цен в магазинах, то тогда начнется следующее.

Шахтеры и металлурги, машиностроители и хлопкоробы, железнодорожники и энергетики увидят, что на их зарплату товаров можно купить значительно меньше, чем до перехода на рыночные отношения, то есть увидят, что они стали существенно беднее. Что они сделают? Шахтеры и горняки резко поднимут цены на свою продукцию, чтобы из дополнительной выручки можно было бы сформировать себе зарплату, с которой имело бы смысл ходить в магазин. А так как у нас прогрессивный налог на зарплату, то поднимать цены придется очень высоко. Металлурги от такой стоимости сырья станут на грань банкротства, кроме того, им ведь тоже нужна зарплата. Цены на прокат взвинтятся и ударят по машиностроителям, и тем, чтобы работать и жить, придется так поднять цены, что от этого пинка и швейник, и крестьянин сразу же снова подбросят цену на свою продукцию на такой уровень, который и предсказывать страшно. И тогда шахтеры и горняки увидят, что с их зарплатой в магазинах делать нечего, и снова поднимут цены на сырье...

Вы скажете: государство на продукцию базовых отраслей цены будет регулировать! Как бы не так! Не будьте наивными. Во-первых, для этого как минимум нужно государство. Во-вторых, население не позволит нарушить принципы социальной справедливости. Что, у крестьянина или кооператора голубая кровь? Почему они будут иметь возможность повышать свое благосостояние путем простого поднятия цены на свою продукцию, а шахтер или металлург — нет?

Для прекращения безумия государству (или тому, что от него останется) придется ограничить цены всем, то есть сделать то, что оно делает сейчас. Тогда зачем начинать?

У бюрократов руководящего ранга есть одна паршивая особенность. Деловой человек, не зная что делать, не делает ничего, пока не узнает, ибо он понимает, что иначе он делу только навредит. Бюрократ в такой ситуации, чтобы обозначить перед начальством (избирателем) свою преданность и энтузиазм, начинает требовать от подчиненных, чтобы они делали «хоть что-нибудь».

Сейчас у нас такая ситуация. Верховный Совет не знает, что делать. Ну и что? Это часто бывает у любого работника. Нужно просто ясно понять, чего ты хочешь достичь. Как говорят англичане: «Очень трудно понять, в чем состоит твой долг, а выполнить его гораздо легче!» В чем наш долг перед экономикой? В защите прав потребителя! Нам необходимо сделать его на рынке диктатором!

Как именно это сделать? Делая только то, что нужно! Не втаптывать в грязь созданное отцами, а отрезать там, где надо, и где надо — пришить.

Нам необходима рабская зависимость продавца от покупателя? Так давайте ее введем законом или указом: государство назначает всем производителям их потребителей (не план, не объем поставок, а только имена покупателей) и не разрешает продавать что-либо на сторону или производить что-либо другое, пока потребитель не скажет: «Хватит».

Но этого мало, покупатель должен иметь выбор. Для этого мы из гаммы однотипных товаров и услуг выбираем эталон, простой в производстве и в среднем удовлетворяющий всех. Государство (или что к этому моменту от него останется) назначит на него цену и даст гарантию, что любой покупатель будет иметь возможность купить товар по качеству не хуже эталона и по цене не выше указанной.

Например. В мясном отделе эталоном, предположим, будет являться мясо мороженое с костями до 20 процентов. Предположим, что государство установило на него цену 2 рубля. Тогда если это мясо есть в наличии, то парное мясо, мякоть, вырезка, бифштексы и т. д. могут продаваться хоть за 100 рублей, по цене «свободного рынка». Но если мороженое мясо продано, то что-либо, не худшего качества, должно быть обязательно принято за эталон, например, мякоть, и продаваться в этом случае она должна по цене не выше 2 рублей. Мы вызовем конкуренцию не между фирмами, а между товарами, защитим покупателя от произвола продавца, стимулируем производителя делать товары и услуги высококачественными, конкурентоспособными по отношению к эталону.

Итак, я, производитель, получу от государства список своих потребителей, и больше ничего! Вся работа государственных органов этим ограничится. (Не спешите с выводами — для государственных органов это окажется сложнее, чем выглядит.) По этому списку я заключу договора с потребителями, стараясь предложить им продукцию более качественную, чем государственный эталон, так как это позволит мне увеличить выручку. Если потребитель согласится с предлагаемыми уровнями качества и цены, то возьмет, нет, получит эталонную.

Ну, а если он запросит больше, чем я могу дать? Тогда я заключу договор на столько, на сколько могу, а за недопоставку он выставит штраф тому государственному органу, который назначил меня его поставщиком. Недоволен государственный орган директором завода — пусть меняет его, но вмешиваться в дела, указывать заводу никто не имеет права ни в каких делах — ни в зарплате, ни в распределении прибыли — ни в чем!

При такой постановке наша экономика окажется сразу же в условиях более выгодных, чем западная. Надо сказать, что у этого варианта есть четкая теория, о которой нет времени говорить, но она требует еще одной меры, которая не нуждается в законодателях.

Сейчас поощрение работникам движется сверху вниз. Рабочему определяет заработок мастер или даже Госкомтруд, мастеру — начальник цеха и т. д. Поток денег необходимо развернуть: рабочий должен получать деньги прямо от своего потребителя, мастер должен получать процент из дохода рабочего. Чем лучше работает и чем больше зарабатывает рабочий, тем больше — мастер. Начальник цеха — процент из дохода мастеров, директор — процент из дохода начальников цехов, руководитель отрасли — процент от дохода директоров. Это создаст деловую атмосферу, которую сейчас ищут и не могут найти.

И, наконец, о налогах. Их, объединенных в один, предприятию должен назначать только местный орган власти! И никто другой! С местного органа власти налог возьмет область, с области — республика, с республики — Союз. Только для местного органа власти разорение налоговыми ставками своего предприятия означает безработицу своих избирателей и собственное банкротство. Остальные инстанции могут разорять предприятия безболезненно для себя.

Говорят, что свободному рынку нет альтернативы. Как видите, есть. Причем, она не требует «шоковой терапии» для ни в чем неповинного народа, не требует спада производства и разорения страны.

Идеи «свободного рынка» страшны даже не «шоковой терапией», хотя само по себе это поражает: как так ни с того ни с сего начать жить хуже в надежде, что потом, когда-нибудь, может быть, все образуется, и мы станем неизвестно с чего в среднем жить лучше, причем, одни очень хорошо, а другие так себе.

Они страшны своей развратностью. Народу внушается мысль, что можно, ничего не делая, а просто проведя манипуляции с ценами и собственностью, разбогатеть. У нас и так большинство обывателей ждет, когда же ему начальство принесет коммунизм на блюдечке с голубой каемочкой.

Из моей приватной беседы с капиталистом: «Когда выходцы из СССР приезжают в США, американцы «закрывают двери и гасят свет», потому что бывшие ваши люди нагло начинают требовать машину, квартиру, видеомагнитофоны. Им говорят: «Давайте деньги или идите работать!» В ответ следует возмущенное: «Какие деньги, какая работа?!» Поймите, капиталистическая система — это очень жесткая система, там нужно не по магазинам шляться, а работать, работать, работать!»

Ну а как мы станем богаче, если внедрим не «свободный рынок», а предлагаемый здесь «диктат потребителя»?

Видите ли, когда говорится, что победит та власть, которая обеспечит высшую производительность труда, то это точно для времени, когда в условиях насыщенного рынка диктат потребителя уже является фактом. Но для нас эту формулу надо менять: не «производительность труда», а «максимальное удовлетворение потребителя!»

Недавно с главным инженером завода мы были в ФРГ и вернулись с поразившим нас наблюдением: формально у немцев производительность труда гораздо меньше нашей! Скажем, четыре немца, до зубов вооруженные малой механизацией, делают ямочный ремонт дороги дня четыре, а наши молодцы, без сомнений, вывалив на это место машину асфальта, прикатают его катком и управятся за полдня.

Но по тому месту, что сделали немцы, пройдет, допустим, два миллиона машин — и ничего. Работа же наших молодцов развалится на втором десятке тысяч.

Немцы никогда не будут что-то компьютеризировать ради компьютеризации, они даже предупреждают: «Если есть хоть малейшая возможность не покупать компьютер — не покупайте!»

Никогда не поставят машину там, где выгодно применить рабочие руки.

Ведь потребителю нужна хорошая вещь, ему плевать, быстро ты ее сделал или нет, с компьютером или без — он будет дороже платить только за выгодное ему качество.

А мы все делаем, чтобы отчитаться перед аппаратом, а тому нужно, чтобы ты как можно больше квадратных метров дороги отремонтировал (ему в свой отчет пойдет), ему нужно, чтобы ты для его отчета механизировался и компьютеризировался. А ведь это все огромные деньги, огромный труд, потраченный не на то, чтобы удовлетворить покупателя, а на то, чтобы функционировал аппарат управления экономикой страны.

Немцы живут богато не потому, что работают много (мы работаем иногда больше), а потому, что работают толково — для потребителя! Ведь что значит сделать двадцать раз ремонт дороги там, где немцы делают один? Это огромный расход впустую не только своего труда, но и смежников — нефтяной и нефтеперерабатывающей промышленности, транспорта и так далее.

Кому нужны наши 200 миллионов тонн зерна, если мы не съедим и 40? Немцы выращивают зерна в два раза меньше нашего (на душу) и продают продовольствие, а мы покупаем! Мы на первом месте в мире по производству стали, а что толку? Жжем, уничтожаем природные ресурсы, загрязняем среду, много чего имеем «вообще» и мало что в доме.

Поймите, рынок нас не спасет — это очередной раз кот Базилио выбросит народные деньги псу под хвост.

Только диктат потребителя в экономике — наше с вами спасение и тот выход, что нам нужен.

Мы не будем плавить столько стали, но то, что мы будем плавить, будет такого качества, какое нужно потребителю и обеспечит любой рост товаров для народа. Возможно, мы не будем выращивать столько зерна, оно ведь потребителю не требуется — ему требуются корма, а это более широкое понятие. Но рост мяса будет, потому что именно оно нужно потребителю!

Конечно, без социальных проблем мы не обойдемся. Становится ненужным практически весь аппарат управления экономикой, ведь для ее управления потребуется только изучение потребителя, чтобы вовремя предупредить заводы об изменении их плановых рынков сбыта, а следовательно, о требуемой реконструкции и перевооружении. Неизвестно, нужно ли будет это называть гордым словом «министерство». Становятся ненужными Госкомтруд, Госстандарт в его нынешней форме, Госкомцен, народный контроль да и многие другие аналогичные организации. Ненужным станет то, что мы называем «экономической наукой». Сократятся аппараты управления предприятий: ведь их задача сегодня — обеспечить работой центральные аппараты. Резко сократится Минфин. Это все добросовестные и порядочные люди — найти им рабочие места сразу будет проблемой.

Но это будет только проблема, а не разорение страны «шоковой терапией».

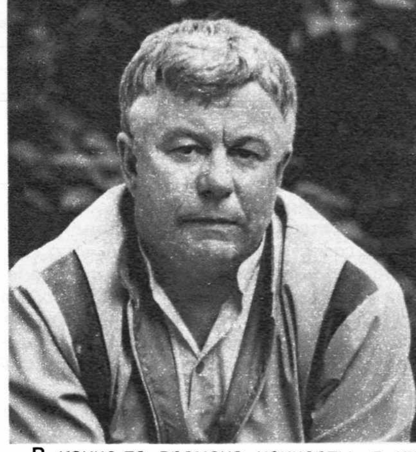
Правда, такого нет нигде, нет этого и на Западе. Ну, а кто сказал, что Запад для нас обязан быть единственным светочем мудрости и последней инстанцией перед господом Богом?

Юрий МУХИН,
заместитель директора по экономике и внешнеэкономическим вопросам завода ферросплавов

г. Ермак

Анатолий ПРИСТАВКИН

В какие-то времена концерты, я их помню по участию в самодеятельности, начинались с песен торжественных, таких, например: «Партия наши народы сплотила в братский единый союз трудовой, партия — наша надежда и сила, партия — наш рулевой...»

Воспроизвожу по памяти и сам думаю, сколько же подобных песен хранится в нашей памяти, с ума сойти, и все это стало частью меня и моей жизни.

Кстати, песня так и называлась: «Партия — наш рулевой», она и по радио звучала каждый день. Наверное, не худо бы это все переиздать, собрав воедино, своеобразный бы вышел документ того времени; мы однажды для интереса вспоминали песни о Сталине, хватило, как оказалось, на весь вечер.

Но сейчас я о другом. Я все о рулевом, то есть о Партии, которая семьдесят лет была за штурвалом, о ней много сейчас спорят, особенно после прошедшего партийного съезда: выходить, не выходить и что вообще делать. Многие из моих знакомых испытывают, по их словам, внутреннее сопротивление массовому такому выходу и потому, что это как бы становится модой, и еще один вполне серьезный довод: пусть-де уходят сами партаппаратчики, в партии тогда останутся одни честные коммунисты. А их тоже немало.

Что правда, то правда, в партии были и остаются люди и вполне достойные, которые не участвовали в репрессиях, не стучали друг на друга и отмалчивались во времена единодушной поддержки тому или другому мероприятию верхов.

Вопрос такой: не было ли наше молчание «единодушное» тоже своего рода поддержкой всего бесчестного, что творилось на нашей памяти от имени партии? Да и всегда ли удавалось промолчать, ведь в нужный момент могли вызвать в соответствующий кабинет, как вызвали одного литератора, когда потребовалось расправиться с великим поэтом, и предложить на выбор: выступить с осуждением или положить билет на стол!

Что означало «положить билет», думаю, не надо расшифровывать, это было начало небытия, при том что человек мог быть молод, и здоров, и дееспособен; как говорят, в какой-то невидимой графе ставился крестик (крест!) на всю его дальнейшую жизнь. И далее ни на работу, ни за границу... Ни-ку-да!

Коммунистическая идеология могла простить тебе пьянство, разврат, взятки (анекдот того времени: должен ли коммунист платить взносы со взяток? — Должен, если он НАСТОЯЩИЙ коммунист), но не прощала ни малейшего отклонения от официального учения.

Не так давно мне удалось впервые выехать за рубеж, при оформлении я рискнул спросить секретаря Союза писателей: отчего же все-таки раньше-то не пускали, кому я мешал? Чуть замешкавшись, он отвечал, что где-то «там» («там»! — и неопределенное движение рукой) стоял против моей фамилии крестик, за какие-то старые грехи... Подписал письмо, что ли...

У поэта Владимира Соколова есть стихи, опубликованные в «Огоньке»: «Я устал от двадцатого века, от его окровавленных рек. И не надо мне прав человека, я давно уже не человек...» А кто же мы? Ну, разоренная до предела страна под руководством «нашего рулевого», обнищавшее население, изничтоженный генотип, разбазаренные недра и духовные ценности, убитая природа... Но ведь еще в живых (истреблена, но не добита) числится нация (или нации), то есть те, кто не был в лагерях, не сидел в психушках, не высылался, а числился самым обыкновенным заложником, рабом этой коммунистической системы... Жил, работал (отрабатывал), верил... Ну, хотя бы тому, что «наше поколение будет жить при коммунизме...».

И среди этих выживших много тех самых простых, не творивших зла коммунистов. Но теперь-то все они неужто не ощущают в соприкосновении с другим, «некоммунистическим» пресловутым миром, что не мир, а мы, мы какие-то не такие: и злей, и раздраженней, и бесчеловечней, что ли... И доброту свою традиционную куда-то растеряли, и честность, и порядочность, и интеллигентность, которые от века считались российской добродетелью...

Но от века не было условий таких, чтобы вся нация и с утра в очередях, без продуктов и без медицины, без добротного жилья, да и вообще без закона, лишь барщина от утра да раздача за нее пайков, которые можно захватить, лишь оттеснив себе подобных...

Если это и есть тот самый обещанный коммунизм, то мы к нему, конечно, пришли. И наш «рулевой» зарулил нас куда ему надо. Теперь бы ему на съезде вместо пространной программы (сколько мы их видели, ни одна за 70 лет не выполнена, да и неисполнима) два пункта бы всего: покаяться в прегрешениях (хотя неизвестно, простит ли народ) и передать власть другим, ну, хотя бы Советам, пусть те и не столь совершенны, да кровавого следа позади нет! А вот товарищ Полозков от имени еще одной (мало нам старой) коммунистической партии обещает, что компартия берет на себя функции защищать интересы трудящихся и что она является выразителем интересов трудового народа.

Кто же ей опять дал право-то выступать от имени того народа, который она погубила? Да никто не давал, как в том 17-м году,— сама берет и сама защищает... А как — это мы уже знаем, на себе ощутили.

Самое опасное в этой партии, в ее идеологии, не то, что она разрушила экономику богатой некогда страны (стран, точнее), она исконно была и остается разрушительной, а не созидательной силой, но она создала для всего человечества (слава Богу, не всё оно подпало под ее власть) свою Религию, свое Писание... Вот вспомнил, мой отец в армии политработников называл попами! Они внедрили эту религию в души людей (по-ученому, наверное, в гены), извратив природную божественную сущность человека. Создан практически новый природный феномен, прозванный за рубежом «гомо советикус»... Уж на что в Германии прочно было природное трудолюбие, а ныне, после сорока пяти лет коммунистического режима, людей, по словам социологов, нужно заново переучивать работать, а что же тогда о нас говорить: нам ставят в пример Сингапур, Малайзию... Наш уровень ниже!

Писатель Соколов-Микитов еще в 21-м году, из эмиграции, бросает обвинение большевикам в статье, которая так и называлась: «Вы повинны». «Вы повинны в том, что довели народ до последней степени истощения и упадка духа. Вы повинны в том, что истребили в народе чувство единения и общности, отравили людей ненавистью и нетерпимостью к ближнему. И от кого ожидаете помощи, если вы же научили людей смотреть друг на друга, как на врага, и радоваться чужому страданию...» Сказано как будто сегодня и о нас, сегодняшних.

Хотим мы или не хотим, но мы иные, чем остальной мир, и я тоже другой, и не могу не ощущать этого при встречах с коллегами. Наверное, нужны поколения (это в благоприятных условиях, а где их взять!), чтобы нация могла восстать, могла бы поверить в свои силы и выйти из состояния реанимации!

Но есть ли выход у смертельно больного, если он не верит собственному врачу?

Недавно я отнес заявление о выходе из партии в свою организацию. Еще постоял, отдав девочке-секретарше бумажку, зачем-то спросил: «Все?» «Да»,— ответили мне. И я ушел. Прозаично до неправдоподобия. К чему были мучительные колебания, советы друзей?.. Для того лишь, чтобы так буднично навсегда расстаться с тем, что составляло мою жизнь? Про что, говорят, Солженицын сказал лишь одно слово, определив его сущность: «Коммунизм — это небытие...»

Я с ним согласен.

Ан. Приставкин

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

ПО ЗАКОНАМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РОДСТВА

С интересом прочитал на днях в «Огоньке» размышления М. Захарова по актуальнейшей теме — о состоянии наших душ и умов, о подлинном и превратном понимании нравственных ценностей, об умении смотреть открытыми глазами на собственную историю и историю человечества.

Целиком и полностью согласен с М. Захаровым в том, что нужна неотложная и основательная перековка нашего сознания, устранение нравственных пробелов и перекосов, возникших вследствие нашей идеологической зашоренности. По сути своей «казенное» поклонение одним и тем же богам заставляет нас сейчас во многом заново осваивать трудную науку человеколюбия — будь то ближний наш, соотечественник или иноземец.

Здесь же хотелось выделить лишь один вопрос — об отношении у нас к бывшему врагу, немецкому солдату, чьи кости тлеют в нашей земле.

Читателю, наверное, будет небезынтересно узнать, что до сих пор мы подразделяли бывшее немецкое воинство как бы на две категории — тех, кто скончался в плену от ран или болезней, и тех, кто был убит с оружием в руках на поле боя. В силу этого по-разному определяли отношение к их останкам.

У нас сохранились кладбища бывших немецких военнопленных, часть из них содержится в относительном порядке. Около десятка таких кладбищ, имеющих довольно широкую географию — от Москвы до Средней Азии,— открыты для посещения родственниками умерших. Надеюсь, никто не будет спорить, что это — гуманное дело.

В то же время мы твердой рукой устраняли всякие следы захоронений немецких солдат и офицеров, которые создавались войсками вермахта. Язык не поворачивается бросить упрек нашим людям, измученным кровопролитной войной, за то, что мирным плугом пахаря прошлись они по бесконечным рядам однообразных крестов с ненавистными ржавыми касками.

Но время залечивает раны. Сейчас многое из прошлого начинаешь рассматривать с более широкого угла зрения. Вместе с М. Захаровым я хочу сказать, что отнюдь не все немецкие солдаты, вероломно вступившие по приказу Гитлера на нашу землю,— сплошь садисты, головорезы и людоеды. В войне гибнут и нормальные люди, которые не имели возможности избежать участия в ней. Тем более что главные военные преступники по приговору Нюрнбергского суда получили по заслугам. Я отнюдь не за то, чтобы начать закрывать глаза на зверства нацизма. Но сейчас, через 45 лет после окончания войны, по-видимому, настал час явить милосердие по отношению к сотням тысяч немецких солдат, солдат Италии, Венгрии, Финляндии и других стран, воевавших на стороне Германии, которые, по сути дела, сами стали жертвами молоха войны. Сознание людей уже начало меняться в этом направлении. Кстати, именно в Западной Германии широкий размах набрало общественное движение «За примирение с народами Советского Союза» путем совместного преодоления прошлого.

Справедливости ради надо сказать, что в нас все же происходит постепенное прозрение: в стране создан общественный фонд, который совместно с зарубежными гуманитарными организациями будет заниматься поиском затерявшихся на просторах СССР солдатских захоронений: немецких, венгерских, японских и других.

Однако от нас требуются немалые усилия, чтобы окончательно сломать политические и эмоциональные заскорузлости, окончательно перебороть образ врага. Ведь родственники погибших едут за тысячи и тысячи километров не для того, чтобы склонить головы перед несостоявшимися «завоевателями России» и носителями «нового порядка». Их влекут на эти могилы законы человеческого родства, которые неподвластны времени и насилию и которые мы не вправе разрывать. Понять это — значит окончательно подвести итоговую черту под второй мировой войной.

Ю. РЕШЕТОВ,
начальник Управления по международному гуманитарному сотрудничеству и правам человека МИД СССР.

Друзья!

Мы получили от вас тысячи писем в поддержку позиции редакции в сложный для нас момент, когда, по сути, решалась судьба журнала. Ваш голос, ваше мнение помогли отстоять независимость «Огонька».

Мы благодарим всех, кто оказался вместе с нами, на одном пути к добру, правде и справедливости.

Многие из вас связывали свое решение о подписке на журнал с исходом борьбы за его самостоятельность. Теперь препятствий в этом плане нет.

Будем рады, если вы окажете нам доверие.

Еще раз благодарим всех, приславших нам письма, телеграммы любви и поддержки.

ВАШИ ОГОНЬКОВЦЫ

В ЧЬИХ РУКАХ ПРИЛОЖЕНИЯ?

Власть никто просто так не отдает. Даже в малости. Вот и с литприложениями такая же история. Хоть и предложил зам. министра связи СССР тов. Е. А. Манякин всем руководителям, занимающимся распространением печати, советоваться с общественностью при распределении вожделенного лимита, но и тут, как сообщают читатели, возникают знакомые по прежним временам ситуации.

Помните заявление начальника московской «Союзпечати» В. В. Антонова, что все пойдет в трудовые коллективы? Вот что из этого вышло. В московском НПО «Синтез» общественный распространитель пообещала Дюма, Алданова и библиотеку сатиры только тем подразделениям, где будет массовая подписка на газету «Правда». Вы спросите, какое отношение к органу ЦК компартии имеют эти писатели? Никакого. Потому и связывать их не надо.

Из Кемерова звонят, сообщают, что все абонементы на литприложения забрал себе райком КПСС. По старой привычке, надо думать. Но сегодня привычки надо менять. Да и как это соотносится с оптимистичным заявлением начальника управления Минсвязи РСФСР А. В. Родченко, что в России такие вопросы решаются только через комиссии Советов по гласности? Неужели это они все передали комитетам партии? Или там одни и те же люди? Но, может, власть по-прежнему не в тех руках?

А в Желтых Водах Днепропетровской области зав. отделом городской газеты «Рабочая трибуна» много дней тщетно пытается узнать, как местный узел связи собирается распорядиться теми 76 абонементами, которыми располагает.

В такой ситуации, друзья, многое в ваших руках. Без вашей решимости отстоять свои права, без вашего деятельного участия и активной позиции ничего не изменится. Будьте настойчивы, требуйте. Только так мы чего-нибудь добьемся.

И еще. Многие читатели спрашивают, как понимать разговоры о том, что «Огонек» свои литприложения продает по договорным ценам. К сожалению, такую информацию распространяют сотрудники предприятий связи. Сообщаем, что цена на литприложения на 1991 год — 99 руб. 80 коп., и редакция журнала никаких переговоров о договорных ценах ни с кем не ведет.

О. НЕМИРОВСКАЯ

■

В торжественной клятве пионера есть слова: «К борьбе за дело Коммунистической партии Советского Союза будь готов!» И ответ: «Всегда готов!» Не кажется ли вам, что при многопартийной системе в нашей стране это звучит странно?

Считаю, что необходимо как можно скорее покончить с партийностью в учебных заведениях. А то ведь получается, что КПСС в лице пионерской организации готовит себе резерв. Но что делать родителям, дети которых пионеры, а сами они члены других партий, как, например, я — член Руха? Отправить дочку в школу без галстука — как она будет оправдываться, как ей жить среди других детей? Не посвящать же их с малолетства в политику.

Уверен, в таком положении многие родители. Необходимо срочное решение Верховного Совета страны, запрещающее партийность в школе.

Михаил ГУТНИК
Киев

■

Вот какие листовки находили избиратели в почтовых ящиках в канун выборов народного депутата СССР 2 сентября сего года (вместо выбывшего И. К. Полозкова):

Стыдно!

Стыдно за Президента СССР М. Горбачева, издающего Указы, которые никто не выполняет. В стране льется кровь невинных людей и Великая Держава, создаваемая веками, валится на глазах.

Стыдно за Председателя Верховного Совета РСФСР Б. Ельцина, торгующего за спиной Президента Россией, заключающего договоры с националистами Прибалтики, предлагающего от имени России мирный договор Японии и раздающего векселя на принадлежащие нам Курильские острова.

Стыдно за разжалованного генерала КГБ О. Калугина, оказавшегося игрушкой в руках нечистоплотных политиканов. До пенсии хлебал щи из бездонного котла КГБ, а теперь они показались ему кислыми. Захотелось кубанского борща?..

Стыдно за нашу перестроечную демократию, все чаще приобретающую звериный оскал.

Стыдно и обидно за всех нас. Издерганных, злых, теряющих человеческий облик и достоинство.

Стыдно и страшно! Не за себя страшно, за детей наших.

Остановитесь хоть на минутку, задумайтесь, посмотрите, что творится вокруг, земляки!

Жизнь сегодня — театр абсурда. Мы уже достаточно насмотрелись его спектаклей. Сумгаит, Нагорный Карабах, Фергана, Азербайджан и Армения, Прибалтика, Ош...

Что дальше?

М. Горбачев и Б. Ельцин. Или миритесь, или в отставку. Оба! Разом!

О. Калугин — иди на заслуженный отдых...

Псевдодемократы, не ломайте хрупкий мир, не обрекайте наших детей на горе, кровь, слезы, не разжигайте и без того накаленные страсти. Не лезьте на Кубань со своими политическими махинациями. Северный Кавказ не хочет повторять Закавказье!

Группа членов райкома,
секретарей парторганизаций
и председателей сельских Советов
Успенского района

Авторы укрылись за подписью «группа», не рискнув назвать свои имена. Нам, избирателям, тоже стыдно, стыдно за партийных функционеров, за то, что все валят с больной головы на здоровую, за их активное неприятие перестройки. Да, им страшно, потому и идут на все, лишь бы сохранить власть.

Но напрасны потуги этой «группы». Народ сам разобрался, кому отдать свои голоса. Несмотря на усилия аппаратчиков, О. Калугин победил на выборах!

Ю. В. РУДАКОВ
хутор Веселый Краснодарского края

■

Более 13 лет работаю в почтовой отрасли Министерства связи СССР, служил в различных регионах и вот до сих пор не могу смириться с общими для всей страны проблемами воровства из почтовых посылок и других почтовых отправлений. Причин тому предостаточно: несовершенство Почтовых правил, несоответствие одних нормативных актов другим, низкая заработная плата, а следовательно, кадровая проблема. Но главное — ущемляющие интересы граждан нормы материальной ответственности органов связи, узаконенные устаревшим, но действующим Уставом связи СССР. Эти и другие факторы не позволяют гарантировать нашим клиентам полную сохранность пересылаемого вложения, тем более теперь, при нынешнем всеобщем дефиците товаров. По официальным данным (журнал «Вестник связи» № 4 за этот год), в 1989 году утраты и хищения на почте составили около 720 тысяч рублей, что в 1,8 раза больше уровня 1988 года. Это официально, по отчетам. Фактически и суммы, и количество самих фактов надо не менее чем удесятерить, ибо искажение отчетности, сокрытие краж из посылок проникли и в нашу отрасль. Система породила приписки, разумеется, в сторону благополучия; за всем этим ведомство не хочет видеть своего клиента, человека, у которого «обчистили» посылку или бандероль и который униженно месяцами, а то и годами ходит, просит, чтоб ему возместили причиненный ущерб. Почему в нашем обществе клиент связи практически бесправен? Когда этот процесс будет регулировать закон, не позволяющий на местах игнорировать совместные постановления органов связи и МВД по борьбе с хищениями на почте, как это сплошь и рядом делается?

В. Б. СОЛОВЬЕВ,
начальник
производственной лаборатории
почтовой связи Ивановского
областного управления связи
Иваново

■

В системе нашего социалистического строя на протяжении семидесяти лет слово «собственник» являлось бранным. Но сама жизнь расставляет многое по своим местам, и собственнику, который становится хозяином и тем самым помогает выйти стране из кризисного состояния, можно только сказать «милости просим». Но вот появился новый тип собственника — партия, которая провозгласила право на собственность, не считаясь с интересами народа. Известно, что сейчас ее ряды тают, функции правления, хоть и трудно, но переходят к Советам, и теперь она открыто, не стесняясь, начала бизнес: торговлю своими зданиями. В пермской газете «Звезда» коммунист, член обкома Мальцев прямо призывает не к какой-либо сдаче зданий в аренду, но к «прибыльной». Это явление становится все более распространенным.

В прошлом партия вела борьбу против понятия «мое», а ныне вцепилась руками и ногами в свое «наше». На фоне бедности, к которой она привела страну, сейчас воскресают различные общества милосердия, чтобы не только собирать средства из небогатых и совсем нетугих кошельков доброхотов, но и показать высокую нравственность, которой был когда-то богат наш народ. А разве все ныне освобождаемые партией здания, которые она сдает в аренду, не народом были построены? Не теми ли, кто платил партийные взносы? В создании массовой партии народ, как бы то ни было, играл не последнюю скрипку. Поэтому народное нужно отдать народу. Безвозмездно. Не время заниматься торговлей за счет обнищавшего населения.

Е. А. ВОЛОЧКОВ,
участник войны
Пермь

■

Настаиваю согласно Закона о печати на опубликовании моего ответа на статью С. Вавра «Кому доверять рычаги» в № 29 вашего журнала.

Светлана Вавра!

Ну зачем вам было браться за чисто мужской материал, да еще об армии? Неужели заставили?

Рассуждать вам об армии — это все равно что мне, генералу, давать консультации, простите, по гинекологии.

Худшая безнравственность — это браться за дело, которое совершенно не знаешь...

Для того чтобы показать, какой генерал «медноголовый» и «кому доверять рычаги», вам бы взять да и опубликовать все тезисы моей лекции и речь на Учредительном съезде КП России. Тогда читатели сами бы разобрались, что командующий войсками округа на первое место в службе ставит вопросы боеготовности, воспитания, боевой подготовки, содержания техники и вооружения, патриотизма. Не сделали вы и ваша редакция этого. Использовали, как и «Известия», старый прием: понадергали из выступления и из тезисов лекции вопросы быта. И про горячую воду, и про ворота, и про свинарник...

Сознаюсь, и этому учу молодых командиров.

Окончил академии имени Фрунзе и Генерального штаба с двумя золо-

тыми медалями. Специальность записана «оперативно-стратегическая», а занимаюсь и столовыми, и банями, и портянками.

А. В. Суворов — генералиссимус, граф Рымникский, князь Италийский — котлы, ложки солдатские проверял, рецепты солдатам от поноса давал, а мне и бог велел...

В армии нет мелочей. Из-за гвоздя и подковы сражения проигрывали.

Нет, Светлана Вавра и К°, не обидели вы меня.

Рычаги в крепких еще руках!
Люблю своих солдат, своих детей!
А вы, Светлана Вавра???
А ваша редакция???

А. МАКАШОВ,
народный депутат СССР, генерал-полковник, командующий войсками Приволжско-Уральского военного округа

■

Почти год уже говорится о том, что вот-вот будет принят закон о свободном выезде и въезде в нашу страну. Но в то же время евреев, выезжающих в Израиль, лишают гражданства и государственных наград. И делается это по постановлению от 1967 года, времени, когда процветала коррупция, насаждались взяточничество и антисемитизм.

Так почему же этот закон действует и теперь, на шестом году перестройки? Почему эмигранты, заплатившие кровью за свои награды, полученные ими на полях сражений во время Великой Отечественной войны или за совершение других подвигов, автоматически лишаются орденов и медалей, врученных им от имени того же Верховного Совета?

Те, кто вводил войска в Афганистан (да только ли туда?), с гордостью носят свои звезды и ордена, а рядового воина, четыре года не вылезавшего с передовой, защищавшего в том числе и будущую «звездную» номенклатуру, лишают кровью добытых медалей.

Как же еще понимать это беззаконие, это глумление над бывшими фронтовиками, как не проявление махрового антисемитизма? И это, заметьте, происходит в дни, когда Израиль бескорыстно пригласил для лечения три тысячи детей Чернобыля, пострадавших в результате правления все той же многозвездной номенклатуры. А чем за добро платим мы?

В. Л. ОРЛОВ,
ветеран войны
Ташкент

■

В № 33 вы опубликовали письмо профессора Саратовского университета, доктора философских наук Я. Аскина.

О Боже, как отблагодарить Тебя за то, что не заставил меня изучать марксистско-ленинскую философию у профессора Аскина!

С такими членами редколлегии, пишет профессор, как Травкин и Евтушенко, можно уйти в болото клерикально-мракобесного антисоциализма. Ну, а с такими, как профессор-философ Я. Аскин, можно уйти только обратно в ГУЛАГ.

Неужели в г. Саратов не приходят газеты и журналы (за исключением «Огонька»)? Неужели там нет радио и телевидения, неужели в библиотеке Саратовского госуниверситета выдают читателям только «Краткий курс ВКП(б)» и «Капитал» К. Маркса, и профессор заставляет своих студентов конспектировать только эти книги? Неужели тот, кто не разделяет философию проф. Я. Аскина, тот антисоветчик?

Нет, не могу дальше писать, не верю, что есть еще у нас такие профессора и что учат они еще наших студентов.

Н. ПЕТРУСЕВ
Орша, Белоруссия

■

Стало известно, что Центральный совет Всесоюзного общества борьбы за трезвость обратился с открытым письмом к Президенту, Верховному Совету СССР с требованием развернуть новую антиалкогольную кампанию. Журнал «Трезвость и культура» в № 6 за этот год опубликовал проект закона, который Центральный совет общества и редакционная коллегия журнала собираются внести в высший законодательный орган страны. В нем, например, есть такие слова: в СССР запрещается деятельность государственных, кооперативных, смешанных и других предприятий, учреждений, организаций, а также деятельность граждан, связанных с изготовлением и распространением, пропагандой, потреблением алкогольных изделий.

Я не сторонник всеобщего, беспробудного пьянства, но ведь опять не находим ничего лучшего, как взять и запретить. Люди устали от вечных табу, но кто-то опять пытается навязать их обществу. У нас и так растет социальная напряженность, но обществу трезвости, видимо, надо усилить недовольство людей.

В последнее время в некоторых местах, в том числе и в Перми, из-за отсутствия в продаже табачных изделий прошли митинги с требованиями отставки руководства облисполкома. А тут мудрецы от трезвости хотят еще больше подлить масла в огонь, накалить обстановку.

Уже много говорили и писали о том, что проблему пьянства запретительными мерами не решить, что нужна длительная и целенаправленная работа по поднятию общей культуры народа. Но руководство общества трезвости решило пойти по самому легкому пути, не задумываясь о последствиях.

С. НОВИКОВ
Пермская область

■

Видел по телевидению интервью с членом Политбюро ЦК КПСС А. С. Дзасоховым, в котором речь шла об отношении к памятникам Ленину.

Когда ставят памятник или его сносят, невольно возникает вопрос, без которого разговор теряет смысл,— за что? За что поставили? И за что сносят? И теперь, когда почти все всё понимают, нет, думается, смысла уходить от честного и прямого ответа.

Тов. Дзасохов говорил, что нельзя сносить памятники истории и культуры. Конечно, нельзя, жаль только, что эту аксиому не поведали семьюдесятью годами раньше.

Теперь относительно исторической и художественной ценности. Памятники Ленину изготавливаются на потоке, и сегодня, например, в Художественном фонде, где я работаю, мы выпускаем «памятники истории», срок окончания работ над которыми — первое полугодие 1991 года.

По-моему, любому незашоренному человеку ясно, что с памятниками Ленину у нас перебор. Один из них стоит, например, даже на территории консервного завода имени Кирова в Симферополе. Что же касается культурной ценности этих произведений, то давайте будем их хранить, если найдем, что они такой ценностью обладают. Может быть, из миллионов памятников, скульптур и бюстов таковые найдутся.

Но, к сожалению, сегодня уровень нашей культуры адекватен художественному уровню Ленинианы, закаленной хранителями принципов до оскорбления памяти вождя. Часто его бюсты на заводах и в колхозах таковы, что Ленина в них можно узнать лишь по надписи.

А. СОКУРЕНКО
Симферополь

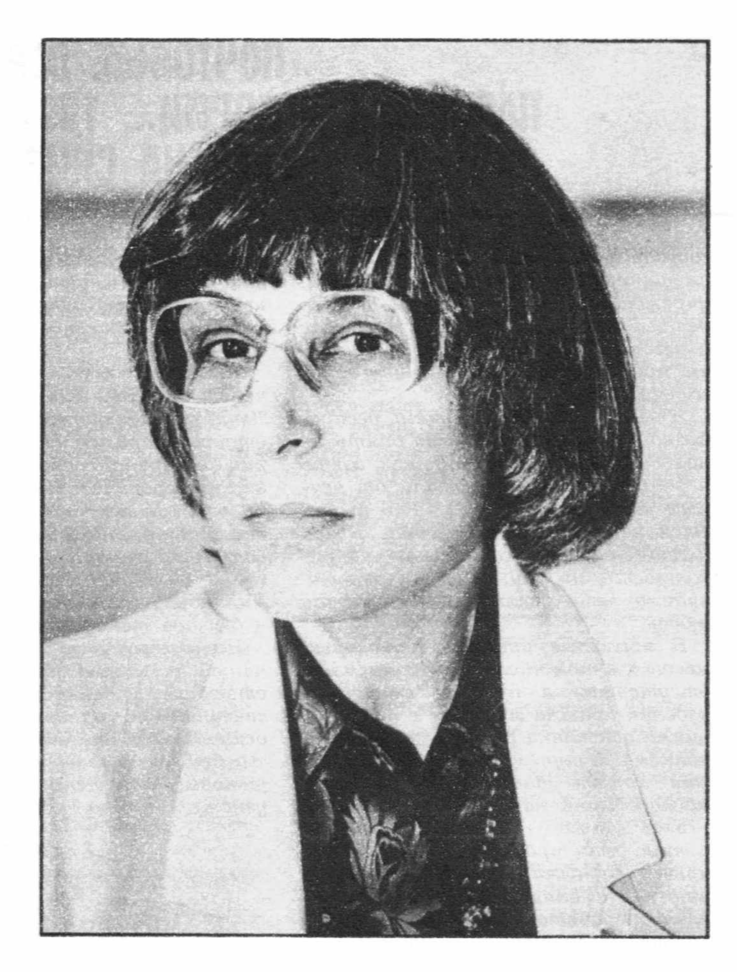
ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Лучшей публикацией августа названа статья Г. Рожнова «Белые флаги» (№ 33).

Мы поздравляем Георгия Рожнова с присуждением ему ежемесячной премии американской фирмы КОМПЬЮТРЭЙД ИНТЕРНЕШНЛ.

●

Журналистский коллектив и редакционная коллегия «Огонька» признали лучшим из материалов на экономические темы, опубликованных во втором квартале, беседу академика О. Богомолова и журналиста А. Щербакова «Перемена декораций» (№ 23). Им и присуждена премия (600 руб.), учрежденная норильским центром научно-технического творчества молодежи «Резонанс».

ПРИЕЗЖАЙТЕ, У НАС ИНТЕРЕСНО

Юнна МОРИЦ

* * *

Ветер перелистывает воду,
в озере струится колокольня...
Здесь посмертно вышли на свободу
ветви из порубленного корня.
Это наша родина святая
с лешими под каждою ракитой.
Здесь, посмертно в братстве обитая,
прощены убийца и убитый.
Здесь при жизни тайная печатка
метит святость, путь которой горек,—
и детей, в капусте спящих сладко,
подбирает аист-алкоголик.
Ежедневно — сто причин для битвы,
для смиренья с нищетой и ложью.
И нельзя ни шагу без молитвы,
без надежды на подмогу божью.
1985.

* * *

Серая сырость, скользкая насыпь, злая весна,
вечером снежно, утром дождливо, днем сквозняки,—
что ни наденешь — душно и зябко, шапка тесна,
столько на череп намотано туч... А еще и звонки,
свежие слухи, свежие бредни средних веков,
свежие стройки замков воздушных, свисты вралей,
пляски надежд, эксгумация пламенных большевиков,
нас утопивших в крови... А еще и подлей
масла в огонь, где валяется чучел гора,
наших вождей несгораемых бронза, гранит...
чем это кончится?.. будет ли завтра страшней, чем вчера?
кто удивится потопу, резне?.. А еще и пьянит
гибели дикость, жертвы великость, злая игра.
1987.

* * *

Тумана мокрою рогожей
дома облеплены, задворки,
мосты... На сквере странник божий,
скрестивши руки, спит, как в морге.
Вороний карк, скрипят качели,
раскачиваемые ветром,
тоска, во все влезая щели,
сворачивается конвертом.
И, в полость ужаса и дрожи
всосавшись, как таежный овод,
звенит рассвет... Вылазь из кожи
и током бей, как рваный провод!
1988.

* * *

Пятьдесят мне и два годика,
бранит меня периодика,
доносчик и солдафон
слушает мой телефон,
гробил меня редактор,
травит меня реактор,
грабит меня издательство,
всюду вранье и предательство,
нельзя ударяться в истерику,
друзья удирают в Америку,
хамы меня обижают,
дети меня обожают,
кашель гудит мой волгло,—
очень живу я долго!..
1989.

* * *

Приезжайте, у нас интересно,
не соскучитесь, честное сло...
Приезжайте, у нас неизвестно,
что случится, какое весло
накренит, раскачает галеру,
где распилена рабская цепь
и раскованной ярости меру
вряд ли выдержит гнильная крепь.
Но зато мы гребем, свои кости
на раскрут маховой не щадя
и в припадках раскованной злости
наши рабские счеты сводя.
Приезжайте, мы все вам подарим,
все, чем наши запасы пусты.
Рабский шик — необуздан,
вульгарен,
я люблю этот шик нищеты.
1990.

* * *

Вторгаясь в судьбы наших чад,
мы каплем яд, который — опыт,
износ души, мышьяк утрат,
измен, чья память злобу копит.

Какая скука — жить умом,
на все несчастья обреченным,
от всех побед ожесточенным...
В окольном смысле и в прямом

мы нагнетаем рабский страх,
держа потомство под охраной
предчувствий, дрожи постоянной.
На всех сгоревшие кострах,

мы помешались и в бреду
одно к другому вяжем дико
астрологическое лыко,
ликуя, кликая беду.

Не будет гибели святынь,
материков!.. Не бойтесь, дети,
мы лишь одно на этом свете
способны предсказать — аминь! —

разлуку с вами... Дай вам Бог
растить потомство без напряга,
извлечь из нашей дури благо
и не выплачивать налог
за ужас пыточного мага.
1990.

ДОВЛАТОВ В НЬЮ-ЙОРКЕ

Огромный Сережа в панаме
Идет сквозь тропический зной,
Панама сверкает над нами
И машет своей белизной.

Он хочет холодного пива,
Коньяк тошнотворен в жару.
Он праздника хочет, прорыва
Сквозь пошлых кошмаров муру.

Долги ему жизнь отравляют,
И нету поместья в заклад.
И плохо себе представляют
Друзья его внутренний ад.

Качаются в ритме баллады
Улыбка его и судьба.
Панамкою цвета прохлады
Он пот утирает со лба.

И всяк его шутке смеется,
И женщины млеют при нем,
И сердце его разорвется
Лишь в пятницу, в августе, днем.

А нынче суббота июля,
Он молод, красив, знаменит.
Нью-Йорк, как большая кастрюля,
Под крышкой панамы звенит.
1990.

* * *

Как волны листвы, колосьев,
текучих, плакучих трав,
уйду, никого не бросив
и ничего не взяв.

Оставлю я вам в наследство
свой угол с луной в окне,—
дивное это средство
излечит печаль по мне.

У памяти есть глазница,
где гаснет прощальный свет,—
я вам перестану сниться
уже через восемь лет,

а в остальные годы
сон обо мне любой —
всего лишь прогноз погоды,
внезапная стужа, зной.

Я знаю, как было дело
с другими, примеров тьма:
у памяти есть пределы,
чтоб не сойти с ума.

Лишь тот, кто не терся рядом,
не видел меня живьем,
не взыскивал жадным взглядом
ни пользы, ни быть вдвоем,—

тот память свою не выскреб,
детальки сбирая в горсть...
К нему, воплотясь по искре,
буду я светлый гость.
1990.

* * *

Все там, брат, чужое,
не по нашей вере.
Не по нашей мере
окна там и двери.

Все чужое, милый,—
не по нашей воле.
Не от нашей боли
воют ветры в поле.

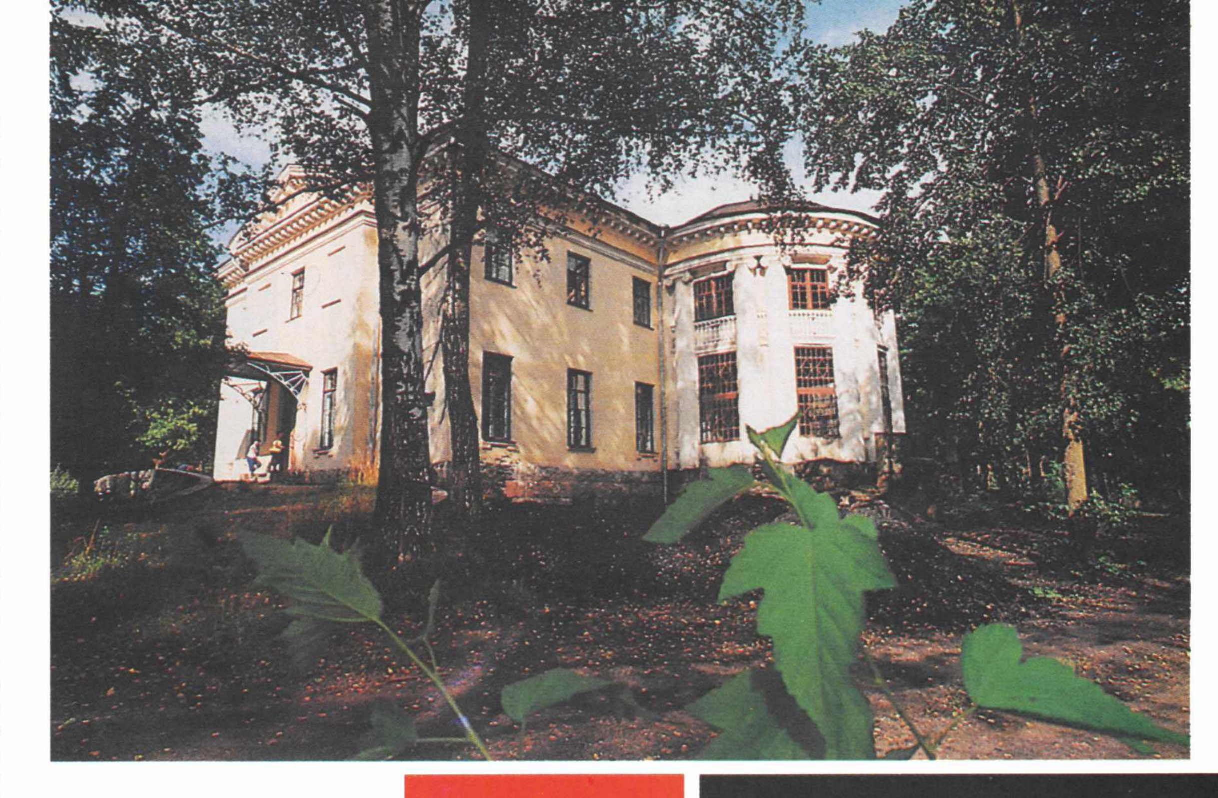
Там глаза чужие,
там чужие губы
да чужая память —
не по нашей глуби,

не по нашей ласке,
не по нашей неге...
Там чужие краски
на земле и в небе.

Но всего чужее —
страх чужой при мысли,
что у них на шее
мы с тобой повиснем.
1990.

* * *

Иной живет во тьме,
но от него светло —
он держит свет в уме,
как Архимед число.
Вмурована во мрак
душа — едва жива!
Но свет он держит так,
как держит путь трава
из башни крепостной,
из-под могильных плит...
Как в плошке подвесной,
он держит свет. И влит
он в эту плошку весь
таинственным путем,
которым все мы здесь
из тьмы во тьму идем.
1985.

Блистательный период этого имения, расположенного в живописнейшем месте, неподалеку от уездного Порхова, на берегу реки Шелони, длился всего-то полтора десятилетия.

Князь Андрей Гагарин, основатель Петербургского политехнического института, уволенный оттуда за антиправительственные настроения, откупил Холомки у Новосильцева в 1911 году.

Проект усадебного дома заказан был архитектору Ивану Фомину, который использовал классические традиции Кваренги, Старова, Львова. В 1912 году проект был исполнен. 29 июня того же года под руководством князя и при участии трех его сыновей приступили к работам, а в октябре следующего года огромный дом, объемом свыше ста тысяч кубических саженей, был готов.

Для идиллической усадьбы на берегу старинной реки и обитателей Холомков с лета 1914 года настали иные времена. Как сообщает Еженедельник императорского общества архитекторов и художников, «в настоящее время княгиня устроила в части дома лазарет на 25 кроватей, которые уже заняты раненными под Августовым солдатами Сибирского полка»...

После октябрьских событий бывший князь получил от Советской власти охранную грамоту на принадлежащий ему дом. Но ретивые порховские чекисты решили с целью «борьбы с гидрой» расстрелять сына Андрея Григорьевича. Однако по дороге к месту исполнения приговора, куда молодого князя вели вместе с местным крестьянином, тоже провинившимся перед революцией, Гагарину удалось бежать. А крестьянин был расстрелян.

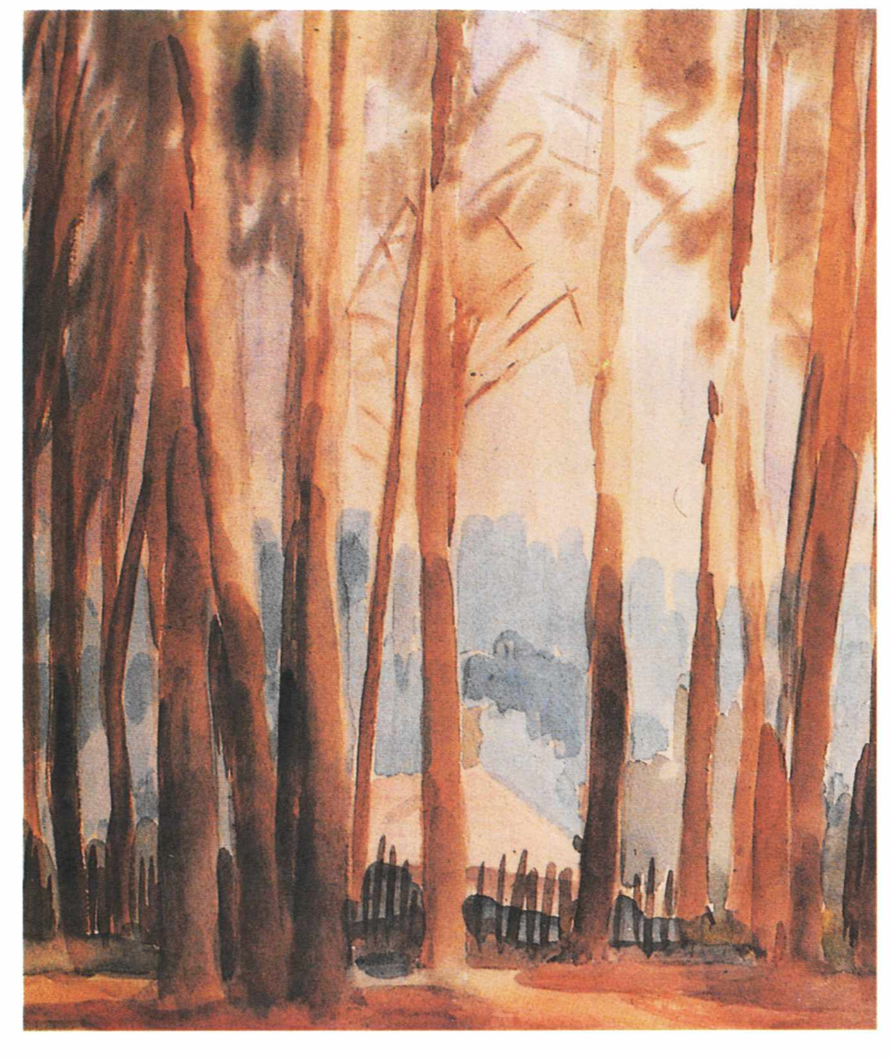
— Складывалось такое впечатление,— рассказывала мне очевидец этих событий историк Галина Васильевна Масляникова,— что власти и чекисты находились по одну сторону баррикад, а крестьяне и помещики — по другую. Иначе трудно объяснить, почему местные крестьяне скрывали молодого князя до тех пор, пока ему не удалось бежать из уезда, а затем уйти за границу...

Как складывалась дальнейшая судьба Холомков, удалось узнать из записок художника Владимира Милашевского, автора воспоминаний «Вче-

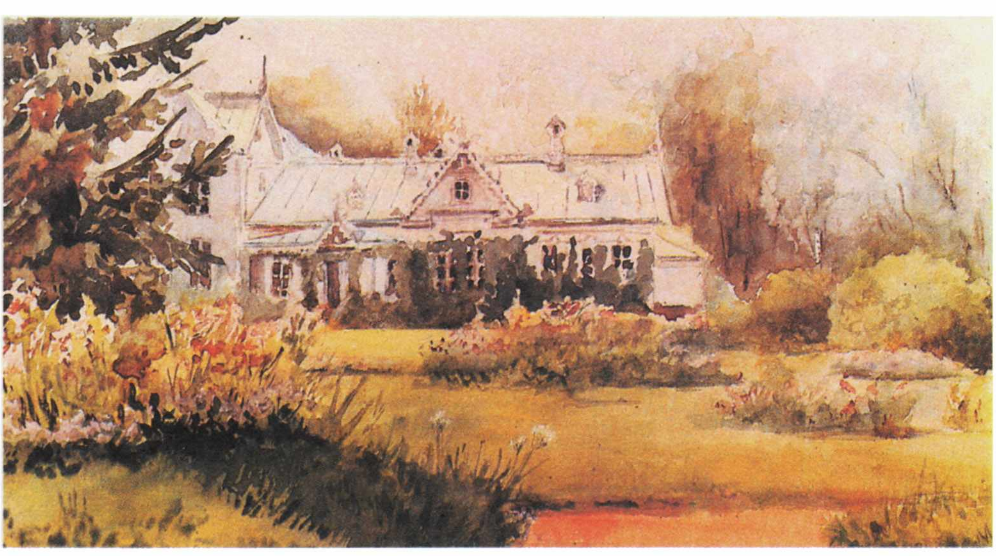

Фото
С. ПЕТРУХИНА
и
В. ВОЕВОДЫ

ХОЛОМКИ

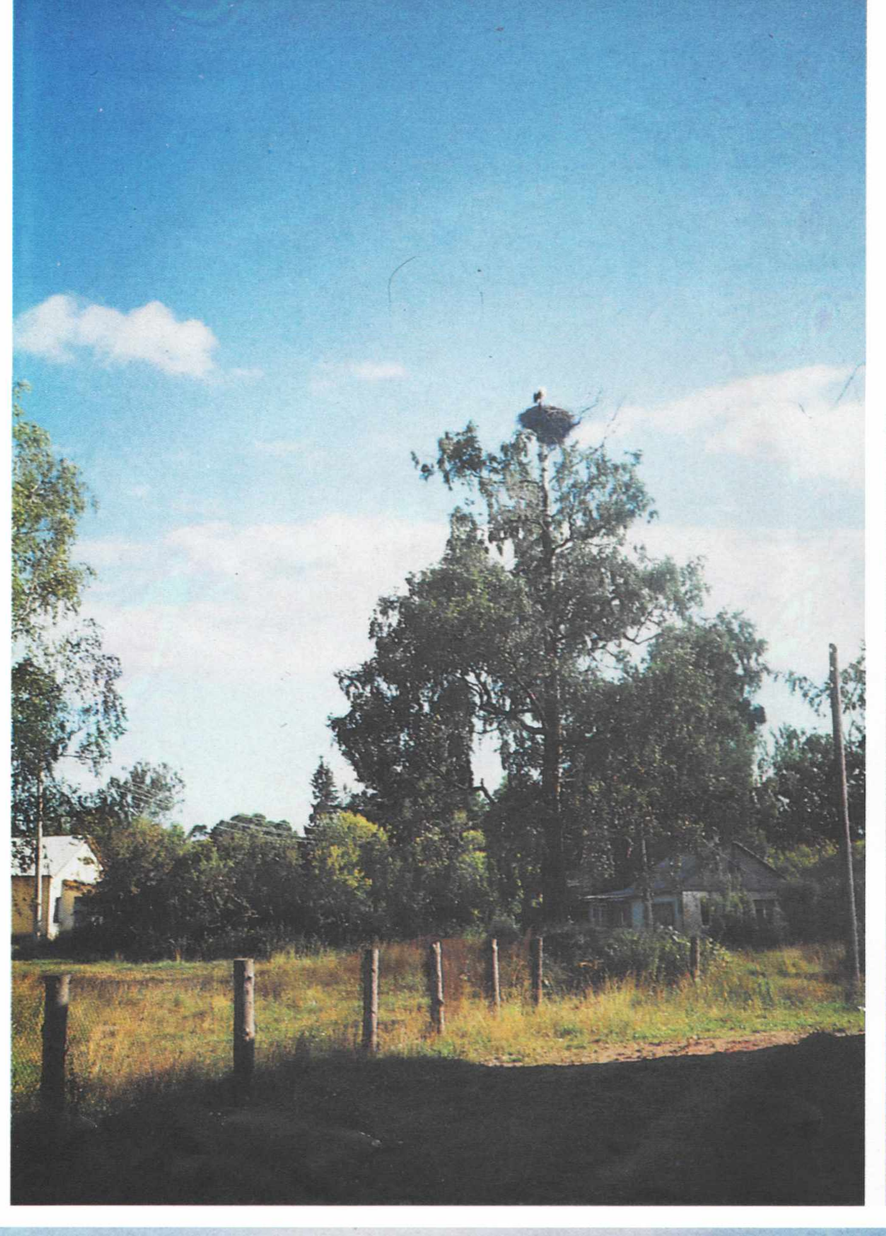

ра, позавчера». Княгиня Мария Дмитриевна предложила ему обсудить с Горьким возможность использования усадьбы в качестве пристанища художников и писателей, поскольку это будет лучше, чем если особняк захватят представители местных Советов и их жены.

О петроградском Доме искусств написано много. «Сумасшедший корабль», по определению Ольги Форш, объединял все «цехи» людей искусства. В Холомках с лета 1920 года появилась «колония Дома искусств». Написано о ней крайне мало.

Пансионатов, домов отдыха и творчества тогда

не было. Зато были «колонии», точнее, «социалистические колонии». Пугающий смысл этого слова утвердился несколько позже.

«Все мы, проживающие,— пишет в своих воспоминаниях В. Милашевский,— составляли «колонию Дома искусств». Местные крестьяне называли нас художниками. Термин «писатель» был у них не в почете, название же «художник» казалось, видимо, более диковинным и как-то выражало некоторую долю нелепости, которой был полон наш неуверенный и зыбкий быт.

Добужинский и Корней Чуковский были нашими «председателями». Перед властями оба они числились заместителями Горького. Бумажка за подписью Горького показывалась в исполкоме города Порхова, умиляла порховские власти, и они отпускали нам пайки — крупу, муку и махорку...»

— Однако первым «председателем колонии» в 1920 году был художник Борис Петрович Попов, зять Александра Бенуа,— сообщает Г. Масляникова.

За те недолгие пять-шесть лет, что просуществовала колония в Холомках и расположенной неподалеку усадьбе Бельское Устье, принадлежавшей ранее Новосильцевым, здесь побывала блистательная плеяда: Добужинский, Ходасевич, Милашевский, Мандельштам, Чуковский, Радлов, Зощенко, Лозинский, Замятин... Уверен, что список этот может быть продолжен.

Незначительное по тем временам событие произошло весной 1920 года в уездном Порхове — «Выставка картин русских художников». Каталог этой выставки, найденный сотрудниками Псковской картинной галереи, открывается вступительной статьей А. Бенуа. Затем следуют авторы: Алексеев, Анненков, Григорьев, Сомов, Судейкин, Чехонин, Шагал, Эссен и многие другие. Причем только произведений Шагала обозначено более тридцати!

— Важно и то, что художники дарили свои произведения,— поясняет сотрудник галереи Владимир Михайлович Галицкий.— Благодаря выставке двадцатого года в нашей коллекции даже после ущерба, нанесенного войной, сохранились работы Бориса Григорьева «Хутор», «Олонецкий дед» из цикла «Расея», Марка Шагала «Черные любовники. 1914—1915 гг.».

Должен сказать, художники и писатели приезжали в Холомки не только ради умилительных красот Средней России, но и спасаясь от голода. Тогда еще деревня в состоянии была прокормить отощавшую петроградскую интеллигенцию.

Страна постепенно переходила к нэпу, и, видимо, поэтому нужда в Холомках как месте, где можно пережить трудные времена, отпала. Да и часть «колонистов» покинула страну.

Они с нежностью вспоминали о Холомках. Сохранились виды усадьбы и окрестностей, выполненные замечательными мастерами нашего искусства. Но все это было сделано семь десятилетий назад — сейчас здесь не увидишь ни писателя, ни художника. А жаль... Ведь место это, к счастью, практически сохранилось.

Сегодня в Холомках удивляет, если так можно выразиться, зрительная чистота ландшафта. С высокого берега, на котором расположена усадьба, насколько хватает взгляда, вы не увидите ни одной трубы, ни одной силосной башни... Если еще лет двадцать назад этим трудно было кого-нибудь удивить, то сейчас это — редкость. Природа здесь неяркая, привычная для Средней России, однако все эти поля, луга, леса, долины рек создают до боли щемящую родную картину. Любопытно, что, находясь уже на Западе, Добужинский сделал свои знаменитые иллюстрации к «Евгению Онегину», взяв за основу не только прекрасные виды Холомков, но и интерьеры, и детали архитектуры гагаринской усадьбы. Все это легко угадывается в его работах.

И подумалось: почему бы не возродить здесь пансионат для людей творческих? Ведь сейчас Холомки — «планово-убыточная» база, есть такое определение в нашей централизованно-плановой экономике. Это означает, что прибыль Холомки приносят лишь летом, когда сюда приезжают туристы, да в каникулы, а в остальное время «простаивают». А художники, писатели, композиторы, как правило, предпочитают творить не в жаркое время года. Если же учесть, что наши современные дома творчества переполнены, то такая идея не покажется странной. Можно организовывать здесь и выставки, и музыкально-литературные вечера, и театральные постановки, и творческие конференции.

Чтобы не быть голословным — нас, журналистов, нередко ругают, что тему поднимаем, а не реализуем,— автор сообщает, что готов принять самое непосредственное практическое участие в возрождении Холомков.

Владимир ПОТРЕСОВ

Александр ГЕНИС

ПИСЬМА С РОДИНЫ

1

Среди соотечественников в Америке у меня почти нет ровесников. Я оказался в мертвой зоне — все, кто приехал сюда моложе, стали американцами: окончили местные университеты, перешли на английский язык, американских жен и безобидные коктейли. А я, как заноза, в кругу людей, уже немолодых, где выделяюсь спокойным отношением к родине: меня она обидеть не успела.

Возрастное одиночество оборачивается то преимуществом, то потерей. С одной стороны, грустно сознавать, что, вероятно, предстоит писать на всех друзей некрологи, а с другой — можно надеяться на непредвзятость оценок, вызванных неукорененностью ни в одной из двух выпавших на мою долю жизней.

Россия для меня не столько судьба, рок, фатум, сколько просто молодость — с девицами, палатками, бутылками, приключениями, веселой бедностью, юношеской фрондой, первой любовью, между прочим.

Что же касается Америки, то это не новая родина (какой нонсенс!), а адрес: я здесь живу.

Возможно, это и означает быть космополитом — растерять по пути к старости национальные признаки и жить не в Старом Свете, и не в Новом Свете, не в Советском Союзе и не в Соединенных Штатах, а дома — там, где растут твои дети, там, где стоят твои книги, скрипит твоя половица.

Причуды биографии определили и своеобразие ностальгии. Вернувшись в Россию тринадцать лет спустя, я с первой секунды влился в ее жизнь без особого умиления, сарказма или мстительного злорадства. Я приехал сюда не своим и не чужим, не гостем и не хозяином, не на время и не навсегда — просто посетил то единственное место в мире, где все говорят по-русски.

Конечно, для этого необязательно пересекать океан, теперь уже в обратном направлении. В Америке я тоже говорю, пишу, читаю и рассказываю анекдоты по-русски. В Америке мне удалось устроиться на уютном русском островке в океане английской речи. Но в России русского языка куда больше, и этот количественный фактор, пожалуй, был самым приятным сюрпризом.

Как-то я забыл, что русский язык может быть не только частным делом. Что по-русски, кроме книг, можно писать и лозунги, и памятки пассажирам лифта, и инструкции для водопроводчиков, и таблички — кстати, самые популярные в Москве — «Санитарный день». Если уж искать определение для такой рискованной материи, как родина, то для меня это монополия одного языка — родного.

2

В современном и опрятном аэропорту с щекочущим язык названием Шереметьево я с жадностью вслушивался и всматривался в новую — она же старая — советскую реальность. И был вознагражден первым диалогом, подслушанным на родной земле.

Пожилой мужчина умолял человека в форме пропустить его престарелого родственника куда-то туда, где быть тому не положено. «Ему 88 лет»,— объяснял проситель пограничнику. На что тот сонно отвечал: «Если такой старый, зачем летает?»

Тут я радостно вздрогнул, окончательно поверив, что вернулся в страну, где всем есть до всех дело, где царит не инструкция, закон, а индивидуальный, личностный подход, где пассажиры делятся не на тех, кто с билетом, и «зайцев», а на молодых и старых, своих и чужих, приятных и неприятных, нужных и ненужных, важных и не очень.

И все это невообразимое множество типов, видов, случаев управляется не универсальным законом, а личной волей, или — что то же самое — произволом.

Этот принцип отнюдь не навязывается извне, он внутренне присущ обществу, которое согласно и на произвол, лишь бы он преследовал разумные, добрые, вечные цели.

На Арбате, у Староконюшенного, двое ребят под аккордеон пели военные песни. Толпа добродушно внимала, щедро швыряя мелочь в перевернутую кепку. Но вот к музыкантам подошел милиционер и приказал прекратить концерт. Народ взволновался, зашумел, доказывая, что песни были хорошими, нужными. К моему удивлению, милиционер с готовностью вступил в дискуссию: «Постановление Моссовета запрещает петь на Арбате — жильцам мешает. Если вы не согласны с законом, обращайтесь не ко мне, старшему наряда Стрельчуку, а к самому Попову»,— отчеканил милиционер, уже, как видно, поднаторевший в юридических баталиях.

Толпа категорически отказалась принять доводы, требуя судить не по бюрократическому параграфу, а по-людски. Дальше пошла любопытная казуистика: «Законы должны быть для народа. А мы что — не народ?»

Чтобы принять подобную аргументацию, требовалось не столько воображение, сколько память. Ведь я вернулся из холодного западного общества в теплую страну, где социальная функция еще не отчуждена от конкретной личности: милиционер тут не анонимный человек в фуражке, а некто живой, конкретный, добрый или злой участковый — ну, скажем, дядя Степа.

Все государственные и общественные институты Советского Союза пронизаны человеческими токами. Все связи здесь сохранили личностное притяжение и отталкивание.

Есть тут этакое первобытное достоинство: в контакт вступают не функции, а их носители, еще сохраняющие свои индивидуальные черты.

На Западе горничная в гостинице — невидимка, выполняющая четко оговоренные и оплаченные обязанности. Здесь у горничной есть лицо, характер, имя — мою, например, звали Анна Гавриловна.

Именно поэтому в Москве вся наша путешествующая компания первым делом обзавелась широким кругом знакомств — официанты, метрдотели, таксисты, швейцары, продавцы книжных и водочных магазинов. Только войдя в дружную или враждебную, но семью, вы можете вести сносную жизнь в России. Только признав над собой «власть швейцарскую» — без чего иностранец обречен играть глупую роль мистера Твистера,— вы получаете пропуск внутрь страны.

Конечно, эта богатая оттенками система отноше-

ний возможна лишь в специфических условиях: только в обществе, где отсутствует всеобщий уравнитель, то магическое средство, которое заменяет душу бесстрастным эквивалентом,— деньги.

3

В безденежном мире, в мире, где торжествуют древние обычаи, не случайно так схожи между собой слова «БЛАТ» и «БРАТ».

Братство — ключевое слово русской мысли — духовный императив нации, видевшей свой идеал в чуждом Западу понятии соборности.

Братство — это добровольные родственные узы, заменяющие насилие закона, собственности, цивилизации.

Но братство совсем необязательно предусматривает любовь. Вспомним самую первую братскую пару — Каина и Авеля.

Блат — плод брака всеобщего братства и безденежной экономики. От родителей он унаследовал свои черты, терпимость к унижению, хамство (чужому грубить труднее), упоение беззаконной властью. Но и чувство локтя (часто — острого), соседскую приязнь или вражду, атмосферу приватности, которая не столько упрощает жизнь, сколько окутывает ее паутиной приятельских или неприятельских связей. В России человек никогда не остается по-настоящему одиноким: хочет он того или нет, его лишают тяжкого бремени свободного выбора.

Находясь в полной зависимости от государства, личность в то же время выставляет между собой и властью спасительный буфер — блат, который смягчает жесткую претензию начальства подчинить жизнь своей умозрительной схеме.

Как бы ни называлась эта принятая в «верхах» схема — командная экономика, гуманный социализм или просто перестройка,— мирное, но стойкое сопротивление «низов» корректирует ее в свою пользу: так, чтобы сохранился статус-кво.

Реформы не способны проникнуть в глубь замкнутого на самом себе общества — это все равно, что стрелять в подушку. Инерция «приблатненного» братства сильнее экономических и политических резонов.

Пока перестройка тщится перестроить общество, общество пристраивается к перестройке.

В грандиозном московском гастрономе на Калининском продавали один хрен, по иронии судьбы, завезенный из Прибалтики. В не менее огромном магазине на Смоленской единственным работающим отделом был тот, над которым горели неоном метровые буквы «АДМИНИСТРАТОР». На Центральном рынке черешню продавали по тридцать рублей килограмм, причем торговцы далеко не каждому покупателю называли цену, очевидно, опасаясь скандала.

И все же в каждой московской квартире стол накрывался по-прежнему хлебосольно, с нерасчетливой щедростью — феномен, ставящий в тупик советологов.

Всеобщий кризис разыгрывается по особым правилам. Жизнь, казалось бы, дошла до ручки, но падение в пропасть совершается так давно и так безнадежно, что к нему успели привыкнуть.

Общество — между прочим, любое — всегда тяготеет к консерватизму, ибо только в незыблемости устоев оно питает силы для отражения нововведений, угрожающих его стабильности.

Круг нормальной жизни — с уютной службой, налаженным, хоть и диковинным бытом, с привычным чувством чужой вины — вот тот балласт, который делает невозможным ни движение вперед, ни возвращение назад.

Не означает ли это, что кризис системы еще не сделал жизнь настолько невыносимой, чтобы вынудить страну к переменам?

Все, кого мы встречали в России, жаждали перемен — но не для себя, а для других.

Советская цивилизация выработала определенный образ жизни, который является исторической и психологической реальностью.

Сегодня многие в порыве отчаяния отказываются замечать, что прошлое отнюдь не исчерпывается преступлениями и катастрофами. Из-за этого в Советском Союзе, измученном перестроечными разоблачениями, теряется ощущение естественности, подлинности бытия.

Но какова бы ни была советская жизнь — она своя.

Перестройка, ежедневно покушаясь на привычное существование, не сумела отучить народ от своей жизни, а значит, и не довела страну до предела отчаяния.

Советская толпа по-прежнему смирна. Даже в столичной толчее вы не ощущаете того взрывоопасного напряжения, которое, скажем, свойственно полупьяному ирландскому параду в Нью-Йорке. Московские кухни, как и раньше, полны иронии и фрондерства, но не озлобленности.

Всеми силами жизнь сопротивляется переменам, заменяя их перетряской. В Литературном институте висит текст новопринятых обязательств в социалистическом соревновании. И в букваре на старом месте напечатана репродукция с картины неизвестного художника А. Г. Варламова «Ленин с детворой».

Перестройка все еще скользит по поверхности, не затрагивая ткань бытия.

Единственный инструмент, способный решительно разорвать преемственность с прошлым,— настоящий, золотой, конвертируемый рубль. Только валютная революция может справиться с подспудным сопротивлением реформе, разрушив вязкое блатство-братство.

Но даже предчувствие такого переворота, который наконец бы ввел в общество универсальный эквивалент труду, уму и усердию, повергает в уныние.

Торжество рубля означает коренную ломку всего социального организма, и никто не уверен, что переживет эту операцию.

В редакции одной из самых радикальных газет работают 26 штатных журналистов, выпускающих четыре полосы четыре раза в неделю. Сколько из них останется на службе, когда издатель станет платить зарплату из своего кармана? Два-три человека, причем скорее всего не из этой компании.

Что будет с лесистыми московскими дворами, когда определится реальная цена на городскую землю?

Куда пойдут работать мои симпатичные приятели, занимающие должности экспертов по научной организации труда?

Что станет с людьми, всю жизнь собиравшими не деньги, а книги?

Какое будущее ждет милые конторы, где десятилетиями пили чай с сушками, когда бы вы их ни посетили?

Что произойдет с теми людьми, которые несли по Красной площади плакат: «Рынок — да, безработица — нет»?

На подобные вопросы учит отвечать эмиграция. Но тут-то никто не предлагал выбирать. В общество свободного предпринимательства эмигрантов окунули с головой, и если мы и выплыли — а Третьей волне это удалось,— то только потому, что действительность нас быстро выучила принимать любимый тезис нынешних советских вождей — «другой альтернативы нет».

Перестройка же всегда подразумевала идею выбора: сперва между хорошим и отличным, потом между старым и новым, затем между плохим и худшим, и наконец — из двух зол.

Страна стоит у развилки уже так долго, что к этому промежуточному состоянию притерпелись: общество пристроилось к перестройке, найдя шаткое равновесие между прошлым и будущим в одном, отдельно взятом дне — сегодняшнем.

4

Не столько перестройка, сколько гласность нарушила чистоту кардинального конфликта советского мира — противоречие между частной и общественной жизнью.

Парадокс в том, что личность привыкла находиться в оппозиции к власти, бесправием оправдывая бездеятельность. Но при этом в России понятие дома неразрывно связано со страной, с державой, с государством. Личная судьба слита с общей настолько тесно, что изменение политического курса воспринимается как внутрисемейное дело.

Все рассуждают о том, что будет со страной, а не с ними. Будущее Горбачева кажется важнее будущего собственных детей. Завтра существует только в виде коллективной судьбы. Личные перспективы тают в тумане универсального грядущего, которое бросает тревожную тень на перестроечные будни.

В этом причудливом симбиозе общественного и частного так странно переплелись интересы государства и личности, что рухнула граница, отделяющая «их» от «нас».

Все заметнее становится разрушение официальной зоны, некогда полностью отданной на откуп посторонним. Сфера частной жизни захватывает политику: кухня разрастается до парламента.

Приватизация политики привела к тому, что в стране эротическая энергия вымещается в общественную деятельность.

По сравнению с Западом, даже с пуританской Америкой, где моральная цензура сейчас жестче, чем в России идеологическая, советское общество представляется бесполым.

Вернее, оно лишено женственности. Россия — по определению старых философов «жена без мужа» — как будто обратилась в суровое братство, устав которого не оставляет места посторонним общему делу эмоциям.

Включение политических реалий в сферу фамильярного контакта обернулось утратой чувственности. Произошел перенос сексуальных переживаний на государство, с которым общество вступает в противоестественные отношения любви — ненависти, или — что точнее — отчуждения и зависимости.

Власть — нелюбимая жена, занявшая место возлюбленной. Комплекс сексуальной неполноценности проявляется, например, в том, что из литературы и искусства исчезла любовная тема. А настойчивое, но бесцельное мелькание голых тел в кино и театре лишь подтверждает унылое ощущение бесстрастности: эротика то и дело оборачивается насилием, а не наслаждением.

Сейчас в бесполой Москве о любви напоминают только видеосалоны, предлагающие зрителям переводные сексуальные протезы, вроде сомнительного боевика «Вечер с француженками».

Да что там говорить — даже похабных анекдотов я в России не слышал.

Русской классической литературе активно не нравилась окружающая ее действительность. Неприязнь наших лучших писателей к современному им обществу, правительству, строю — отнюдь не выдумка школьных учебников. Сам «веселый» Пушкин написал, в сущности, трагический роман, произведя на свет не первого и не последнего, но единственного в нашей литературе подлинно национального героя — лишнего человека.

Константин Леонтьев, испытывая отвращение к мизантропии писателей-соотечественников, говорил: «У нас просто боятся касаться тех сторон действительности, которые идеальны, изящны, красивы. Это, говорят, не по-русски. Мальчики и девочки должны быть все курносые, гадкие, золотушные, баба — забитая, чиновник — стрекулист, генерал — болван. Это значит русский тип».

При всем том нельзя не найти противоречия между двумя обликами России. Один — это меланхоличный, тоскливый, самокритичный образ страны, созданный ее лучшими писателями, поэтами и художниками-передвижниками. Второй — роскошный, гордый и самодовольный образ России, явленный в ее архитектуре.

Чтобы убедиться в реальности этого конфликта, достаточно взглянуть на ампирное благородство Английского клуба (сейчас — и пока — Музей Революции). А ведь именно здесь скучал Онегин.

И интерьер Елисеевского гастронома никак не вяжется с чеховской прозой. «С такими магазинами,— резонно подумает наш современник,— да еще полными, откуда бы взяться «хмурым людям»?»

Конечно, можно считать, что один российский образ рожден душой страны, а второй — ее телом. Но все равно неясно: откуда в таком здоровом теле, каким, без сомнения, является, скажем, здание ГУМа, взялся столь мнительный дух?

Какое же из искусств — словесное или архитектурное — говорит правду о России?

Вероятно, никакое. Да и применимо ли вообще понятие правды к культуре? Свобода — дело другое. Но правда...

Каждая культура пользуется своей призмой, сквозь которую она смотрит на мир. Разве можем мы судить по Голливуду об Америке или даже по Шекспиру об Англии?

Противоречие между реальностью и искусством неустранимо. И когда в Советском Союзе постоянно требуют правды от искусства, это означает всегда что-то конкретное — например, творить в жизнеподобных формах или рассказывать о тех или иных исторических событиях.

Обо всем этом я думал, готовясь осуществить заветную эмигрантскую мечту — посетить Выставку достижений народного хозяйства.

Как и все в нынешней России, ВДНХ существует в призрачном транзитном состоянии — она, как Атлантида, погружается в небытие, отчаянно прихорашиваясь перед смертью: сверкают на солнце свежей позолотой отключенные, может быть, уже навсегда, фонтаны. Павильоны стоят в строительных лесах, но похоже, что их ремонтируют и демонтируют одновременно.

И все же вопреки этой нерешительной разрухе в ВДНХ еще можно разглядеть признаки идеального мира, прообразом которого она задумывалась. Прямые, как в городах всех утопистов, улицы-аллеи,

внятная, ясно читаемая планировка, открытый, приветливый ландшафт и воздушные, то игривые, то величественные, павильоны. Для каждой области хозяйства выстроен свой дворец: мясоперерабатывающая промышленность, прудовое рыбоводство, электротехника с отдельным филиалом слабых токов.

ВДНХ — сооружение, несомненно, культового характера — не обременена никакими прагматическими функциями. Увенчав каждую отрасль соответствующим павильоном, страна приносила жертвы силе плодородия и богу планирования.

Скульптурное оформление выставки — антураж этого языческого культа. Моряки с якорями, колхозницы со снопами, рыбаки с сетями, строители с лопатами, ученые с микроскопами — пока только эти искусственные люди достойны жить в райской обители подлинного социализма: на ВДНХ.

Отставшей стране следовало равняться на славный пример — подтягивая урожайность до тех золотых колосьев, которые увенчивают одноименный фонтан; дети должны учиться так же старательно, как гипсовые пионеры, женщины — эмансипироваться так же успешно, как мускулистые мраморные доярки, мужчины — завидовать бронзовому быку с гениталиями рекордного размера.

Этот уникальный заповедник языческого мироощущения уже изрядно разъеден богоборческими новациями. Часть их еще оттепельного происхождения — нелепые стеклянные кубы, иллюстрировавшие хрущевскую гонку с Западом. Заметен на ВДНХ и перестроечный вклад — киоски, торгующие кооперативной курятиной под загадочной вывеской «Здесь продается именно то, что вам надо».

Тридцать лет ВДНХ разрушается, как часто это бывает, планомерно и стихийно одновременно. Эклектика уничтожает чистоту стиля, обеспеченную некогда могущественной идеологией. А с ней уходит и единственная в своем роде возможность: превратить Выставку достижений народного хозяйства в Мемориал жертвам режима, сооружения которого все ждут с таким нетерпением.

ВДНХ самой судьбой и историей, кажется, определена быть грандиозным памятником эпохе. Здесь, среди варварски пышной архитектуры, можно расположить музейный комплекс, в котором символически бы сочетался внешний, парадный облик страны с внутренней, тайной трагедией ее обитателей.

Эстетическое и этическое противоречие, порожденное таким симбиозом, могло бы служить наглядным выражением двойственности — и двусмысленности — всей советской эпохи. Эпохи, научившей мир трагическому оксюморону: сочетание геноцида с культом оптимизма.

5

Глобальный пессимизм нынешней советской культуры тесно связан с не менее глобальным оптимизмом ее предшественницы.

Дело в том, что сталинская, назовем ее своим именем, культура (ВДНХ — как раз ее наиболее яркий символ) являлась самостоятельным, завершенным феноменом, настолько стойким и жизнеспособным, что разрушение его порождает катастрофическое миросознание.

Модель эта была, говоря языком физики, изотропна: каждый ее элемент представлял собой все здание культуры в целом. Каждый кирпичик — будь это роман-эпопея, фильм про разведчиков, московский «небоскреб» или песенка о ландышах — воспроизводил (или искажал) реальность с одной и той же целью: нести людям благую весть о прекрасном мире.

Главное тут — целостность. Теория бесконфликтности не просто убогий вымысел теоретиков соцреализма — это отражение непротиворечивости сталинского мифа.

Оптимизм был не качеством его, не отличительной чертой, а самим содержанием. Хэппи-энд — всеобщий, космический — вот подлинное острие пирамиды, по подобию которой созидалась жизнь.

Перед культурой в этой системе ставился ясный и четкий социальный заказ: эстетическое освоение этического идеала, постулированного революцией. На долю художников — или ремесленников — той поры оставались лишь прорисовка деталей, постановка мизансцен, нюансы, оттенки, декоративные завитушки: ничего существенного к уже сказанному они добавить не могли.

В конечном счете жизнь, как и в случае с ВДНХ, должна была совместиться со своим десантом в будущее — с искусством.

В Советском Союзе этот эксперимент приобрел невиданные масштабы. Но вообще-то элементы такой культуры отнюдь не уникальны. Массовая культура, в отличие от высокого искусства, всегда оптимистична, будь это детектив, вестерн или производственный роман. Ложь горьковского Луки нужна не меньше правды Сатина.

Среди истоков сталинской культуры можно найти на первый взгляд и весьма неожиданные. Например, викторианскую эпоху, которая реализовала просветительскую философию в художественной практике.

Там оптимистическая установка базировалась на вере в прогресс. Мир рассматривался в линейной перспективе: он целеустремлен, разумен, справедлив, содержит в себе нравственное оправдание, открыть которое должна всемогущая наука.

Наиболее адекватно такой комплекс взглядов представляет самый знаменитый из викторианцев — Шерлок Холмс. Прославленный сыщик знает, что каждая тайна имеет разгадку. А ключ к ее раскрытию в научном методе — дедукции. Мир можно разложить на элементы и снова собрать, он механистичен, в нем не остается неразъясненного остатка. Тут все, как в школьном задачнике, подогнано так, чтобы сошлось с ответом. Более того, все и идет от раздела ответов — с конца к началу.

В Советском Союзе такая модель стала единственной. Недаром Шостакович, Пастернак или Булгаков никак не могли вписаться в сталинскую культуру, даже тогда, когда пытались это сделать. Они-то ответа заранее не знали.

Способ творчества — от идеала — неизбежно придавал культуре привкус инфантилизма, что, кстати, и привело Конан Дойла в детскую библиотеку.

Ностальгия по сталинской эпохе — это тайная тоска взрослого человека по беспорочному детству. Горечь от утраченной веры в разумность и объяснимость мира, боль от загубленной простоты.

Даже шестидесятники — ироничные скептики, правдоискатели, разрушители, ниспровергатели — всего лишь модифицировали старую модель, пытаясь восстановить разрушенное XX съездом равновесие, вернуть жизни положительный баланс добра и зла. Отсюда и повсеместный в 60-е годы рефрен: если бы Ленин был жив. Ленин для шестидесятников был человек с ответами, без которого задачник теряет смысл.

Конечно, оптимизм такой модели культуры приходил в разительное противоречие с жизнью. Действительность постоянно отрекалась от идеала, и он перемещался в сферу иллюзорного — литературу, искусство, в жанры торжественных заседаний, ритуалов награждений, праздничных демонстраций.

Конфликт между поэзией и прозой жизни приводил культуру к утрированным, как на той же ВДНХ, образцам, и все же не теряла своей устойчивости пирамида. Даже женская мода — юбка колоколом — подчеркивала эту форму.

Не разоблачительный пафос гласности уничтожил пирамиду сталинской культуры, а отсутствие универсальной цели, стоящей перед обществом. Оттепель не дожила до такого радикализма, а вот перестройка уже не способна к формированию нового идеала, хоть и пытается это сделать, то реанимируя «подлинный» социализм, то выдвигая концепцию патриотической утопии.

Перестройка соответствует переходному возрасту — самому мучительному этапу человеческой жизни. Взросление, отказ от иллюзий, сопровождается гнетущим чувством безверия и разочарования: мир оказался суровым, жестоким, неуютным.

Конечно, невозможно вернуться в безмятежную ложь прошлого, но это еще не означает, что нельзя испытывать ностальгию, тосковать — хотя бы с той горькой иронией, как это делают поэты и художники соц-арта,— по ясным, чистым, внятным и разумным отношениям с миром, которые пусть с чудовищной фальшью, но все же без устали изображала советская культура тех времен, когда книги писали не про наркоманов, а про сталеваров, фильмы снимали не о проститутках, а о стряпухах и пели не рок-шлягер «Пойду я утоплюсь», а пошлую, но безгранично оптимистичную песню «Ландыши».

6

Из всех дефицитов, обрушившихся на страну, самый мучительный — дефицит оптимизма. Но обнаружился он потому, что именно в этой области Россия достигла изобилия.

Сегодняшняя ситуация в Советском Союзе ни у кого не оставляет сомнения: социализм, который строили семьдесят лет, неправильный. Осознание страной этого факта и называется перестройкой: неправильный общественный строй надо пе-ре-строить в правильный.

В какую бы сферу жизни ни вмешивалась перестройка — от трамваев до депутатов,— проходит она по типовому сценарию: неправильный общественный институт, инструкцию, закон следует заменить правильными.

Но как-то так выходит, что многие сторонники перестройки, горячие борцы за новое, вместо скомпрометировавших себя программ, предлагают другие концепции преобразования общества, мало отличающиеся от предыдущих.

В советском обществе до сих пор жив просветительский идеал: человек добр, а мир справедлив. Это утверждение может варьироваться: человек зол, но мир справедлив (и тогда мир исправит человека). Или — человек добр, но мир несправедлив (в этом случае человек исправит мир). Какой бы вариант мы ни избрали, задача социального строительства сводится к тому, чтобы привести в соответствие две части этого уравнения.

Жизнь на Западе прививает другой, менее оптимистичный взгляд на вещи: решение вопроса о человеке и мире — задача личная, а не государственная. Западная реальность не располагает к утопическому мировоззрению, она не принимает на себя ответственность за промашки Творца. Прежде всего потому, что демократия никогда не выдавала себя за утопию. Советская же действительность, кажется, немыслима без глубинной, подсознательной ориентации на идеальное общественное устройство. Поэтому и феномен гласности можно интерпретировать как претензию к государству, к народу, к миру, наконец. Это бесконечная жалоба на несовершенство мироздания, которое неизбежно превращает Добро в Зло.

Социализм восторжествовал в Советском Союзе тогда, когда сумел убедить страну в способности общества быть идеальным. И потерпел сокрушительное поражение, когда выяснилось, что этому не бывать.

Реформы углубляют пропасть неверия. Историю перестройки можно представить тремя вопросами: сперва — «Кто виноват?», потом — «Что делать?» и, наконец,— «Кто мы?».

Россию теперь действительно трудно отнести в какую-либо категорию. Из сверхдержав она себя вроде бы сама исключает, но и к Третьему миру не принадлежит.

Развивающиеся страны, многие из которых уже стали, кстати, развитыми, исповедуют либо фаталистическую, либо прагматическую политическую философию.

Третий мир знает, что он беден, и готов или разбогатеть, или смириться с нищетой.

Россия не только не может сделать выбор, она еще не готова выбирать вообще.

При всем том тезис «мы лучше всех» мало чем отличается от утверждения «мы хуже всех». И в том и другом случае источник один — изоляция России.

Границы, которые столь долго скрывали от Советского Союза чужеземные блага, оградили его и от зрелища чужих страданий.

Советскому человеку свойственна островная психология. Живя с сознанием своей «особости», он никак не решится признать, что все мы на этой планете — современники. Что все мы живем в одно историческое мгновение, всех нас мучают очень похожие проблемы, хотя бы потому, что все мы рождаемся и умираем. И все это — независимо от общественного строя.

Не зря самой невероятной новостью для моих советских друзей был рассказ о сломанном водопроводе в нью-йоркской квартире...

Россия действительно ни на что не похожа. Но это относится к стране, а не к людям.

Люди здесь такие же, как всюду. Нет никакого народа-богоносца, но нет и земли лентяев, воров, пропойц. Это не редкая порода Левшей, но и не безрукие иждивенцы.

На базаре лежат выращенные крестьянами роскошные овощи и фрукты. По улицам ездят допотопные «Победы», отремонтированные умелыми рабочими. Из-под прилавка торгуют прекрасными книгами, написанными талантливыми писателями.

В Москве меня не оставляло ощущение несуразности, нелепости. Как будто электрический ток бежит не в ту сторону и нужно всего лишь поменять плюс на минус, чтобы все пришло в естественное состояние.

Но, кажется, Россия только тогда сможет вернуться к нормальной жизни, когда люди, ее населяющие, признают себя такими, как все,— ни хуже, ни лучше. Когда вместо народа, отягощенного комплексами, здесь будут жить просто мужчины и женщины, кровно заинтересованные не в общем благе, не в преумножении добродетелей и не в подсчете потерь, а в личном, глубоко личном деле, которым является их собственная жизнь.

Нью-Йорк, июль 1990 г.

Ведет рубрику
Виталий ШЕНТАЛИНСКИЙ

Простая школьная тетрадка. И в ней — без запятых, с ошибками, большими неровными буквами...

Такие рукописи литературой не назовешь. Но без них история будет неполной. Сила и ценность их — в обнаженной достоверности, в красноречивости самого факта. Это прямые свидетельства, человеческие документы.

Вот один такой документ — полностью, как он есть, рука не поднимется оборвать, отредактировать.

ХОЖДЕНИЕ ПО МУКАМ

Москва.
Союз писателей.
Редакции.

Материал требует обработки.

Прошу прощения у почты. Не знаю адреса Союза писателей.

Пишет вам пенсионер инвалид второй группы пожизненно Окунев Иван Васильевич репрессированный в марте 1938 года отбывший срок в Магаданской области на Крайнем Севере.

20 февраля 1938 года мне исполнилось двадцать лет. Пришла повестка для призыва в армию. На вопрос когда будете брать на службу, мне сказали жди повестку со дня на день но до 18 марта повестки не было. 18 марта я был на встрече на улице Горького — Папанина Ширшова Федорова Кренкеля. Пришел домой дома ждал милиционер. Оказывается проверяли по домам паспорта и у меня оказался просрочен паспорт. Проживал я тогда в Дзержинском районе в Марьиной роще. И меня отвели в милицию. Просидел я один месяц потом пришло обвинительное заключение. Прошу вас извинить за почерк и знаки препинания у меня каткрак да и болезнь двойной инсульт меня два раза парализовало. Вот уже восемь лет парализован на почве нервной системы. Вы спросите откуда нервы? Пишу вам по порядку.

Когда привезли нас на Колыму прошли санпропускник. Вместо обуви нам дали два рукава от списанных бушлатов и одну пару рукавиц и все это на два года. Работали в забоях на золотых приисках и рукава в забое по щебню быстро рвались выскакивала вата и голые пальцы отмерзали. И вот в декабре 1942 года на 1943 год на наряде начальник лагеря Кулиев объявил у кого какая будет просьба говорите пока не ушли на работу. И вот мы двое стали просить рукава но нам сказали что это не рукава а бурки они даются на два года. А двое трясут над головой рваными рукавицами которым также ответили что они даются на два года. Нам четверым велели выйти из строя а остальным скомандовали на работу. Нас повели в изолятор. Кулиев вызвал пожарников ударом в рельсу. Слышим и видим в щели между досок как они прибежали. Часть полезла на крышу изолятора на углу появился пожарный с пожарным рукавом. Заработал движок и направили на нас. Мы бежим из угла в угол но он направлял на нас. Мы кричали звали папу и маму ругая их всякими словами. А в этот день было пятьдесят градусов утром поломалась рама автомашины от мороза.

И так поливали полчаса потом заглох движок. Пожарник слез и стали разбегаться. А часа через четыре пришел Кулиев и стал говорить чтоб мы шли в барак но мы все смерзлись и не могли тронуться с места. Тогда он позвал пожарного который пришел с маленьким топориком и стал отрубать друг от друга.

Я стоял сзади и меня вырубили первого подтащили к двери. И закричал марш в барак! Но у меня ватные брюки смерзлись и я сказал что не могу. Я помогу! Ударом ноги в спину я вылетел на улицу ударился лицом об стежку которую протоптали разбил губу во рту оказались два зуба и стало солоно от крови.

Подбежали два пожарника и ногами покатили по направлению к бараку. До барака было метров 25. Но когда подкатили я превратился в снежную бабу на мокрую одежду налип и замерз снег. Тогда поставили к бараку спиной и прикладами стали обивать снег да так что костям больно. У бойца растегнулась шуба и я увидел значок КИМ. Я сказал что не совестно тебе носить комсомольский значок. Меня с силой ударил прикладом. Я упал. Тогда за ноги через порог потащили в барак а сзади катят остальных. Слезы причитания и ругань бойцов.

Но дневальный барака был предупрежден чтоб натопил печку печка была бочка из-под горючего. Я постоял минут пять лег на нижние нары против печки дав другим место у печки но на мне все белье прилипло к телу. Заснул проснулся ночью болела голова кололо в груди температура большая.

Утром дневальный объявил подъем. Я стал будить мокрых соучастников но двое были мертвы. Это я крикнул дневальному. Пришли два санитара и на носилках унесли. Дневальному я сказал что мне надо в санчасть. Он сказал ребятам чтобы они меня отвели в санчасть. В санчасти врач спросил фамилию имя и отчество он сказал что мы с тобой тезки. Тогда он спросил откуда рождением. Я сказал с Москвы жил в Марьиной роще. Он как бы обрадовался и говорит а мы и земляки. Я спросил а где вы жили он сказал что был Главврачем Кремля. А за что вас посадили? Обвинили в смерти Максима Горького. Это все что я запомнил но фамилию я не спросил. В течение месяца он меня вылечил. Было воспаление легкого.

Четвертый из нас умер в санчасти, а я остался живым. Иван Васильевич ко мне относился хорошо я выздоровел. Тогда он сказал что оставляет меня в слабкоманде спрашивает что я боюсь мертвых? Я сказал боюсь только живых. Тогда я тебе дам работу. В двух километрах от лагеря находился морг. И мне надо было ночью топить печь в морге оттаивать трупы а утром приходили два врача натомировали.

И вот каждый вечер на лошади привозили 18 трупов это ежедневно и вот я на три стены ставил по 6 трупов. Они мерзлые прислонишь к стене и они стоят пока оттают. В помещении темно свет только исходит от дверки которая просверлена. Печка тоже бочка из-под горючего дрова смоляные горят жарко бока у печки красные. Подброшу дрова сам хожу разговариваю с ними чей откуда женат или нет? А вот молодой небось не успел жениться. У тебя осталась девушка небось ждет? Но моя вышла замуж это точно такие красивые долго не сидят. Как твою звать? А моя Тоня Чубарова и щас о ней думаю. Красавица. И оттаивал морг до 1945 года.

Но вот закончилась война про которую мы не знали. Почта не доходила но однажды повесили ложный ящик много писали жалоб но после вызывали корреспондента и избивали до потери сознания.

Было так если в неделю два раза не сдашь нормы 30 гр. золота судили самосудом на наряде зачитывали высшая мера наказания. Расстрел. Однажды пошли строем на работу. Я как закончил срок мне позволяли идти вне строя сзади вместе с бойцом. Не доходя до забоя боец предложил папиросу казбек дал прикурить. Я иду любуюсь сопками которые красные от брусники потом смотрю чтой-то боец присел. В заднем строю шел подрывник получил капсуля штук на 30 с бикфордовыми шнурами. Шнуры висели из кармана бушлата. Боец поджег один шнур папиросой а мне приказал чтоб молчал иначе в забое застрелю. Не в забое в зоне убью. Строй заговорил чтой-то подрывники не свистят. Перед взрывом пахло порохом. Но взрыв получился в кармане взрывника. Он упал когда подошел начальник конвоя взялся за бушлат то вывалилась вся внутренность. И в акте написали что у него нашли горелую коробку из-под спичек как будто получилось самовозгорание спички сами загорелись.

А на работе из забоя на тачках возили на эстакаду и с эстакады упал человек с тачкой тогда боец позвал его к себе. Он сидел у зумпфа с водой которая текла с драги. Он подошел это был артист. Боец толкнул его в грудь и бедный упал в воду. Кое-как доплыл до берега тогда боец заставил его раздеться он ему помог раздел до гола и посадил недалеко от себя. На мокрого голого налетели тучи комаров в считанные минуты он умер. А вечером когда закончили работу на носилках отнесли в лагерь в штабель за санчастью где складывались трупы.

Невдалеке от нашего лагеря была сопка звали ее Рыжая на ней стоял трактор ЧТЗ. Туда привозили с других приисков на машинах накрытых брезентом они кричали до свидания ехали мимо нашего лагеря. Там к готовым траншеям ставили людей заводили трактор и из пулемета расстреливали. Это в лагере говорили со слабкоманды они зарывали трупы.

Кормили очень плохо с подсобного хозяйства с Магадана завозили капустные листья варили щи. Листьев завозили много они гнили и варили щи с тухлой селедкой. Люди пухли очень много болели дизентерией. Хлеба правда давали 600 гр. но ели его редко. Сидели в лагере преступники которые отбывают не один раз они больше пользовались. Опухшие еле передвигались.

Я числился рекордистом сдавал иногда по две нормы норма была 30 гр. а сдавал по 40—60. Один раз сдал 340 гр. самородок получил пайку и одну селедку.

Это я надумал написать, чтоб знали что такое Колыма а подумаю умру и не будут знать где хоронили репрессированных. Это тысячи.

Еще вот что. Нас 20 человек в 1945 году повезли на освобождение. Привезли в Магадан велели пройти комиссию комиссия из Москвы. Стали уговаривать чтоб вызвали свои семьи если дашь вызов освободим но никто не согласился. Тогда везите их обратно пусть подумают. Но нас на прииск Партизан не повезли, а отвезли в Ольский рыбпромхоз это поселок Ола. И так я вместо трех лет отбыл девять лет с 1938 по 1947 год август. Подавал на реабилитацию с 1980 года. Ответ не сохранился архив. Но я причем? Сейчас написал ответа нет. Ведь говорят что осужденных тройкой реабилитируют. Но все по-старому. Пишу в Прокуратуру СССР они передают прокурору Москвы но прокурор Москвы молчит.

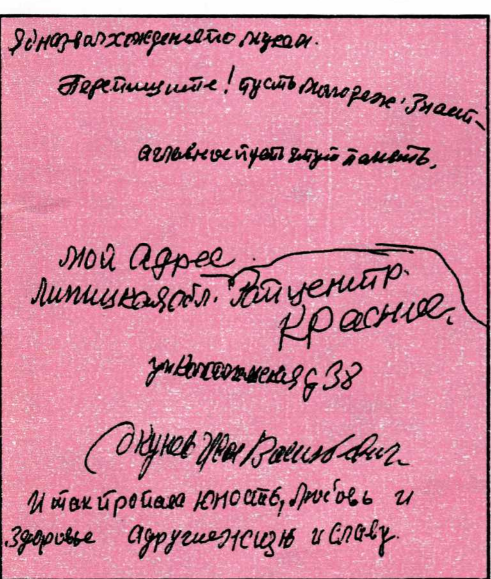
Может кто из писателей перепишет. Но извините за почерк я парализован дважды и сейчас пишу а плечи дрожат. И плачу вспоминается что пережил ведь я был комсомолец работал поваром Рахмановский переулок столовая № 3 при здании Гутап.

Я б назвал Хождение по мукам. Перепишите! Пусть молодежь знает а главное пусть чтут память. Мой адрес Липецкая область райцентр Красное улица Комсомольская 38. И так пропала юность любовь и здоровье. А другие жизнь и славу.

Фото В. ШУМКОВА.
Магадан.

Мой адрес
Липецкая обл.
Красное
38
И так пропала юность, любовь и
здоровье а другие жизнь и славу.

Фамилий заключенных не запомнил за исключением одного близкого друга. Это Олейник Степан с Украины с Белой Церкви. Всего было не больше 300 человек. Начальник лагеря чекист Кулиев инициала нет. Начальник прииска Партизан Анисимов инициала нет.

Теперь я умру спокойно. Рассказал почти все. Почему почти? Кое-что уходит из памяти. Вот например самоубийство было рубили себе на левой руке кисть а один на разработке открытого забоя сел на берег забоя под которым был заложен фугас когда взорвали то ничего не нашли одни тряпки. Жутко. Кончаю. 8 мая 1989 года.

Первое чувство после прочтения: все! Хватит! После этого уже нечего читать о тюрьмах и лагерях. Больше уже никто не скажет, после этого безыскусного — не рассказа, нет — выдоха, слова-выдоха никому не известного человека.

И сразу же вслед: а сколько еще таких, канувших в бездну? Миллионы Божьих Искр, вспыхнувших и погасших от взмаха державной десницы. И каждая вмещала в себе — мир...

Нет, надо читать, и надо писать об этом! И никогда не будет — хватит! Потому что в двадцатом веке наш народ пережил, может быть, самый страшный опыт во всей истории. За что он был? Для чего? Кому повем печаль свою?.. Но ясно: это должно навсегда запечатлеться на скрижалях истории, прочнее, чем клинопись древнего Вавилона и Урарту.

На Колыме кости, белея на склонах гор, остаются непогребенными. Разыскиваем нацистских палачей по всему свету, где-то в Аргентине или Бразилии, а те, кто вел войну с собственным народом, планомерно уничтожал ни в чем не повинных людей,— живут в почете и довольстве!

Но я видел другое — человеческий череп, аккуратно распиленный, отполированный под пепельницу, современный сувенир: «Привет с Колымы!» Кто эти изверги с бессмысленными мозгами, как их носит земля? Ведь это уже не прошлое, не история, не сталинщина...

Нет, не хватит, пока жив и разгуливает по свету хоть один фашист — какой бы национальностью, партией или страной он ни прикрывался.

Константин БАРЫКИН

ХЛЕБНЫЙ ПРИЛАВОК. КРИЗИС ИЛИ КРАХ?

Слову — вера, хлебу — мера, деньгам — счет. Инфляция поставила наш рубль на самую низкую ступеньку престижности; говоруны доверием тоже не пользуются. Могла ситуация не затронуть хлеб? И когда выстроились длинные очереди за булкой, когда калач и пряник ушли из обихода, стало ясно: наступает хлебный кризис.

Пришел он не в одночасье, не с цепи сорвался, его, можно сказать, готовили. Не сумев в этой отрасли реализовать выработанный годами власти хватательный рефлекс — много ли хлеба надо даже начальнику? — без хлопот получая свое (испеченное, скажу и об этом, в спецпекарне, где всегда было коровье масло, а не прогорклый маргарин; где и мука отменная, без пестицидов), руководители высоких рангов позабыли о хлебе насущном.

Это не очень сказывалось, когда еще работали пекари-профессионалы, когда на министерских постах были люди совестливые и знающие — потомственный пекарь Василий Петрович Зотов и сменивший его Вольдемар Петрович Леин, немало сделавший, чтобы поддержать угасающую хлебопекарную промышленность. После них во главу поставили номенклатурных лимитчиков, аппаратчиков. Они сразу «забыли» о попытках Леина создать небольшие пекаренки и возродить национальные хлебы. Зато ловко провели повышение цен на хлеб. Сделали это путем обманным. Придумали новые сорта, накинули на каждый килограмм по две-три копейки. А дело ни с места. Тогда заработала пропагандистская машина. Министр хлебопродуктов и его курирующий хлебопечение зам поехали по булочным «поинтересоваться» мнением народа. Помню, в одном из магазинов покупатели такое сказали министру, что он почел за благо поскорее уехать.

И вот по столичным хлебозаводам едет Егор Кузьмич Лигачев. Он нацелил, определил задачи... И пожелал дальнейших успехов разваливающейся отрасли.

Что оставалось другим? Обмануть, пообещать — нет ничего проще. «В докладе Владимира Федоровича Промыслова показан весомый вклад... Хлебопечение нашего города представляет собой высокооснащенную техникой отрасль пищевой индустрии» — это слова тогдашнего руководителя столичного хлебопечения.

И никто не обратил внимания на материалы конъюнктурного института, который предупреждал: в отрасли большие неполадки, хлеб идет некачественный, его выбрасывают миллионами тонн(!), ибо он несъедобен. Госкомтруд СССР, в свою очередь, констатировал: «Особенно велик удельный вес ручных работ в хлебопекарной промышленности...»

Докричишься ли до нежелающих слушать?

Куда там. Разовая и экономически нелепая продажа нескольких буханок «бородинского» за океан («Они там по 6 долларов!») вскружила головы: «Мы впереди планеты всей. Столичный хлебокомбинат ударился в эстрадную деятельность — стал спонсором песенного фестиваля. Хлебозавод, да-да, тот самый, который недавно «прославился» срывом поставок хлеба в булочные, в недалеком прошлом разрекламировал себя на половину газетной страницы: «Самый мощный в Москве, в Советском Союзе, в Европе, мире 10-й хлебозавод имени Бадаева, способный производить 360 тонн хлеба в сутки!»

Слову — вера?.. Хлеб на языке не пекут.

Есть ли выход?

У нас имеется возможность использовать опыт зарубежья. В Париже, к примеру, несколько тысяч мини-пекарен, в Москве — чуть более пятидесяти. Да и наш Липецк показал, что́ может маленькая пекарня с магазином. Я более или менее знаю состояние этой отрасли — гигантские хлебозаводы быстро вывести из шока не удастся. Только немедленная приватизация хлебопечения и хлебной торговли поможет решить задачу. И позволит, к слову сказать, возродить исчезающий клан хлебопеков-профессионалов. Ведь на наших заводах сейчас работают солдаты и пэтэушники — какие из них пекари!

Следовало бы поискать и найти то, что оставили нам хлебопекарная наука и практика. Старым российским пекарем Святославом Всеволодовичем Коновцевым собрана вся профессиональная премудрость — за много веков. Его работу пытался издать министр Леин. Не удалось. Но ведь рукопись где-то хранится! Есть великолепные разработки, сделанные Виталием Александровичем Паттом, одним из самых интересных и значительных наших ученых-пекарей. Он рано ушел из жизни, но наследство его осталось. Доклады Патта на международных конгрессах зерна и хлеба вызывали неизменный интерес во всем хлебопекарном мире. В. Патт наладил выпечку русского хлеба в Финляндии; только у нас он добился немногого...

Нужны профессионалы. С хлебом шутки плохи. Еще знаток российского быта и автор великолепной книги о хлебе С. Максимов предупреждал: «Хлеб — тот рычаг, то мельничное колесо, которое зацепляет и шевелит все приводы, на которых движется состав народной жизни».

Рисунок Владимира МОЧАЛОВА.

СТРАСТИ ВОКРУГ МОТОЦИКЛА

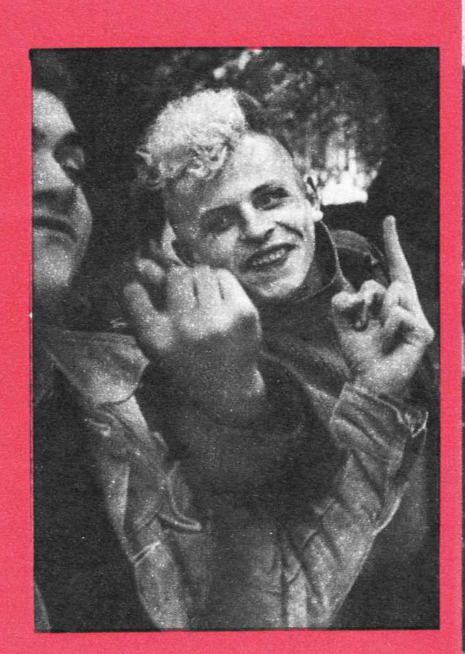
Мотоциклы существуют для того, чтобы на них ездить. Особенно когда тебе шестнадцать лет и непокорное тело жаждет стремительного движения, а за спиной сидит восхищенная девчонка, и ее длинные волосы вытягиваются на ветру в густой золотистый шлейф.

Однако ночь существует для того, чтобы спать. Особенно если ты честно, от звонка до звонка, отпахал на работе, потом кое-как управился с хозяйством и с детьми, а теперь получил законную восьмичасовую передышку перед новым раундом борьбы за жизнь. И тебе совсем не улыбается в глухую полночь в ужасе вскакивать с постели оттого, что ночную тишину автогеном вспарывает рев мотоциклов со снятыми глушителями.

Людмила САЛЬНИКОВА
Фото Марка ШТЕЙНБОКА

«Безобразие, никто не приструнит этих хулиганов! Отобрать у них мотоциклы — и весь разговор».

«Почему такая несправедливость? Я только завел мотоцикл, а милиционер уже рядом. Как даст дубинкой по спине — в глазах темно. Что, совсем ездить нельзя?»

«Разве ж это верно — запрещать и запрещать? Все равно ведь сделают по-своему. Хотите, чтоб наши рокеры, как вон на Западе, примкнули к профессиональным преступникам?»

Десятое управление ГАИ Москвы существует для того, чтобы отвечать на эти вопросы. В проблеме нашли крайнего — работника госавтоинспекции. Пусть он расхлебывает последствия бездеятельности райкомов ВЛКСМ и комитетов ДОСААФ, которым Моссовет поручил заняться организацией молодежных мотоклубов. Пусть он несет ответственность перед родителями, которые, не вдаваясь в сомнения, дарят своему усатому отроку дорогую и рискованную игрушку — мотоцикл. Пусть ГАИ, наконец, разгоняет моторизованные команды подростков в Лужниках и Крылатском, которые наводят страх на окрестных жителей.

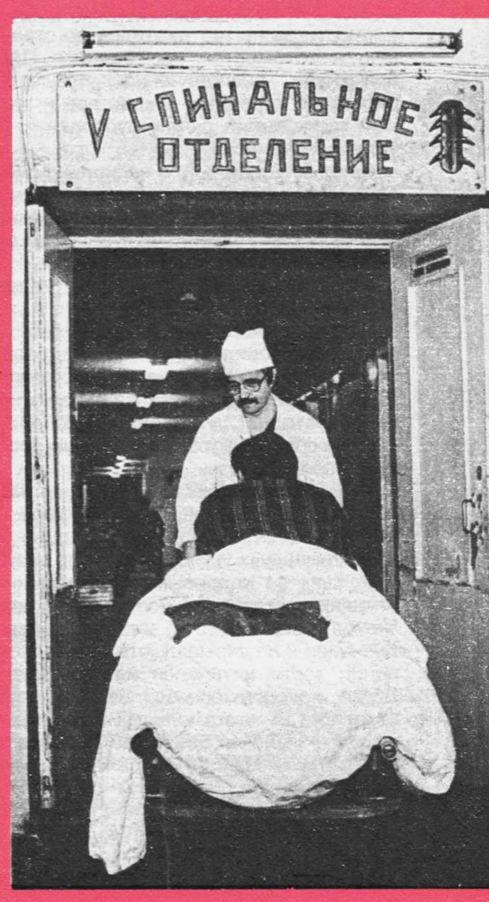
Старший лейтенант Николай Герасимов — командир мотовзвода. Его можно брать в кино на роль образцового рокера. Спортивная, мужественная внешность, белая каска, облегающий фигуру зеленый комбинезон из особой ткани, выдерживающей удар ножа. В довершение всего — мощный «БМВ». Только их, мотоциклистов с удостоверениями сотрудников ГАИ, слушаются мальчишки. «БМВ» не шутка, он догонит рокера на любой, самой пересеченной местности.

— Что мы одни можем?— в который раз безнадежно вопрошает Герасимов.— Штрафовать за езду без документов и номерных знаков? Так тридцатка для них не наказание. Да и как ее возьмешь с того же семиклассника...

В прошлом году в Москве разбились насмерть 50 рокеров, в дорожно-транспортных происшествиях из-за них пострадали 577 человек, погибли 4 ребенка...

Так как же все-таки быть с мотоциклами, которые существуют для того, чтобы на них ездили?

Михаил ЛЮБИМОВ

И АД СЛЕДОВАЛ ЗА НИМ

РОМАН

Новый год встретили на высокой ноте, под бой Курантов, в братстве и любви и в пунша пламени голубом, гремел рояль под хрупкими и еще не оплывшими пальчиками Ястребиного Ока Большой Земли, и Челюсть и тут не осрамился, пропел томно «Ямщик, не гони лошадей!» (у него был неплохой баритон), закатывая глаза и вертя лошадиным черепом.

Потом бренчали вилками и ножами о тарелки, кружились вокруг елки во дворе, толкали друг друга в сугробы, играли в снежки, пока на прямые сосны не пали первые блики восходящего солнца.

Спали мы с Риммой в огромной кровати ПАПЫ (по ней скакать бы на вороных с верным Тимофеем, срубающим шашкой вражеские головы), в его скромной комнате с репродукцией «Утра в сосновом лесу», вырезанной из журнала,— я словно прикоснулся к живой Истории и вышел утром из кровати совсем обновленным человеком, готовым на подвиги во имя Державы.

Утром пили чай из саксонского фарфора, и снова чуть поблекший за ночь Коленька присутствия духа не терял и потчевал нас вполне достойными английскими анекдотами.

Репродуктор бубнил нечто вроде «подою я, подою черную коровушку, молоко — теленочку, сливочки — миленочку», его никто не выключал, поскольку и Няня, и Клава с детства привыкли к постоянно включенному радио, несущему свет в трудовые массы.

В разгар чаепития явился ПАПА, не забывший на своем стремительном пути из своего имения в мозговой центр поздравить и облобызать чадо, а заодно и взглянуть краем проницательного глаза на хмырей, проникших на его дачу. Заговорили об охоте на зайцев — и тут Челюсть не растерялся, сумел поддержать разговор, разжечь интерес и даже дать несколько тактичных советов по поводу стрельбы в зайцев, петляющих по снегу. Выяснилось, что в юности он на них охотился по странному совпадению в тех местах, где родился ПАПА,— тут уже вспыхнули воспоминания, посыпались названия окрестных городов и весей, рек и гор, затем почетный гость выпил рюмку зубровки и так же стремительно удалился.

Свадьбу справляли в несколько смен, как написал бы Чижик, согласно занимаемым должностям. О главной Свадьбе я слышал лишь краем уха от Челюсти («был приглашен весьма узкий круг, в основном соратники тестя»), второй же очереди удостоились и мы с Риммой, туда пригласили и родителей жениха, проживающих где-то в глубинке, скромных тружеников, боготворивших сына (когда папа натужно говорил тост, мама поддерживала его рукою, боясь, что от волнения он рухнет в обмороке на пол), который не оставался в долгу и стал вывозить их на лето на дачу, где они копались на огороде, рубили дрова и готовили пышные воскресные обеды для молодой четы.

Уже через три месяца капризная фортуна подбросила Николая Ивановича на должность, которую обычно занимали опытные старцы, что не прошло мимо пытливых умов Монастыря, всегда напряженно следящих за кадровыми перемещениями и выискивающих их глубокие корни. В те славные времена Челюсть еще ходил со мной на променады по Мосту Кузнецов и не скрывал, что однажды на охоте в компании тестя наткнулся на предшественника Мани Бобра, которого все боялись как огня. Бобер, естественно, до этого случая Челюсть и в глаза не видел — мало ли бродит по Монастырю гавриков! — но в сближающей обстановке познакомился, оценил, узнал и даже пил с ним спирт из одной фляги. Коленьку подвели к премудрому Бобру красиво, не впихивали прямо в объятия, не стал тесть, умница, выкручивать Бобру руки и сразу требовать для Челюсти кусище от пирога, что обычно рождало бурю в умах, шепоты в кулуарах, завистливые ухмылки и смешки в кулачок,— получил Коля небольшое, но заметное повышение,— наклонил чашу тесть, не пролив ни единой капли.

Челюсть переместился в отдельный кабинет, но без вертушки, без персональной уборной — мечты поэта и без комнаты отдыха с кроватью и телевизором, что полагалось рангом повыше, но зато с правом доступа в начальственную столовую (молниеносный улыбчивый сервис, семга словно от купца Елисеева, заковыристый тертый суп, который нравился Бобру, а затем сменившему его Мане, и потому был в приказном порядке введен в постоянное меню, подобно парикам при Петре Первом, вырезка и т. д. и т. п. и эт цэтэра. Гуторили: один из приближенных крутого Бобра, сидя с ним за одним обеденным столом, позволил себе отказаться от любимого супа шефа и заказать кондовые щи. Мятеж сей привел к тому, что приближенный был изгнан резидентом в Верхнюю Вольту, откуда, стремясь к реабилитации, сделал боевой вклад в меню: котлеты по-африкански) и массой других немаловажных феодальных привилегий, включая ондатровую шапку и парное молоко, отдоенное в день продажи на легендарном подсобном хозяйстве Монастыря.

Первый год мы еще продолжали бурно общаться семьями, исправно отмечая многие праздники, и Челюсть иногда одаривал нас билетами на спектакли, где тонко намекали на некоторые несовершенства общественного устройства Мекленбурга (отдельным репликам зал храбро аплодировал, словно выходил на Сенатскую площадь), даже пожертвовал однажды талон на ондатровую шапку. В ателье я оказался в двух шагах от самого Бобра — он покорно плелся за мастером с рулеткой на шее и выглядел как обыкновенный уставший старик, которому до смерти надоели служебные дела.

Семейная жизнь рождала новые заботы, и наши кланы постепенно отдалялись друг от друга: Римма жаловалась, что Клава зазнается, а Клава, видимо, решила, что она облагодетельствовала Римму, взяв моего друга в мужья, корабли расходились к своим горизонтам и в конце концов застыли на солидной дистанции друг от друга. Медленно, но верно пер Челюсть все выше и выше, уже неприлично было запросто приглашать его на стопарь в буфетик гостиницы, что на Негрязке, а потом я попал под его кураторство, видел почти ежедневно то у него в кабинете, то в коридорах, радовался его демократизму и приветственному «старик»,— как говорит шекспировский Антоний: «О, мои салатные дни, когда я был зелен в своих суждениях!»

...Рэй Хилсмен опоздал на десять минут, на этот раз он восседал в «кадиллаке» с обычным номерным знаком — вполне разумная предосторожность: совсем недавно шалуны-мальчишки, насмотревшись шпионских фильмов, заприметили автомобиль с дипломатическим номером в тихой улочке на окраине города, стукнули в полицию, та отстучала в контрразведку, район прочесали и засекли водителя машины — коварного ливийца, который вел сладкие беседы с израильским охранником.

Рэй, не перебивая, выслушал мой рассказ о таинственном незнакомце, так взбудоражившем Генри, и записал кое-что в блокнот.

— Как вы думаете, кто это может быть?

— Этот вопрос я хотел задать и вам! — Я улыбнулся в ответ белоснежной улыбкой.

Он долго рассматривал пакет с адресом, все больше укрепляя во мне подозрение, что вся эта комбинация задумана американцами для проверки честности безупречного Алекса.

— Я должен проконсультироваться с Вашингтоном. Мы можем встретиться завтра?

— Только не в этой дыре, я не люблю Ист-энд. Чем вы тут занимаетесь? Вербуете троцкистов?

— Все-таки вы сноб, Алекс. Как насчет района Баттерси?

— О'кэй!

Домой я поехал через Челси, где заскочил в любимый магазин деликатесов, забитый солеными пчелками, жареными кузнечиками, лягушками и осьминогами, купил там пару банок улиток, которые любила Кэти, а заодно прошелся по Слоун-сквер и взглянул на театральный репертуар «Ройал Корта» — Кэти уже начала донимать меня своими стенаниями о нашей пресной несветской жизни.

На современную драму с ее рассерженными молодыми людьми на грязной кухне меня не тянуло, знал я все эти штуки, что нового могли поведать мне эти актеры? Ходил я только в Королевский Шекспировский из любви к покойному шекспироведу-папаше (пару раз проводил там моментальные передачи в туалете), что театр для несравненного лицедея Алекса? Семечки! Разве он сам не целый театр? Пожалуйста, на любую роль — от короля до шута! — весь Монастырь забросил бы подрывную деятельность и стоя аплодировал бы в партере!

На другой день я спустился со своих хемстедских холмов в долины Баттерси и остановился прямо у парка, уставленного модернистской скульптурой.

Как ни странно, на лоне природы эти искореженные обрубки отлично смотрелись и нравились даже мне, закаленному реалисту,— в свое время мы с Риммой частенько забегали в музей имени Внука Арапа Петра Великого, где в греческом портике давила своим могуществом гигантская статуя Давида, на которого вечно глазели бойскауты, потрясенные оголенным фаллосом, а их предводительницы, старые девы в красных галстуках, тщетно пытались оттащить племя молодое, незнакомое в зал не менее растленных импрессионистов.

На этот раз Хилсмен не опоздал.

— Я связался с директором,— начал он с ходу,— и он высказал интересную мысль. А что если вам поехать самому в Каир и попытаться установить этого человека?

Совершенно не светила мне эта грандиозная идея директора, тем паче, что скорее всего американцы готовили мне проверочную комбинацию.

— Неужели у вас нет другого человека для этого дельца?

— Эти арабы недавно разгромили нашу каирскую резидентуру и арестовали несколько агентов. А вам все карты в руки, Алекс! Кто будет проявлять интерес к австралийскому подданному? Или возьмите другой паспорт!

— Но вряд ли я справлюсь с этим делом один!

— Помните, вы рассказывали о вашем агенте, бывшем египетском после? Кажется, он живет в Монтре. У него наверняка остались связи на родине. Полетите в Швейцарию, а оттуда в Каир. Связь будем держать по телефону, я вам дам незасвеченный номер.

Славно работал директор, а точнее сам Рэй, не такой уж болван оказался волшебник Гудвин, все предусмотрел.

— Если вы считаете необходимым, я, конечно, поеду,— скромно согласился я.

— Пожалуйста, подготовьте приблизительный план ваших действий! — завершил беседу волшебник Гудвин. О, эти планы, а я-то думал, что их обожают только в плановом Мекленбурге!

Кэти не пришла в восторг от моей очередной командировки в поисках рынка сбыта для радиопродукции, но истерику не закатила и даже поцеловала в щеку (а заодно и обнюхала на предмет, как выразился бы Чижик, выявления запахов чужих дамских духов).

Поздно ночью я разыграл перед Кэти приступы боли в животе, похожие на аппендицит и, несмотря на ее уговоры вызвать «Скорую», решил доехать до больницы сам, благо она была совсем рядом (Кэти бегала по квартире, заламывая руки), сел в автомобиль, посетил больницу (там, естественно, ничего не обнаружили, но посоветовали не есть ничего острого), затем покрутил по проверочному маршруту и нанес на столб у лавки Рэгги (Чижик сказал бы: на обусловленный столб) меловую черту.

Уединившись в комнате, я составил и зашифровал сообщение в Центр.

«Несколько дней назад ночью к «Эрику» явился незнакомый человек в маске, представился, как Рамон Гонзалес, говорил с ним по-английски с испанским акцентом. Беседа проходила в темноте, «Эрик» только заметил, что Гонзалес брюнет, хотя, по моему мнению, незнакомец пользовался париком. Гонзалес обнаружил отличное знание всего дела «Эрика», включая обстоятельства его вербовки и связь с «Бертой». Моего имени незнакомец не называл. Целью его прихода являлась вербовка «Эрика», которому был оставлен адрес в Каире для связи.

Об этом визите я сообщил «Фреду», и тот, связавшись с «Пауками», предложил мне вылететь в Каир для установления незнакомца, предварительно за-

---

Продолжение. См. «Огонек» №№ 37—39.

ехав в Женеву для встречи с «Али», имеющего в Каире контакты. По моему мнению, «Пауки» начали мою проверку. Срочно прошу указаний по делу, а также условия связи на Каир. Том».

Перед моменталкой я проверялся часа три и взмок от напряжения.

На подходе к магазину «Экспресс» я взглянул на часы — такие операции проводятся секунда в секунду,— свернул за угол и прямо у входа столкнулся с мертвецки бледным парнем с букетом гвоздик (опознавательный признак), который дохнул перегаром и на ходу подставил ладонь. Туда я ловко и сунул спичечный мини-коробок с посланием,— моменталка прошла по высокому классу, паренек спокойно проследовал своим путем, а я, покрутившись в магазине, вышел на улицу, добрался до своей «газели» и возвратился домой.

На следующий день в то же время я снова вошел в «Экспресс» (на этот раз операцию проводил рыжий вахлак в отечественном плаще, от него тоже несло, как из бочки — черт знает что! что они делают у себя в посольстве?) и принял тот же мини-коробок.

Ответ был краток:

«Вам следует выйти на явку в Монтре (Швейцария, рядом с Женевой) 11 января в 17.00. Место встречи: у здания ресторана на железнодорожной станции. Пароль: «Вы не знаете, где здесь кинотеатр «Блюз»? Отзыв: «Не знаю. Я приехал из Брайтона». Запасная встреча на следующий день по тем же условиям».

Я легко зарегистрировал указания в своей феноменальной памяти и, зайдя в туалет, отправил клочки телеграммы в лондонскую канализацию. Неожиданное волнение охватило меня: слишком много иксов и игреков разбросано было во всей этой поездке, да и длинные перелеты в последнее время не вызывали у меня радости, особенно на линиях, где бесчинствовали террористы.

«Газель» унесла меня в районы центра, и вскоре неизвестно почему я запарковался на Бейкер-стрит у паба «Шерлок Холмс», вечно забитого любопытными туристами. В углу зала за стеклом сидело в кресле чучело главного героя с трубкой в зубах, которое взирало на восхищенного доктора Уотсона, замершего с газетой в протянутой руке. («Сегодня вы надели синие трусы, Уотсон!» — «Холмс, это конгениально, это невообразимо! Как вы догадались?» — «Уотсон, вы забыли надеть брюки!»)

Совесть Эпохи, периодически сходивший с рельсов и сотрясавший лучшие кабаки мекленбургской столицы, объяснял свои загулы так: «Знаешь, Алик, утром просыпаешься в дивном настроении, выдуваешь пакет молока, и даешь зарок ничего не брать в рот по крайней мере месяц, и радуешься своей твердости и своей воле, и, напевая «Легко на сердце от песни веселой», блаженно идешь в булочную за диетическим хлебом. Идешь, идешь... и через два часа почему-то оказываешься на пляже, пьяный вдребадан с таким же надратым забулдыгой, над банкой вонючих килек и бутылягами с портвейном "Розовый". Что это, Алик? Почему? Как это произошло? Кто может на это ответить?»

Этот вопрос, достойный Понтия Пилата, не мучил меня, когда я заказал двойную порцию «Кровавой Мэри» в надежде, что томатный сок заглушит воспоминания о милой кильке, которую и в чистейшем виде не сыщешь в бывшей «мастерской мира», избалованной устрицами и жареными кузнечиками. Коктейль оказался настолько хорош, что пришлось его два раза повторить, а затем приглушить томатный привкус хорошо отдистиллированным «димплом» (в этом проходном доме, естественно, отсутствовал «гленливет»).

Тут навалилась на меня усталость, хотелось сбросить с себя все маски, поплыть по волнам настроения, расслабиться, расклеиться, забыть о Хилсмене, Каире и «Бемоли», поговорить с кем-нибудь по душам, хотя бы с чучелом Шерлока Холмса, маячившим перед глазами.

Пожалуй, только Витеньке я открывал свою душу, ему повезло больше других, ибо кличку он заслужил Совесть Эпохи, хотя при всех своих прогрессивных взглядах и душевности поражал своим баснословным распутством: влюблялся по уши почти каждый месяц, безумно боялся жены, что еще сильнее толкало его на самые рискованные приключения, страдал постоянно и томился духом и охватывал своим любвеобильным сердцем даже академические городки в восточной части Мекленбурга, где регулярно мотался в командировках.

Особенно жаловал Витенька чужих жен, и они платили ему преданной взаимностью, ухитрялись даже проводить с ним счастливые ночи (перед своей вечно свирепой женой Витя прикрывался пьянством, валившим его с ног на раутах у приятелей, которых насчитывалось несметное количество), усыпив бдительность своих мужей легендами, которым позавидовали бы асы секретной службы.

В нашем кухонном парламенте мы спорили с Витенькой о большой политике и мекленбургских нравах, спорили шумно и откровенно, называли вещи своими именами, но на всякий случай пускали на полную катушку песни бардов, воду и радио. Совесть Эпохи свято верил в просвещенный абсолютизм, а покорный слуга, отравленный зловонными ветрами западных демократий, жарко отстаивал принципы Французской революции с ее свободой, равенством и никому не нужным братством.

Я завидовал вольной жизни Совести Эпохи, читал восторженные письма его поклонниц, покоренных силой его эрудиции и черной бородою с проседью,— иногда я сам мечтал отрастить такую, уйти на покой, пристроиться сторожем в Идеологической Школе, сидеть себе в валенках у входа, попивать чаек с ванильными сухариками, а ночью, когда здание опустеет, заглотнуть свой стакан и закемарить сном праведника.

— Что ты делаешь с собою, Алик? — говорил мне Совесть Эпохи, надравшись, как зюзя.— Брось свою муру, займись делом, хотя бы переводами — они нужны малограмотному населению, а ты все-таки кумекаешь кое-как на своем английском! Или займись наукой, еще не поздно, хотя с твоею сытою мордою лучше не соваться в интеллектуальную среду... Но я тебя могу взять с собою на восток, в один научный городок, где светлые головы и неиспорченные девушки, которые наставят тебя на путь истинный. Уходи, мой друг, ведь просто неприлично потратить всю жизнь на шпионство!

— Что ты понимаешь в разведке? — орал я в ответ.— Что ты о ней знаешь? Ни одна страна не может жить без разведки! Правительству нужна информация, и я добываю ее, словно шахтер, рубящий уголь, я рискую жизнью ради тебя, дурака, и всего народа! А твои светлые головы уже превратили Мекленбург в край законченных идиотов! Что понимают эти недоучки в науке? Какая вообще может быть наука в таком государстве, как Мекленбург? Нет, Витюша, поезжай на восток один, я не поеду с тобою, тем более что ты постоянно пьешь бормотуху и даже не в состоянии оценить «гленливет»!

— Риск... информация... шахтеры... брехня все это! Ты просто любишь комфорт, Алик, ты — пижон и обыкновенный жандарм! Мекленбургский вариант Рачковского — царского заграничного резидента.

— Ты молчал бы, чайник! — возмущался я.— Лучше на себя посмотри!

— И посмотрю! — орал он.— Ты знаешь, что я великий микробиолог? Что мои труды печатают на Западе? Что иностранные академики считают для себя великой честью пожать мне руку? Это ведь не шпионская работа!

— Плевать мне на твой вонючий Запад! А твоей наукой у нас в Мекленбурге только подтираются! Что простому человеку от какой-то микробиологии, если он стоит в очереди за свеклой? Народ проживет без твоих научных идей, а без меня его сожрут с потрохами враги и кости выплюнут в помойную яму!

— Кто? Кто?! — бушевал он.— Какие враги? Кто на нас нападет? Кому мы нужны? Да я счастлив буду, если нас завоюют! Наконец-то в стране будет нормальная система!

— Не зря вас, диссидентов, лупят по мордасам! Пятая колонна! Неужели ты бы смог жить под немцами? — Я играл на эмоциях, зная, что отец Виктора погиб на фронте.

— Под немцами в тысячу раз лучше! Я недавно был во Франкфурте и пил шнапс с чудесным фрицем...

— Он тебе, безвалютному командировочному, поставил рюмку шнапса — вот и вся цена твоей национальной гордости!

— Какая тут, к такой-то матери, может быть гордость?! Беги, пока не поздно, из своей навозной ямы! — продолжал орать он.— Уходи хоть в говновозы!

Ностальгия по дому проснулась во мне, хотелось продолжить спор с Совестью Эпохи, поставить его на место, все объяснить и все разжевать. Не нравились мне этот вояж в Каир, поиск Рамона и прочие испытания судьбы.

В общем-то работа по установке неизвестных граждан очень сходна с деятельностью ассенизатора, и эту печальную мысль пришлось омочить еще двумя порциями благословенного «димпла».

После такого славного заряда Шерлок Холмс шевельнулся в кресле, лукаво мне подмигнул и пригласил посоветоваться по поводу возможных похитителей голубого карбункула. Я не стал с ходу принимать приглашение и сначала освежился бутылкой «шабли». Теперь уже отборный овес виски смешался с помидорами «Кровавой Мэри» и виноградниками Шабли, где пажи графиню... ублажали.

Брат Шерлок продолжал подмигивать, дерзкие мысли бились в голове, как вытянутые на берег рыбы,— Совесть Эпохи уже давно бы помчался стаскивать с трафальгарской колонны статую адмирала Нельсона. Я тоже решил не отставать, допил «шабли», элегантно подошел к великому сыщику и вступил с ним в умный диалог — тут появился разгневанный хозяин, и мне пришлось выйти из паба твердым шагом королевского гвардейца.

Душа рвалась немедленно в Каир, минуя филистерскую Швейцарию, на поиски коварного незнакомца, под пули арабов, и, самое главное, жизнь представлялась совершенно бессмысленной без бутылки «гленливета».

Искать его пришлось долго: в самом светском «Монсиньоре», что на приюте гурманов Джерминстрит, «гленливета» не оказалось, но пришелся по вкусу кондовый «тичерс», хотя шел он неважно и потребовал вмешательства хереса и кофе. Далее упрямый Алекс блуждал на машине в поисках ресторана «Шотландский клан», который по идее ломился от «гленливетов», там меня и остановил полисмен, величественный, как Саваоф: «Сэр, вы едете по правой стороне!» — «Разве?» — Лицо Алекса ангельски спокойно, глаза чисты и лучезарны, речь отчетлива, как у диктора Би-би-си, такое наступало после жбана кофе.— «Извините, сэр, я не заметил знака!» — Разворот и лихая парковка около «Этуали». Счастье всегда неожиданно: именно там и подвалили «гленливет» и заодно юная негритянка из Камеруна, черная как смерть и лепечущая по-французски чуть лучше сеттера миссис Лейн,— бутылка «редерера» за дикую бардачную цену и плавный переход в номер почти рассыпавшейся гостиницы напротив.

Сияла ночь, фунты стерлингов сыпались, как алмазные звезды с неба, луной был полон сад, Черная Смерть (остроумнейший Алекс еще не совсем растерял мозги) мылась в ванной, я обрел второе дыхание и позвонил Хилсмену прямо домой. К телефону подошел сам император ослов.

— Это вы, Рэй? — начал я певучим лирическим тенором а-ля Карузо.

— Да. А это кто?

— Ваш старый друг...— Я уже шептал и пыхтел, как чайник, переходя на дурной женский голос.— Я люблю вас, люблю безумно и безнадежно!

— Кто это говорит?!

— Это Аллен, Рэй! Не узнаете?

— Что за шутки? Какой Аллен?

— Аллен Даллес. Вы что? Забыли бывшего директора ЦРУ? Звоню из нашей базы в аду. Отсюда неплохо видно... что вы замышляете в районе Уайтчейпла... среди троцкистов...

— Ах, это вы, Алекс! — Довольно быстрая реакция для сноповязалки.— Что так поздно? Что случилось?

— Рэй, мне очень вас не хватает, и я хочу с вами выпить.

— Что-то у вас с голосом... Откуда вы звоните? — Он был явно обеспокоен.

— Из бардака, ваше преосвященство!

— Кто-нибудь есть рядом? Вам неудобно говорить?

— Черная Смерть, сэр. Она отмывается от моих страстей!

— Какая Черная Смерть?

— Моя! Моя!

— Вы что-нибудь пили? — Все-таки деликатны эти янки, позвони я в таком виде Мане, тут же увезли бы в вытрезвитель с последующим разбором на монастырском вече. (Впрочем, ходили слушки, что сам Маня однажды вернулся на бровях с какого-то приема и прямо на лестнице был излупцован разгневанной супругой, употребившей в этих благородных целях войлочный шлепанец.)

— Ни капли! Но очень хочу выпить с вами... это очень важно. И срочно.

— Может, перенесем на завтра?

— Через час жду вас в пабе «Шерлок Холмс». Захватите на всякий случай оружие...

Я повесил трубку. Две тонкие черные змейки обмотали мою шерстяную грудь [1] — это Черная Смерть выпорхнула из ванной с чарующей улыбкой, переросшей в сияющее солнце после того, как звякнул о стол кошелек с пиастрами.

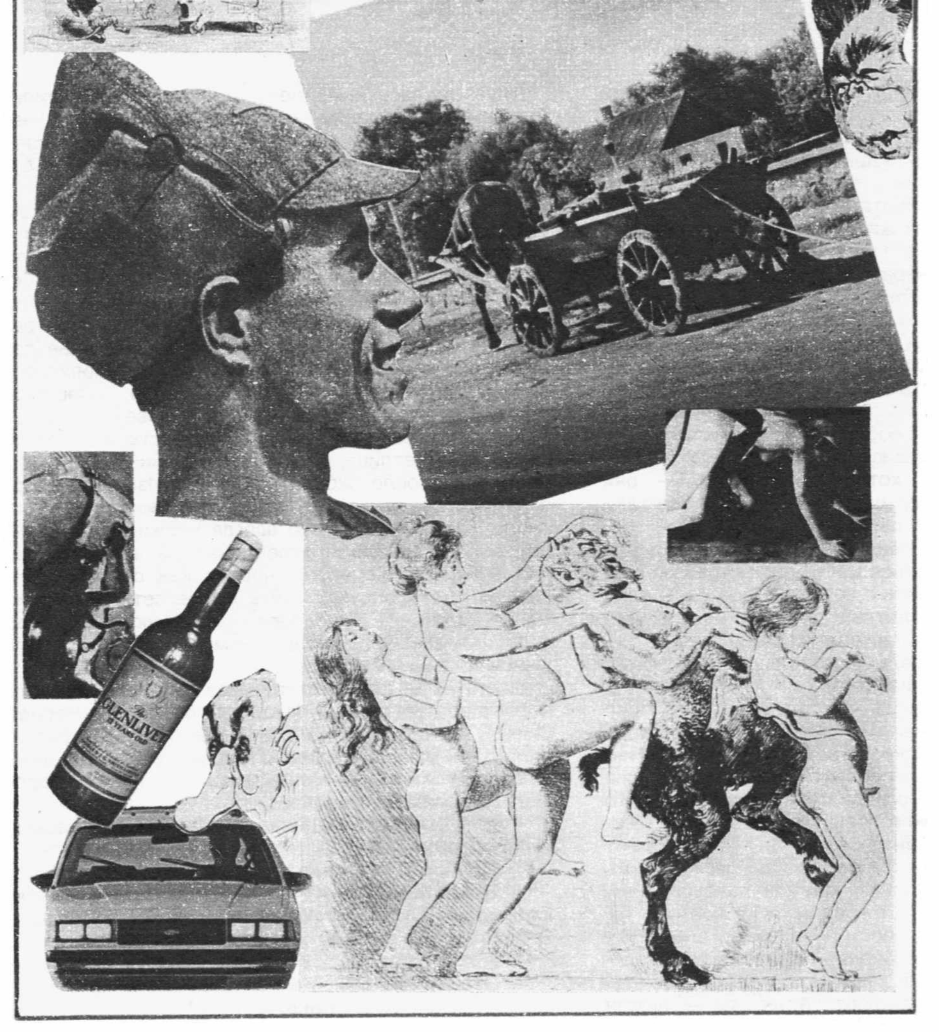
«Газель» оседлать я не смог (полагаю, что совал ключ не в замок зажигания, а в прикуриватель) и добрался до паба на такси. Там я снова восстал из пепла, как птица Феникс, пил с Рэем на брудершафт, приглашал его вылететь вместе в Каир и, наконец, допился до ручки и довел до чашки не кондиции Хилсмена (так по крайней мере мне казалось), который неожиданно решил уехать в загородную резиденцию. В машине Рэя я сначала пел романсы, а потом мирно заснул.

Проснулся я в замке — голова разрывалась на части [2].

— Доброе утро, Алекс! Ну вы и гуляка! Немного кофе? — В дверях стоял Рэй.

[1] Еще одна деталь очень мужской анатомии Алекса. А в голове играло: «Пятнадцать человек на грудь мертвеца, йо-хо-хо! — и бутылка рома!»

[2] Мое состояние точно передает анекдот: «Похмельный фермер пришел подоить утром корову, но никак не мог оттянуть соски дрожащими руками. Вдруг корова открыла рот: «Ты пил вчера?» — «Надрался, как зюзя!» — «Мне жаль тебя, дядя. Знаешь, что сделаем? Крепче держись за соски, а я буду подпрыгивать».

— Не отказался бы от баночки холодного пильзнера.

— Ни в коем случае, нам надо еще поработать. Одевайтесь, и приступим к завтраку.

В голове еще сладко варились алкогольные смеси, я быстро вскочил, сделал серию мощных упражнений и принял холодный душ. Поработав на гладильной доске с утюгом (мой костюм с Сэвилл-стрит был словно изжеван и выплюнут той самой коровой после того, как она напрыгалась с фермером), я вышел к завтраку бодрый, оптимистичный и надушенный до одурения дешевым одеколоном, который оказался в ванной.

Четыре бокала грейпфрут джуса, три кофе — и перед страдальческой физиономией Рэя сидел уже не опустившийся алкаш, нарушавший покой героев Конан Дойля (трогательный пиетет к автору я пронес с раннего детства, где на книжной полке рядом с важно испещренным «sic!» и «N. B.!» «Капиталом» и удивительно ясным и понятным «Кратким курсом» стоял толстый томик с любимым «Голубым карбункулом»), а элегантный джентльмен с чуть усталым, но приятным лицом и умными глазами.

— Вот вам на всякий случай югославский паспорт, Алекс, пожалуй, в Каире он больше подойдет... Скажите, а вы не допускаете мысли, что это проверочная комбинация Центра?

— В чем ее смысл? — удивился я.

— Вам перестали верить и специально разыграли всю эту историю с Генри.

— Совершенно это исключаю! Какие у них основания? Скорее это ваши проделки! — Я хохотнул и почувствовал, что меня чуть подташнивает — не пей херес, дурак Алекс, будто ты не знаешь, как вредны для печени крепленые вина!

— Опять вы за свое, Алекс! Откуда у вас такие мысли? Выпейте еще кофе! Какой нам смысл направлять своего человека к вашему Генри? Неужели нет иных способов?

— А почему бы и не направить? — усмехнулся я.— Напрасно вы мне не доверяете. У меня много недостатков, но есть одно достоинство: я никогда не вру! (Бедная моя душа, гореть ей в аду вместе с Алленом Даллесом!) Если я уж перешел Рубикон и пошел на риск, то иду со своими друзьями до конца с открытым забралом. Держу пари, что это ваш человек.

— Клянусь, что нет! — Играл он так же искренне, как и я, нам бы обоим в Королевский Шекспировский.— Уверяю вас, что мы не знаем этого человека!

— Откуда же он узнал об «Эрике»? — не отставал я.

— Все это нам вместе предстоит распутать...

— О'кей! Не будем спорить! Допустим, я устанавливаю этого человека, но он отказывается от контактов со мной. Что делать?

— Возвращайтесь в Лондон. Мы задействуем другие силы.

— А если меня хватает полиция?

— Это уже слишком. За что?

— Не знаю. Но что мне делать в этом случае?

— Строго придерживайтесь легенды, звоните в Лондон по телефону, который я вам дал. Скажете, что это телефон вашей фирмы. Вы чем-то недовольны?

— Скажем прямо, что не очень вы беспокоитесь о моей безопасности.

— Не стоит преувеличивать степень риска. Что вы еще хотите от нас?

— Мне нужны деньги, и немалые...— Я нежно улыбнулся.— Сколько вы мне даете на всю командировку?

— Мы оплатим все ваши расходы.— Он усмехнулся.— За вычетом трат на «гленливет» и негритянок.

— Хорошая работа требует качественных напитков и таких же ласк.

— Только не входите в штопор. Вчера я еле-еле уговорил хозяина не вызывать полицию. А насчет безопасности вы глубоко ошибаетесь: для нас это святое дело! — Повеяло знакомым ветерком из Центра.

— Извините, Рэй, за вчерашнее. Я доставил вам массу неудобств. К тому же вы не ночевали дома...

— Я предупредил жену,— быстро перебил он меня, чувствуя, что я выпущу из своего ядовитого рта какую-нибудь гадость.

Мудрейший Рэй смотрел вперед, я же вчера совершенно забыл о Кэти, даже ни разу о ней не вспомнил, словно она и не существовала. И когда под вечер я явился домой, по квартире бродили свинцовые тучи.

— Извини, Кэти, что не мог тебе позвонить. Я напился и провел ночь у приятелей... (О, Совесть Эпохи!)

Только покаяние спасает грешника, кайся, мой друг, кайся, тут не придумаешь внезапный вылет в Шотландию для закупки радиоламп. Кэти пожала плечами, я подошел и обнял ее, но она мягко увернулась и вышла в другую комнату.

О, знакомые сцены! У всех они разворачиваются по своему сценарию! Римма любила мажор, героическую симфонию, во время которой летели на лестничную площадку мои пиджаки и галстуки. Тут же пахло сдержанностью и уникальной английской недоговоренностью: угрюмое, словно чугунная сковородка, молчание, торжественно-спокойный ритуал собирания чемодана, прощальный взгляд сквозь горестно мигающие ресницы (кроме раздражения, ничто не шевельнулось у меня в груди), поворот, медленный стук каблучков по паркету в надежде, что я брошусь вслед с песней «Вернись, я все прощу тебе, вернись!» — тут я уже люто ненавидел Кэти, но последовал вниз до самого такси, лепеча нечто вроде «что за глупости? стоит ли ссориться из-за пустяков?».

Такси отчалило от тротуара, мигнуло на повороте красным светом тормозных фонарей, и я остался в одиночестве, расстроенный и опечаленный, хотя лишь минуту назад только и мечтал о том, чтобы она ушла и попала под колеса.

— Какая очаровательная у вас жена!

За спиной стояла миссис Лейн с зонтиком в руках, ей и псу уже не гулялось, так и жгло любопытство — в кратер вулкана полезли бы, чтобы проникнуть в тайны моего семейного счастья.

— Спасибо, миссис Лейн. Надеюсь, вы в полном порядке? — Я улыбнулся и, почти перескочив через препятствие, улизнул в дом.

На следующее утро хорошо отдохнувшее тело Алекса уже колыхалось на мягких сиденьях авиалайнера Лондон — Женева, а чуть позже в экспрессе Женева — Монтре.

Монтре, открывшийся передо мною из окна поезда, в эти дни межсезонья выглядел совершенно раздетым, словно обобранным до нитки. Там, где обычно лепились цветные, зазывающие кафе и магазины, где рябило в глазах от мелькающих флажков, чаек, парусов, рекламы и человеческих лиц, стояла угрюмая и бесцветная тоска — лишь одинокие фигуры прогуливались по набережной.

Поезд с честным гражданином Австралии (и Югославии) остановился у вокзальчика и выпустил на перрон целый легион лыжников, переливающихся всеми цветами радуги. Гремя лыжами и галдя, они окунулись в слепящие лучи горного солнца и двинулись всем кагалом к лыжной станции.

— Как я мечтаю побывать в Монтре! — говорила Римма.— Как прекрасно написал о нем старик Эрнест!

Тогда в Мекленбурге нашей молодости вдруг издали Хемингуэя, и голодное студенчество, измученное духовной диетой, яростно набросилось на него и заодно на «Анизет де Рикар», столь же неожиданно (как и все в Мекленбурге) выброшенный на прилавки,— то самое перно, которое распивали все герои потерянного поколения в уютных кафешках на Монмартре.

Римма читала мне вслух о похождениях мистера Уилера в Монтре и о том, как падал снег на перрон, и как Уилер зашел в ресторан и дурачил официантку, а она дурачила мистера Уилера («Фрейлин, если вы пойдете со мной наверх, я дам вам триста франков!» — «Какой вы мерзкий!» — «Триста швейцарских франков!» — «Я позову носильщика!» — «Носильщики мне не нужны, мне нужны вы!»), причем американец знал, что наверху помещений нет, и фрейлин тоже знала и жалела об этом, и было грустно, и на платформу падал снег.

Потом мы разыгрывали этот рассказ в лицах и хохотали до слез (Римма играла мистера Уилера, а я — официантку), мы тогда любили друг друга и не скучали вместе...

И вот все наяву: и снег, и ресторанчик, и даже носильщик, ушедший греться в вокзал — точно так же в мою жизнь вплыли миссис Лейн с сеттером, выплыв из каких-то романов Диккенса,— вот он, Монтре! до явки оставался целый час.

Я поднялся по деревянным ступеням в ресторан, где прислуживал расплывчатого вида швейцарец, равнодушный и к похождениям мистера Уилера, и к чувствам своей уже почившей предшественницы, и к самому писателю, пустившего себе пулю в рот из охотничьего ружья.

Я заказал женевер, на перрон падал пушистый снег, стрелки часов медленно ползли к пяти.

Глава пятая

О ПРЕИМУЩЕСТВАХ ТРЯПКИ, ПРОПИТАННОЙ ОДУРЯЮЩЕЙ СМЕСЬЮ, ПЕРЕД МНОГОСТВОЛЬНЫМ ПИСТОЛЕТОМ-ПУЛЕМЕТОМ СИСТЕМЫ «ВЕНУС», КАЛИБР 5,6 ММ, СКОРОСТРЕЛЬНОСТЬ — 5000 ВЫСТРЕЛОВ В МИНУТУ

«Однажды мои соседи обнаружили у себя в квартире странные явления: каждую ночь что-то упорно и долго шелестело в мусорном ведре, и каждое утро отходы обнаруживались в самых не подходящих для них местах. Стали исчезать картошка, лук... Крысы! — мелькнула догадка. Сердце у соседей ёкнуло и наполнилось до краев чувством брезгливости. Бр-рр-р! Что делать? В панике бросились за помощью на дезстанцию ГУЗМ».

Газета «Красная Пресня», апрель 1990 г.

Много неожиданностей сваливается на голову нашего брата: и забудешь о левостороннем движении, и кейс с секретными документами вдруг раскроется на глазах у полиции посредине площади de la Concorde, и соседа по коммуналке встретишь в снегах Килиманджаро, но я обомлел, когда увидел внизу знакомые уши, приделанные к лошадиному черепу в вязаной красной шапочке. Это был он, незабываемый и яркий, как явление Христа народу,— на плечах лыжи и небольшой рюкзачок (о, мастера леген-

ды!) — он дергал головой и косил глазами по сторонам, пытаясь нащупать запрятавшихся в горных пещерах мышек-норушек с подзорными трубами. Любой читатель низкосортных детективов без особого труда распознал бы в нем иностранного шпиона: вот он будто бы небрежно прошелся по перрону, любуясь восхитительнейшими альпийскими пейзажами и вдыхая озон иссохшей от кабинетных сидений грудью,— беспечный турист, искатель наслаждений, великий спортсмен! Поправил красную шапочку, еще раз оглянулся вокруг (чего бояться, мой друг кондовый? диппаспорт всегда убережет тебя от неприятностей, в худшем случае дадут коленом под зад, как персоне нон грата,— это тебе не сырая камера с зарешеченным окном, не допросы с детектором лжи и не пуля в спину за попытку к бегству!), чуть выпятил свою мощную челюсть, развернулся и, как напуганный гусь, поплыл обратно по перрону. Все это будет пересказано им в праздничных тонах Мане и Бритой Голове, разукрашено до неимоверности и, уж конечно, укрепит его оперативную репутацию — понавешает он им на уши о своих подвигах, и тестю голову заморочит, и не только ему.

Я допил свой женевер, расплатился с безликим официантом и встал.

Без одной минуты пять, невероятная оперативная точность.

Начальственная спина Ника маячила в конце дороги, около буйных кустов, торчащих во все стороны, как волосы сумасшедшего,— он повернулся, и мы пошли на сближение, постепенно превращаясь в двух старых знакомцев, залетевших на знаменитый курорт то ли для принятия грязевых ванн, то ли по пути к дому Чарли Чаплина в Веве, то ли к месту убийства Воровского в Лозанне, а скорее всего для совместного перехода через Альпы под водительством непобедимого Суворова.

— Как тебе нравятся мои лыжи? — Мы, естественно, отбросили все формальности с паролем, а его распирало от гордости за лыжную легенду, столь надежно камуфлирующую весь его подрывной рейд на горный курорт,— представляю, как он опускается на личном самолете на тайную встречу на международной авиационной выставке в Фарнборо.

— Грандиозная выдумка! Я не знал, что ты ходишь на лыжах. Как доехал?

— Все чисто. Проверялся часа три. С контрнаблюдением. Как у тебя?

— О'кей! Честно говоря, не ожидал тебя увидеть. Что-нибудь случилось? Может, зайдем в ресторан? — Я был любезен, как королевский мажордом.

— Не стоит, вдруг там «жучки»! Давай лучше погуляем, так спокойнее...— Легкий втык дураку Алексу, вечно забывающему о конспирации.— А потом я пройду на лыжах, не зря же я их тащил.

Уже виделся его отчет: «После тщательной проверки с использованием машины, электрического поезда и автобуса я в точно обусловленное время вышел на встречу с тов. Томом»... Интересно, захватил ли он с собою лыжную мазь?

— Что нового дома?

— Все в порядке. Твои здоровы, любят и целуют,— коротко ответил он, давая понять, что сейчас не время для лирических отступлений.

Мы двинулись вверх по дороге, истоптанной жаждущими и страждущими лыжниками. Впереди чернели подъемники, внизу за тонкой пленкой снежной пыли дрожали бледные контуры Монтре.

— Сначала расскажи мне подробно о всех своих делах. Конечно, все твои сообщения мы изучали очень внимательно, но на бумаге не изложишь всего...

— Чтобы не забыть: на моменталку со мной выходил один рыжий из посольства,— капнул я,— так у него плащ... прямо ширпотреб, сразу видно, из какой он страны...

— Спасибо. Конечно, мелочь, но, как говорят, дьявол прячется в мелочах.— Он что-то черкнул в блокноте.

Мы медленно шли по дороге, и я рассказывал ему в занудных деталях о всех душераздирающих приключениях с Генри, о своих контактах с Хилсменом и допросах на детекторе лжи и, конечно, о загадочном визите.

— Что ж, тебя можно поздравить... внедрение проходит нормально, без особых осложнений. Очень хорошо, что «Эрик» получил у «Берты» шифры: это укрепляет твое положение, поднимает ценность выданных тобою людей. Думаю, нам не следует форсировать «Бемоль», а дождаться спокойно, когда сами янки окончательно убедятся в твоей честности и начнут давать тебе серьезные задания. Только так мы выйдем на Крысу. Но встретиться мы с тобой решили вот по какому поводу: месяц тому назад в Мадриде исчез некто Евгений Ландер, скорее всего он встал на путь предательства и попросил политического убежища. Вот его фотография и описание.

Я увидел фото шатена с густыми волосами и крупным, чуть крючковатым носом, на котором сидели роговые очки.

— Ты его не знал? — осведомился Челюсть.

— Не помню. Вряд ли.

— Ему 37 лет, рост 178, вес 85, лицо, как ты видишь, овальное. Руки маленькие, некрасивые... он грызет ногти. На правой части подбородка — бородавка. Знает он испанский и плохо английский, несколько лет работал в Латинской Америке. Оставил жену и троих детей. Что еще? Мы проанализировали все его дело и пришли к выводу, что ни тебя, ни твою агентуру он не знает и знать не может!

— И все же ты меня спросил...

— На всякий случай. Извини, старик.

— И какое это имеет ко мне отношение? — Известие меня насторожило.

— Я не исключаю, что это он нанес визит Генри.

— Но ты сам говоришь, что он никак не касался моих дел.

— Это по официальным данным... А в жизни все бывает. А вдруг он связан с Крысой? — Челюсть посмотрел мне прямо в лицо.

— Я уже думал об этом. Даже если Крыса знает Генри и его шифровальщицу, то мне ничего не грозит: это знают и американцы. Главное, чтобы Крыса не знала о «Бемоли»!

— Тут ты можешь быть уверен на сто процентов! — Голос его прозвучал так торжественно, словно он открывал юбилейный вечер Самого-Самого.

— А этот Ландер не может быть той самой Крысой, которую мы ищем?

— Я лично не могу дать тебе определенного ответа. Но все руководство уверено, что Крыса знает гораздо больше, чем Ландер, который не занимал в службе большого положения.

— Допустим, что это Ландер. Как я должен действовать?

Челюсть почесал свое великолепное ухо.

— Действовать ты должен сугубо от лица американцев — они же послали тебя в Каир!

— Ну, а дальше? — У меня даже руки покрылись потом.

— Самое лучшее, если ты уговоришь его сотрудничать с американцами и выехать в Лондон...

— А если он уже сотрудничает?

— Мы хотели бы, чтобы он находился под твоим... как это лучше сказать? покровительством. А вообще ты ориентируйся по обстоятельствам. Есть информация, что он пишет о нас сволочную книгу, и, конечно, очень важно его нейтрализовать...

Я достал из кармана плаща перчатки и, сохраняя невозмутимость египетской мумии, натянул их на пальцы. Налетел легкий ветерок, раздувая снег.

— Как это нейтрализовать? — сыграл я ваньку.

— Ты сам понимаешь... не маленький!

— Я должен его???

— Что за чепуха, Алик? Разве ты не знаешь, что после убийства Бандеры мы уже не занимаемся террором? Что это строго запрещено? Эдак у тебя может создаться впечатление, что я даю тебе санкцию на убийство. Конечно, если Ландер на тебя нападет, ты можешь принять меры самообороны... Но в принципе мы планируем его перевербовать. На родине у него осталась семья, так что кое-какие карты у нас есть. Он должен поверить, что ты американский агент... Тяни его в Лондон, под свое крылышко, опирайся на помощь Хилсмена, если, конечно, в Каире...

— Что в Каире?

— Строго между нами. Считай сразу, что этого разговора не было. Как нейтрализовать его без скандала? Политическая обстановка в мире сейчас смягчает, и правительство не простит нам скандала и обвинений в терроризме. Но ты пойми меня правильно: если ты увидишь, что обстоятельства сложились благоприятно, допустим, вы гуляете вместе с Ландером и подходите к краю пропасти. Конечно, это метафора...

Я феерически расхохотался, представив мифического Ландера, склонившегося над пропастью, по краю которой мы гуляем, и себя, нежно толкающего его кончиком зонта в спину.

— В общем, мы даем тебе карт-бланш, старик. Главное — вытащить его в Лондон и начать разработку. Кроме тебя, для этого дела никого нет.

— Благодарю за доверие! — Я кисло улыбнулся.— Ты привез условия связи на Каир?

— Все как в аптеке, старик! — Он достал из бокового кармана миниатюрное издание «Гамлета».— Все заделано в обложку. И очень подходит под твою биографию. Вообще ты молодец, Алик, и служба высоко тебя ценит. Работаешь ты смело. Вот Тацит [3] пишет, как персы брали Вавилон, закрытый наглухо, вооруженный до зубов. Знаешь, что сделал хитрец Дарий, персидский царь? Он нашел смельчака, своего близкого друга Зопира, который отрезал себе нос и уши и попросил Дария выпустить его в Вавилон, как перебежчика. Казалось, что легенда была железнее железной, но Зопир не предпринял никаких действий, зная подозрительность вавилонцев. Ему пришлось несколько раз разбить войска Дария, чтобы заслужить доверие вавилонских военачальников. Только после этого он открыл Дарию ворота, и Вавилон пал! Вот так, Алик! Учись! Что наша «Бемоль» по сравнению с этой операцией? — Он поднял перст.

Хорошо быть Дарием в комфортабельном кабинете, любоваться памятником Несостоявшемуся ксендзу, наведываясь в скромные домишки на Застарелой площади, гораздо хуже бродить по Пиккадилли в виде рядового фирмача с еще необрезанными ушами и носом.

— А почему ушел этот Ландер? — поинтересовался я.

— Что такое предательство? Загадка! Разве возможно это понять? Горький писал, что психология предателя — это психология тифозной вши! Но скорее всего он озлился потому, что его не поднимали по должности...

Он поправил красную шапочку и умиротворенно улыбнулся своему старому другу.

Что ж, не только Ландеру задерживают повышение, некоторые трудяги тоже ждут не дождутся своей очереди, нет же у них, бедняг, Мохнатой Лапы Тестя, живо взявшего за бороду Бобра, а потом оседлавшего Маню.

— В общем, Алик, я тебя сориентировал. А в остальном следуй линии Хилсмена... Мы не слишком задерживаемся? Мало ли что... Сумасшедшие цены в этой Женеве. Клава просила купить ей коекакие мелочи, но с нашими командировочными...

Я залез в боковой карман и вытащил оттуда тысячу долларов.

— Ты что? Я просто так сказал.— Он даже оттолкнул меня руками.

— Дома отдашь.— Я засунул деньги в карман его куртки, опыта в этом деле у меня было предостаточно, начальство тоже люди, и им надо отламывать от пирога.

Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а денег не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы передвигать, а не имею денег,— то я ничто! — одна язва таким образом переиначила Евангелие, специально для наших трудов на материальной основе.

На дорогу выдвинулось крохотное кафе, у входа загорали, забросив ноги на столики, румяные лыжники, гоготали и дули дымящийся глинтвейн.

— Выпьем виски?

— Я последнее время не пью, сердце пошаливает...

Майн Готт, до чего доводит кабинетная работа! И это при личной врачихе с замашками шлюхи, при тщательных обследованиях на японской аппаратуре в специальном отделении монастырской поликлиники, куда допускались лишь апостолы, чье драгоценное здоровье играло особую роль в судьбе народов Мекленбурга.

— Выпей клюквенного сока!

Он внимательно наблюдал, как я смакую двойную порцию виски, врубаясь носом в ароматы шотландского вереска.

— Какой прекрасный у них сок! — Челюсть испил свой бокал до дна.— Тебе все ясно?

— Предельно. Особенно насчет пропасти.— Виски перезарядил аккумулятор моего неистощимого остроумия.

— Все это очень серьезно и не мое изобретение.

Я допил виски и встал.

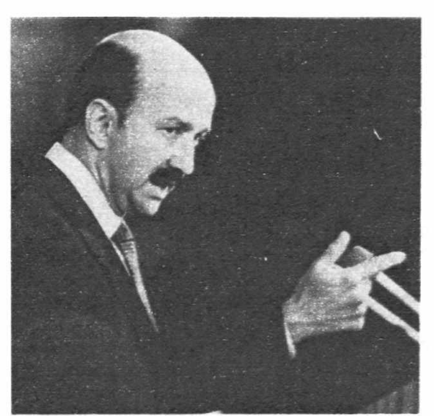
Мы поднялись к трехэтажному деревянному дому — лыжной станции, украшенной флагами всех счастливых наций, от которой начинался пологий, искрящийся на солнце, ослепительно белый спуск. Челюсть оставил куртку и рюкзак в раздевалке и предстал в красном свитере, видимо, купленном в Женеве вместе с шапочкой на казенные деньги для всей этой умопомрачительной операции.

Мы спокойно и без эмоций распрощались.

Я смотрел, как его неуклюжая масса сползает вниз по блестящему полотну, представляя себе, как ахнет Маня, услышав, что его боевой зам в целях Конспирации молнией мчался на лыжах с Монблана (видимо, другой вершины Челюсть не укажет). Эпизод этот запишут в обезличенном виде во все учебники для подрастающих поколений, как образец эффективной работы, и никому не придет в голову, что главный герой спектакля, элегантный, спокойный человек с ровным пробором смотрел в это время в спину улетающему лыжнику, обмозговывая, как ему приказали, сложившуюся ситуацию, а потом пошел в сортир и долго мыл руки пахучим мылом — жаль, что Челюсть не забрел сюда, тут я бы ему напомнил, что в общественных уборных Монастыря, которыми начальство не пользовалось, всегда валялись грязные обмылки бельевого мыла в волосах — хозяйственная служба экономила на мелочах, экономика была экономной.

Продолжение следует.

[3] **Челюсть держал Тацита и еще кое-кого в кабинете для показухи.**

ИНТЕРВЬЮ ПРЕЗИДЕНТА МЕКСИКИ КАРЛОСА САЛИНАСА ДЕ ГОРТАРИ

ТРУДНО ЛИ БЫТЬ ПРЕЗИДЕНТОМ?

Президент возвратился в автобус и показал мне свои исцарапанные предплечья.

— Они любят меня,— сказал президент.— Они царапаются. Они хотят меня потрогать...

Я оставался в президентском автобусе, наблюдая в затемненное снаружи окно, как люди тянулись к этому молодому человеку, кричали ему, спрашивали, просто стремились дотронуться. Автобус, украшенный спереди и сзади геральдическими орлом со змеей, двигался медленно, с трудом проталкиваясь сквозь толпы крестьян, вышедших на дороги, по которым ехал президентский кортеж. Многих их этих дорог недавно не было и в помине; их построили в первые два года президентства Карлоса Салинаса де Гортари, или Президента Салинаса, как его называют чаще всего...

Президент еще раз поглядел на свои исцарапанные предплечья и улыбнулся.

— Трудно ли,— спросил я,— быть на уровне этой популярности? И зачем она вам? Ведь все равно президент избирается в Мексике на шестилетний срок с тем, чтобы никогда больше не переизбраться. Только раз — и никогда больше. Только однажды на шесть лет...

— Да, да,— сказал Салинас.

— Но я видел плакаты «Президент Салинас держит слово!».

— В этом все дело. Я посещаю все области Мексики, встречаюсь со всеми слоями населения. Им нужны инъекции энтузиазма. Мы недавно пережили кризис, когда уровень жизни резко снизился. В эти годы люди чувствовали, что президент очень далек от них. Я должен приблизиться к народу. Они подходят, трогают меня и царапают меня, потому что им необходимо ощущение моей близости.

— И они во всем сближены с вами? Все знают о вашей семье, вашей личной жизни? До какой степени вы позволяете себе откровенничать со своим народом?

— Во всем, кроме семейной жизни. Моя семья находится в стороне от политики. Я хочу, чтобы эта приватность сохранялась, потому что у моих близких собственные жизни и они должны продолжаться в будущем.

— Собственно говоря, когда вы станете отставным президентом Мексики, вам будет всего-навсего 46 лет. Только бы начинать, по советским нормам, политическую карьеру, а вы уже... Вы ведь только наберетесь опыта, ощутите полноту сил, станете мудрее. Считаете ли вы, что это разумно: ограничивать срок президентства шестью годами?

— Это правильно, потому что так происходят взаимозаменяемость, ротация, перемешивание слоев. Не забывайте, что восемь из десяти мексиканцев младше меня. Наше население очень молодо. Восемьдесят процентов моих соотечественников, повторяю, младше меня. Надо дать им шанс...

— Это прекрасная идея. И много ли людей вашего возраста у вас в правительстве?

— Да, очень. Некоторые моложе меня. В том числе ряд министров; министр финансов, к примеру.

— Но при всем том правительство не футбольная команда, нужны и люди постарше...

— И они есть. Для меня возраст определяется способностью соображать в большей степени, чем паспортной молодостью.

— Так, наверное, и должно быть. Но существуют некие стереотипы: биологические, политические. У нас в стране, к примеру, некоторые оперируют не только понятиями «старость» или «молодость», но и «социализм» или «капитализм», не особенно задумываясь над их смыслом. По этому поводу я вспомнил высказывание китайца Дэн Сяопина, сказавшего однажды, что «белый кот, черный кот — лишь бы ловил мышей». В связи с этим не скажете ли вы, чем является социализм лично для вас?

— Есть ведь определение про общественную собственность на средства производства. Но собственность собственностью, а в ряде стран то, что называлось социализмом, привело к бюрократизации общественной жизни. И вместо того, чтобы предоставить народу больше возможностей, все это означало получение привилегий малой группой людей. По моему убеждению, это не социализм. Это бюрократизация повседневности, а народ везде против бюрократизации.

— Мечтаю, чтобы вы смогли в ближайшем будущем обменяться опытом с нашим президентом. Направление поисков общественного переустройства в наших странах во многом схоже. Мы стали задумываться о путях своего развития и пытаться осмыслить, какие мы, куда идем. Ведь многие годы ушли на самолюбование и самодовольство, на поиски героев внутри собственной страны и врагов за ее пределами. Все наши неудачи сваливались на злодейские происки, но вдруг образ врага разрушился. Как быть? Кстати, что вы думаете об изменяющихся отношениях между СССР и США? Это ведь вы говорили, что экономическая и военная мощь далеко не тождественны...

— Я убежден в этом, потому что мощные в военном отношении СССР и США слабы финансово. В то же время Германия и Япония очень слабы в военном отношении, но мощны экономически и финансово. И вот впервые мы видим, как очень сильные страны импортируют, а не экспортируют капитал. Вот мы и наблюдаем, как на новых условиях возникают принципиально новые сообщества. Европейское сообщество. Блок Японии со странами Южной Азии. В мировой экономике нарастает соперничество. И военная мощь в этом соперничестве значит немного; это впервые в современной истории.

— И где же ваше, мексиканское, место? На Юге, Севере, Западе, Востоке?

— Мы связующее звено. Мы мост: Юг — Север. У нас ведь мощные связи с Латинской Америкой. Соединенность эта историческая и политическая, но в экономическом отношении наши партнеры слабы. Вот я и решил создать зону свободной торговли с Канадой и США. Это поможет раскрыть способности мексиканцев; нас ведь 83 миллиона сегодня, и каждый год становится на два миллиона больше.

Президент улыбнулся.

— Мне пересказали вашу шутку по поводу естественного прироста населения Мексики: мол, не то чтобы мы так уж любили детей — мы любим женщин...

Президент хохочет.

Молодой человек, он вступил в руководство 1 декабря 1988 года, будучи одним из самых сильных экономистов страны. Салинас после получения образования в Мексике учился в знаменитом Гарвардском университете США, где, еще не достигнув тридцати лет, защитил две магистерские и докторскую диссертации. При всем том он сохранил таланты, необходимые политическому деятелю. Один из важнейших среди них — талант общения на равных с самыми разными людьми. Он проводит частые пресс-конференции, принимает множество людей; на этот год запланировано 52 президентских выезда в самые разные регионы государства. В одну из таких поездок он пригласил меня...

— Нельзя быть эгоистом,— говорит Салинас.— Мы будем источником деловых стимулов для Южной и Центральной Америки. Ведь наши связи с этим регионом очень крепки.

— Некоторые из наших патриотов страдают комплексом неполноценности, поэтому я задам вам вопрос, очень часто задающийся у меня в стране. Не пострадает ли культурная самобытность от экономического сотрудничества? Вы сближаетесь с мощными США и... выживете ли под прессом массовой культуры этнически?

— Я очень верю в силу мексиканской культуры.

— Верите?

— Со всей определенностью. Наша культура очень сильна, и мы можем войти в подобные рынки, не разрушая собственной самобытности.

— И вы считаете, что США вас не поглотят? И рок-н-ролл не заглушит в ближайшем будущем главнейшей из мексиканских мелодий?

— Мы уважаем ценности других культур, но они не настолько сильны, чтобы нас одолеть.

— У вас собственная почва под ногами?

— Конечно! Мы стоим на ней твердо. И я, напротив, стараюсь, чтобы Германия, Япония, Европа, Азия больше вкладывали в Мексику...

— И Мексика от этого усилится, в ближайшие годы станет мощнее экономически?

— Конечно.

— Звучит прекрасно, но требует уточнений. Мне много говорили о вашей программе. Несколько слов о ней, пожалуйста.

— Мы многое в стране передаем сейчас в частные руки, и деньги, полученные от этой приватизации, а также новые прибыли от зарубежных партнеров идут на *программу солидарности*. Согласно этой программе, мы ничего и никому не даем просто так. И тем не менее программа эта утоляет многие социальные нужды. К примеру, места, по которым мы сейчас едем, нуждаются в электричестве, водопроводе, лучших школах. Солидарность дает людям возможность иметь все это, если они **будут участвовать**. Они обязаны вначале организоваться в комитеты солидарности. Затем эти комитеты демократически избирают свое руководство. Непременно голосованием, чтобы все могли прочувствовать собственное участие.

— Ну и что они получат в итоге?

— То, в чем нуждались: дороги, электричество, воду...

— Я видел это. Правительство сообщает, что может, к примеру, дать людям трубы, или кабель, или булыжник для мостовой. Но потрудиться для конечного результата они должны будут сами.

— Непременно сами! Они должны вложить собственный труд. Работая, люди получают чувство высокого удовлетворения. Кроме прочего, программа эта укрепляет в них чувство собственного достоинства.

— Мне еще предстоит это осмыслить, руководствуясь собственным опытом. В моей стране процентов двадцать людей будут прилежно трудиться при коммунизме, капитализме, феодализме и любом другом общественном строе. Но процентов пятнадцать не будут работать ни за что и никогда — они просто хотят хорошо жить за счет болтовни, требований, чего угодно — лишь не собственного труда. И они становятся барьером на пути любых социальных перемен, желая получить от правительства все и не давать стране ничего. Как вы их втянете в этот процесс? Они ведь будут сидеть на обочине, держать лозунги и ждать, пока другие построят для них водопровод. Как вы втянете подобную публику в свои программы?

— Не будут участвовать, не будут работать — и солидарность своей программой их не коснется.

— Вы хотите сказать, что не будет им ни электричества, ни водопровода?

— Ничего они не получат. Пусть поработают на постройке дороги возле своего дома. Или возле других домов. Они должны почувствовать, что это их, а не правительственная программа.

— Итак, если десятеро работают, а пятеро нет?..

— Значит, эти пятеро ничего не получат.

— Хорошо бы рассказать о вашей программе советским людям. Очень поучительно. Ведь нам еще столько предстоит понять...

— Мы в Мексике очень уважаем советских людей. Ваш народ настрадался вдоволь. Вспомним лишь вторую мировую войну. А чего вы натерпелись под царизмом и под сталинизмом! Мы ценим не только вашу способность к выживанию, но и вашу поразительную способность к творчеству. Я испытываю огромное желание встретиться с вашими людьми, соприкоснуться с советским народом. Я планирую посетить вашу страну.

— Как вы ее видите из Мексики?

— Одна из самых важных на свете стран ввиду ее политического, общественного, военного положения. Сегодня Президент Горбачев играет ведущую роль в обновлении отношений между разными странами, пересмотре связей, сложившихся после второй мировой войны. Все, что случается в СССР, имеет отношение ко всему миру.

— Мы трудно меняемся, уходя от однопартийной системы. У вас ведь недавно была тоже одна партия...

— Теперь несколько. В мексиканском конгрессе мою партию представляет лишь 52 процента депутатов. И тем не менее мы принимаем нетрадиционные решения. Даже национализацию мы пересмотрели в ходе конституционной реформы. Мы пошли на передачу предприятий в частные руки, хоть недавно еще считалось, что чем больше государственной собственности, тем больше пользы для населения. Годы экономического кризиса подвели нас к идее необходимости этих изменений. И население их поддержало. Один лишь пример. У нас государство владело телефонной компанией, на которой трудилось 50 тысяч человек. Я объявил о решении сделать эту компанию частной, и все, кто работал в ней, должны были проголосовать. И они проголосовали за это решение единодушно.

— И вы верите, что так будет лучше? И они в это верят?

— Да. Сотрудники компании добивались более высоких зарплат. Я сказал им, что единственный способ для получения этих зарплат — работать лучше, повысить производительность. Но производительность повысится лишь в том случае, если компания будет расти. Для этого надо было пять лет и десять миллиардов американских долларов. Такие же деньги нужны для обновления нашей системы образования. Мне предстояло сделать выбор. Я решил использовать деньги для системы образования, а частный сектор привлек для обновления телефонной компании; все согласились. Если для того, чтобы повысить производительность, надо приватизировать телефонную компанию, мы голосуем за приватизацию. Все работники ее будут совладельцами этого дела.

— Итак — самые разнообразные методы в экономической перестройке. И в президентской деятельности...

— И даже в речах. Люди любят ясные речи. Никакой риторики. Надо быть предметным и говорить, чтобы людям было понятно. Все хотят, чтобы речи точно отзывались в действительности. Люди хотят быть в постоянном контакте с вами — словами, глазами, прикосновениями. Даже, когда мы касаемся друг друга в толпе — общаемся...

Автобус в очередной раз затормозил, президент вскочил со своего кожаного кресла и нырнул в толпу с налету, как в воду, прямо с подножки. Два старика, стоявшие в стороне, за пределами президентского общения, сняли широкополые шляпы, глядя в сторону автобуса. Когда я сказал об этом Салинасу, он очень обрадовался и сказал, что это настоящий знак уважения.

Виталий **КОРОТИЧ**

МУЗЫКАЛЬНЫЕ УСЛАДЫ ВОЖДЕЙ

Юрий ЕЛАГИН

Как-то раз, вскоре после начала нового сезона осенью 1938 года, я шел, как обычно, на очередной вечерний спектакль. Завернув с Арбата на улицу Вахтангова, на которой находился артистический подъезд, я сразу почувствовал какие-то изменения в привычной обстановке. По пустынной всегда в это время улице неторопливо шагали личности в штатских пальто и в военных сапогах, пытливо вглядываясь в каждого прохожего. У недавно выстроенного подъезда правительственной ложи стояло несколько автомобилей. Я прошел по тротуару мимо этого подъезда и вошел в следующий за ним в 20—30 метрах артистический подъезд. В нашей раздевалке поразила меня молчаливая и серьезная обстановка, без обычных шуток и смеха. Я разделся, передал пальто Арише и со скрипкой в руке направился к двери, ведущей в большой коридор.

— Предъявите документы, товарищ,— услышал я тихий, но очень уверенный голос. Тут только я обратил внимание на человека в синем костюме и в военных галифе, стоявшего у этой двери и проверявшего документы у всех входивших. Подавив возникшее у меня инстинктивное чувство внутреннего протеста, я достал театральное удостоверение и протянул его человеку в галифе. Он долго, внимательно читал его и сверял фотокарточку с моей физиономией.

— Проходите,— тихо сказал он, разрешая мне пройти в фойе нашего оркестра, в которое я входил каждый вечер вот уже в течение семи лет моей службы в театре. Некоторые наши актеры не вытерпели и с непривычки возмутились.

— Зачем я буду показывать мои документы в моем театре? — сказал артист Шухмин человеку в галифе.— Я здесь двадцать лет служу. Меня каждая собака здесь знает. А вот вас-то я не знаю и в первый раз в жизни вижу.

— Предъявите документы,— еще тише и еще серьезнее произнес человек в военных галифе.— Иначе не будете допущены к участию в спектакле и пойдете под суд как прогульщик...

Я вошел в комнату оркестра, вынул скрипку из футляра и пошел в оркестр, чтобы настроить ее, как всегда, заранее. Было еще рано, публику в зрительный зал еще пускать не начали, и в оркестре было темно. Я хотел было пройти к моему месту, как вдруг отделившаяся от стены фигура загородила мне дорогу.

— Вам что здесь нужно, товарищ? — Вопрос этот, как ни странно, задал не я незнакомой личности, а личность мне.

Начало в № 39.

— Я играю в оркестре,— ответил я.— Я хотел бы настроить мою скрипку.

— Еще рано, товарищ,— сказала личность.— Очистите помещение.

Позже, когда спектакль начался, личность молча сидела в углу на стуле рядом с контрабасами и внимательно наблюдала за каждым из нас. В перерывах между музыкальными номерами мы любили подходить к барьеру оркестра и смотреть действие на сцене. Кто-то из нас попробовал сделать это и в этот раз. Но личность с быстротой молнии вскочила со своего стула, подошла к любопытному и сказала очень кратко, но твердо:

— Товарищ, сядьте на ваше место...

В тот вечер впервые был гость в новой правительственной ложе. Сам Молотов приехал смотреть наш спектакль.

Еще в первой половине тридцатых годов в Кремле начали устраиваться большие концерты для членов правительства и их гостей. Вскоре это стало постоянным явлением, а со времени организации Комитета по делам искусств составление программ этих концертов приняло солидный государственный размах и производилось лично председателем комитета. К середине тридцатых годов уже вполне определилось три типа правительственных концертов:

1) Большой торжественный концерт в Большом театре. Концертами этого рода обычно заканчивались всякие правительственные и партийные сессии, конгрессы, съезды или просто торжественные заседания;

2) Концерты в Большом Кремлевском дворце, происходившие во время приемов, банкетов, встреч Нового года и т. п. Эти концерты вначале носили более скромный характер, нежели грандиозные дивертисменты в Большом театре, но с окончанием ремонта и перестройки Кремлевского дворца в 1936 году, когда в Георгиевском зале была выстроена большая концертная эстрада, они стали по масштабам своих программ вровень с концертами в Большом театре;

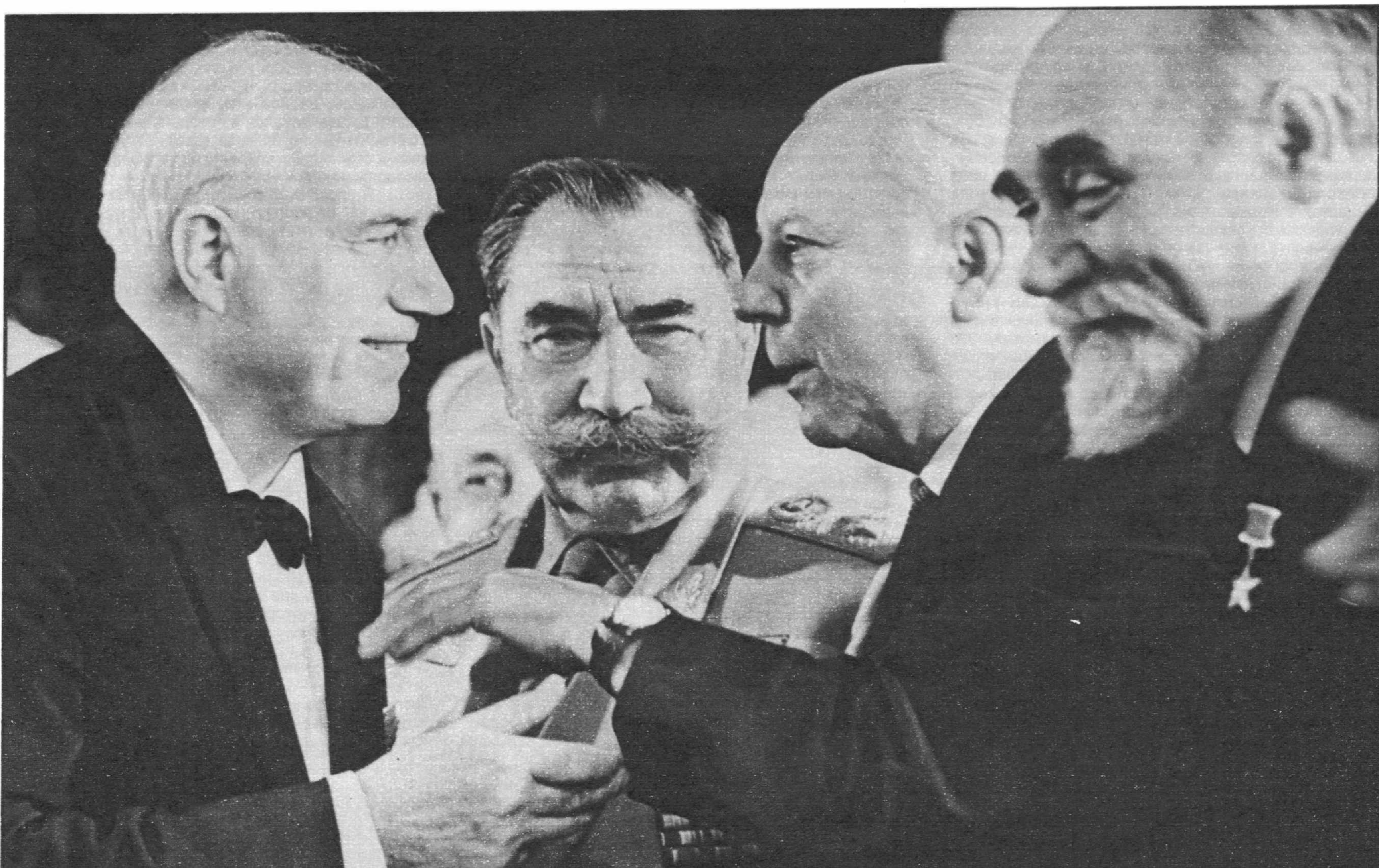
3) Наконец, третий тип был: небольшой интимный концерт для некоторых членов Политбюро, обычно происходивший на их частных квартирах в Кремле.

До 21 января 1938 года я не принимал участия ни в одном из концертов для правительства. НКВД имело определенные правила относительно артистов и музыкантов, которым дозволялось участвовать в этих концертах. И, согласно этим правилам, я в число этих артистов и музыкантов не входил. Как ни странно, дело было не в том, что мой отец умер в концлагере, а в том, что один из моих дядей был эмигрант и жил за границей (в Турции) еще с 1919 года, о чем я имел неосторожность написать в свое время в анкете при поступлении в Театр имени Вахтангова.

По правилам НКВД, все люди искусства, у которых были родственники за границей, не могли быть допущены к участию в концертах или спектаклях в присутствии членов Политбюро. Это оригинальное правило иногда вело к курьезам. Например, у превосходного виолончелиста, солиста Большого театра Святослава Кнушевицкого были какие-то родственники за границей, и он поэтому никогда не играл в те вечера, когда Сталин со своими коллегами смотрел спектакли. Вместо Кнушевицкого соло играл другой, значительно худший виолончелист. И бедному Сталину приходилось удовлетворяться этим худшим исполнением музыканта, у которого зато не было совершенно никаких родственников за границей.

Раз в конце 1937 года отрывок из одного нашего спектакля должен был быть показан в Кремле. Как и всегда в таких случаях, назначили играть всех наших скрипачей, кроме графа Шереметева и меня. На другой день после концерта на репетиции все наши товарищи наперебой, захлебываясь от восторга, рассказывали, каким чудесным ужином угощали их в Кремле: балык, крымские вина, армянский коньяк. Помидоры и коньяк переполнили чашу моего терпения, и я пошел к моему другу Кузе жаловаться на порядки НКВД, не разрешавшие мне играть в Кремле.

«Буденный — наш братишка, с нами весь народ!..»
Фото **В. БЕЛОУСОВА.**

— Дядюшка за границей, говорите? Гм...— Куза задумался.— А когда пришло от него последнее письмо?

— Последнее письмо от него получила моя бабушка шесть лет тому назад,— ответил я.

— А сколько лет вашему дядюшке?

— Да лет пятьдесят будет.

— Но вы не писали ведь в анкете, сколько именно ему лет? Ему, может быть, сейчас все девяносто восемь или даже сто два года,— сказал умный Куза.— Напишите заявление в НКВД о том, что от дядюшки вот уже двенадцать лет, как нет никаких известий, и, так как ему теперь должно было исполниться — ну, не 102, а, скажем, 92 года, то его наверняка уже давно нет в живых. Особенно если принять во внимание, что живет-то он не в счастливом социалистическом государстве, а в несчастном капиталистическом, где люди мрут как мухи в расцвете лет. Заявление это дайте мне, а я передам его куда следует.

Я написал заявление и отдал его Кузе. Прошло после этого месяца два.

17 (или 18) января 1938 года меня вызвали к директору театра. Я вошел в красивый кабинет с резной дубовой мебелью и с гобеленами на стенах — зал заседаний нашего художественного совещания. В кабинете уже находились директор театра — молодой партиец, которого прислали на смену нашей старушке Ванеевой, секретарь парторганизации и Куза. Вид у всех был такой торжественный и серьезный, что я сразу понял, что дело нешуточное.

— Товарищ Елагин,— сказал директор внушительно.— Ваша просьба, поддержанная нами, удовлетворена органами государственной безопасности. Ваш дядя признан умершим, и вы вычеркнуты из списков лиц, имеющих родственников за границей.— Тут он сделал паузу, которой я воспользовался для выражения моей сердечной признательности как нашей дирекции, так и органам государственной безопасности.

— Отныне вам разрешается принимать участие в спектаклях, на которых присутствуют члены правительства и руководство партии. И я не сомневаюсь, что вы примете за выражение большого доверия к вам просьбу, с которой мы решили к вам обратиться...

Тут директор сделал опять паузу и уставился на меня пронизывающим взглядом. Я понял, что дело идет о каком-то важнейшем и ответственнейшем поручении государственного масштаба. В недоумении я повернул голову в сторону Кузы. Куза сидел на диване и равнодушно смотрел в окно, щуря свои близорукие глаза. Лишь на губах его мелькала, как мне показалось, насмешливая улыбка, да в глазах пробегали веселые огоньки.

Я не ошибся. Вопрос был действительно государственной важности. Дело было в том, что через три дня — 21 января 1938 года, на траурном заседании в Большом театре по случаю годовщины со дня смерти Ленина, должен был быть показан один акт «Человека с ружьем». В конце этого акта духовой оркестр играл восемь тактов марша, под который уходил на фронт отряд революционных моряков и красногвардейцев. Неожиданно, в последний момент НКВД по каким-то причинам не допустило к участию в спектакле нашего барабанщика. И вот, зная, что я умею играть на барабане, дирекция обратилась ко мне с просьбой сыграть барабанную дробь для самого товарища Сталина в день годовщины смерти товарища Ленина. Я не заставил себя долго уговаривать, хотя на правительственных концертах в Большом театре и не угощали бесплатным ужином со свежими помидорами и с хорошим коньяком.

Вечером 21 января я сидел в самом центре обширного пространства оркестра Большого театра со своим барабаном и впервые в жизни увидел прямо перед собой на расстоянии половины длины сцены знакомое усатое лицо с маленькими глазками. Это и был как раз тот вечер, на котором Щукин играл роль Ленина, а Рубен Симонов — роль Сталина. Живой, настоящий Сталин сидел передо мной в своей ложе и смотрел, ухмыляясь себе в усы, на сцену и много аплодировал. Аплодировал он и охрипшему от необыкновенного волнения Симонову, загримированному под него — Сталина, каким он был в молодости. И эта жалкая сцена не вызывала у него, повидимому, ничего, кроме удовольствия. Когда же пришел мой черед играть на барабане, то я отнюдь не растерялся и не потерял присутствия духа от волнения и страха, подобно Симонову. Наоборот! Я ударил мою барабанную дробь с такой силой и так громко, что даже сам Сталин вздрогнул и бросил в мою сторону испуганный взгляд...

* * *

Впоследствии, когда я играл в Государственном джазе, я много раз участвовал в правительственных концертах в Большом театре. За день до каждого такого концерта нам всем выдавались специальные пропуска, на которых фамилия каждого из нас была напечатана не на пишущей машинке, а типографским способом. Текст пропуска кончался фамилией начальника охраны, почему-то тоже напечатанной печатными буквами. Как сейчас помню эту фамилию: «Комиссар госбезопасности III ранга Дагин».

Всем участвующим в этих концертах необходимо было соблюдать некоторые правила, о которых нас специально предупреждали. Например, нам рекомендовалось не расхаживать без дела по театральным коридорам и не отдаляться от отведенной для нас артистической комнаты. Разрешалось ходить только в ближайшую уборную и в буфет. Другое правило обязывало всех участников концерта, без малейшего исключения, прибыть на концерт не позже чем за час до начала. Прибывшие позже этого срока считались опоздавшими, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Чтобы понять всю странность этого распоряжения, надо иметь в виду, что огромная программа правительственных концертов никогда не заканчивалась раньше чем через четыре часа после начала, иногда же затягивалась и на все шесть. Таким образом, концерт, начавшийся, например, в 8 часов вечера, всегда оканчивался после 12 часов ночи. И те артисты, которые выступали в конце концерта, должны были приходить к семи часам вечера и терпеливо просиживать 5 и больше часов за кулисами, опустошая буфет и слоняясь из угла в угол по артистической.

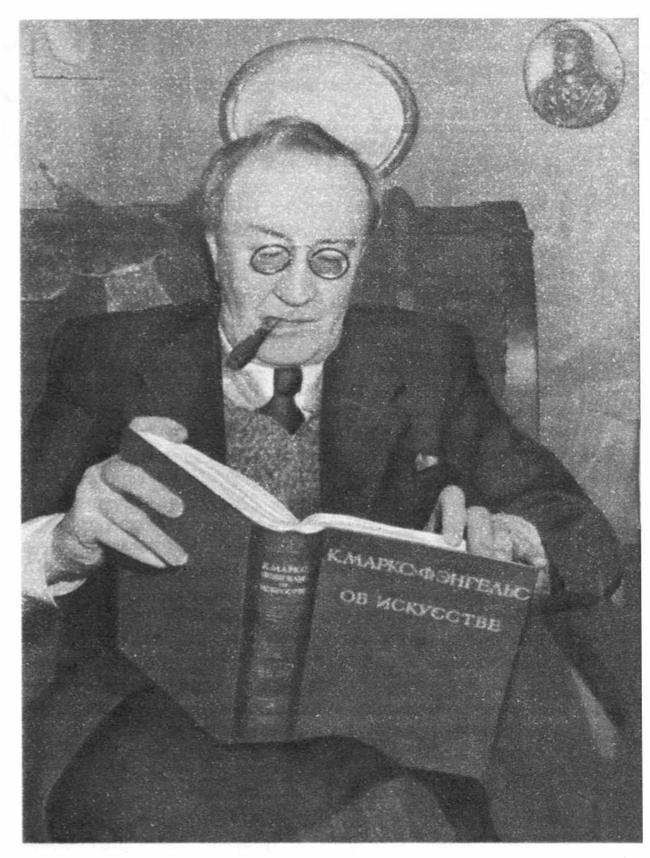
Единственными среди всех участников правительственных концертов, которые никогда не скучали в течение этих часов томительного ожидания, были артисты Государственного джаза СССР, в особенности бывшие цфасмановцы. В этих вольных людях, не прошедших, подобно всем прочим советским гражданам, строгой школы политического и дисциплинарного воспитания, не было и в помине ни подобострастного уважения, ни страха, смешанного с любопытством, перед таким событием, как концерт в присутствии самого Сталина. Цфасмановцы всегда привозили на правительственные концерты всякие игры — карты, домино, и, предъявив при входе в Большой театр свои паспорта и расписавшись на общем списке против своих фамилий, они торопились в отведенную для них комнату и сразу садились за игру.

Играли всегда на деньги и всегда по крупной. За те несколько часов, которые проходили в ожидании выхода на сцену, они успевали проигрывать или выигрывать несколько сот рублей. В домино и даже в шахматы играли тоже на деньги. Стучали костяшками, в азарте хлопали картами о стол, выкрикивали масти, ссорились, изрыгали замысловатые ругательства и мирились. Солидные певцы, хорошенькие балерины, известные драматические актеры приоткрывали дверь и долго удивленно смотрели сквозь клубы табачного дыма на необыкновенных людей, не обращавших, видимо, ни малейшего внимания на шедший рядом на сцене торжественный концерт, на котором им самим предстояло выступить, ни на Сталина, сидевшего в своей бронированной ложе и слушавшего этот концерт.

Незабываемый случай произошел в один из вечеров конца января 1939 года.

В Москву специальным поездом прибыли деятели искусств из Ленинграда, награжденные орденами. Утром им были вручены ордена, после чего они были приглашены на большой обед, устроенный в их честь Председателем Президиума Верховного Совета М. И. Калининым. Вечером же новые орденоносцы должны были слушать специальный концерт в присутствии членов Политбюро. Так как в эти дни производился ремонт Большого театра, то концерт, против обыкновения, должен был состояться в Художественном театре, где также была правительственная ложа. Назначили в этом концерте участвовать и нас — Государственный джаз СССР. Концерт был ограничен во времени, так как гости должны были отбыть обратно в Ленинград с поездом, отходящим в 12.30 ночи.

Помню, придя, как всегда, за час до начала, я увидел по подписям на листе, что большинство моих товарищей — артистов Государственного джаза — уже прошло в здание театра еще раньше меня. Не знаю, по каким причинам, но охрана за кулисами Художественного театра в тот вечер была заметно слабее, чем на обычных правительственных концертах. Может быть, потому, что ложа правительства здесь была более изолирована от всех других помещений. Может быть (и это вернее), потому, что, как оказалось впоследствии, Сталин так и не приехал на этот концерт, прислав вместо себя Молотова, Жданова и Ворошилова. Я был приятно удивлен, когда охрана, проверявшая документы, разрешила мне пойти в любую из свободных артистических уборных. Я выбрал одну из самых уединенных на верхнем этаже с тем, чтобы, не теряя времени даром, поупражняться хорошенько на скрипке. Конечно, предварительно я ознакомился с программой и узнал, что мы выступаем третьим номером второго отделения. Я мог спокойно заниматься в своей уборной, не боясь пропустить наше выступление, так как в каждой

На пути к Гамлету. Василий Иванович Качалов изучает первоисточники.

Фото Е. ЯВНО.

уборной было радио, по которому передавался концерт на сцене, и, таким образом, можно было легко следить за программой.

Прошло уже очень много времени. По характеру номеров можно было определить, что первое отделение близилось к концу. Вдруг неожиданно радиопередача концерта прервалась, и чей-то голос произнес в микрофон:

— Артисты Госджаза (голос назвал около десяти фамилий), где вы? Где вы? Немедленно явитесь на сцену к директору джаза товарищу Фадееву.

Голос умолк, и опять послышались звуки дуэта из известной оперетты и взрыв аплодисментов зрительного зала. Но не прошло и пяти минут, как передача опять прервалась и тот же голос, но уже более нервным тоном сказал:

— Кто знает, где находятся артисты Госджаза такие-то? Прошу немедленно заявить ведущему концерт.

Голос повторил эту фразу несколько раз. В недоумении взял я скрипку и пошел по коридорам и лестницам вниз на сцену. Только что начался антракт. В коридоре второго этажа, ведущем на сцену, и на самой сцене царила настоящая паника. Инспектор нашего джаза метался из стороны в сторону с выражением отчаяния на лице. Бледный директор, стремясь всеми силами сохранить хладнокровие, отдавал распоряжение дежурным пожарным — обыскать весь театр. Я спросил инспектора: в чем все-таки дело? Оказалось, несколько наших музыкантов, в том числе все самые ответственные солисты — первый саксофон, первая труба и первый тромбон,— куда-то исчезли. Прошли в здание театра они вовремя, даже раньше, чем полагалось. Об этом свидетельствовали их собственноручные подписи на листе. Но потом они словно провалились сквозь землю. Выйти из театра они не могли. Весь театр был оцеплен охраной. У каждой двери стояли посты НКВД, имевшие распоряжение никого не выпускать. Музыканты явно были где-то в театре. Но где? Уже антракт близился к концу, уже отзвучал второй звонок, когда пожарные возвратились, обыскав все театральные уборные и прочие помещения без малейшего успеха. Музыкантов не было. Наш директор, потеряв наконец самообладание, начал умолять ведущего концерт конферансье Гаркави задержать начало второго отделения.

— Хоть на пять минут! Пожалуйста! Они придут. Наверное, придут. Не может быть, чтобы не пришли.

— О чем вы просите, товарищ директор,— холодно говорил Гаркави.— Чтобы я задержал программу концерта, на котором присутствуют члены правительства? Да вы соображаете, о чем вы просите? Придите в себя и не разводите панику. Через одну минуту я даю занавес. Первым номером Качалов читает шекспировский монолог — всего шесть минут. После него Норцов поет два романса Чайковского — 5 минут. В вашем распоряжении 12 минут. Достаточный срок для того, чтобы найти ваших музыкантов.

На сцене Художественного театра устроен вращающийся круг — старинное приспособление для быстрой смены декораций. Сейчас на закулисной стороне круга стоял наш красивый голубой станок, поблескивая своими многочисленными никелированными трубками. Мы все сидели уже на наших местах с настроенными инструментами в руках и с ужасом смотрели на пустые стулья наших исчезнувших солистов. Что должно было случиться через несколько минут? Конечно, для наших руководителей, так же как и для отсутствовавших товарищей, это был неминуемый конец не только карьеры, но и жизни на свободе. Всему же джазу грозила немедленная ликвидация.

Прозвучал третий звонок. Зажглись огни на сцене. Занавес раздвинулся с легким шелестом. Качалов вышел на сцену и начал читать. Как бесконечно долго тянутся минуты. Все ближе надвигается катастрофа. Директор наш онемел от ужаса. Вот кончил читать Качалов. Аплодисменты. Пантелеймон Маркович Норцов, выхоленный, розовощекий, величественный, не торопясь идет на сцену. Он начинает романс Чайковского. Это один романс, потом еще одна совсем коротенькая ария из «Иоланты», и... конец.

Романс близился к концу, когда в коридоре, ведущем на сцену, послышался шум шагов многих людей и приглушенные голоса. Директор наш сорвался с места и выбежал навстречу. Какое невероятное облегчение испытали мы, когда наконец услышали сердитый голос нашего первого саксофониста Ланцмана:

— Я тебе говорил, надо было с туза червей ходить. А ты, дурак, выбросил козыри. Из-за тебя я игру потерял!

— Сам прошляпил, а на других сваливаешь,— возражал другой знакомый голос.— Ну, и нахальство!

— Товарищи,— послышалось громкое шипение нашего директора.— Вы с ума сошли! Что вы делаете! Марш бегом на ваши места!

— Ничего, ничего,— сказал Ланцман.— Торопиться некуда. Без нас не начнут. И так не дали пульку доиграть. Не волнуйтесь, товарищ директор. Это вредно для здоровья!

Оказывается, приятели забрались в самый укромный уголок трюма, где никто не мог помешать им, и спокойно играли в карты. Радио они прекрасно слышали, но не хотели прерывать игру и утруждать себя откликом на отчаянные призывы. Время рассчитали они, что называется, в самый обрез и появились на сцене за минуту до выхода. А через полминуты на всех без исключения никелированных стульях нашего голубого станка торжественно восседали фигуры во фраках с блестящими инструментами в руках. И вертящийся круг сцены Художественного театра двинулся и, негромко грохоча, вывез нас на ярко освещенную сцену. И когда через мгновение наши глаза привыкли к ослепительным огням рампы, мы увидели в зале нарядную публику с орденами, а в ложе, справа от нас,— знакомые упитанные физиономии членов Политбюро. И мы подняли наши инструменты и начали играть...

* * *

Второй тип правительственного концерта — концерт в Большом Кремлевском дворце — описан мною в предыдущей главе. Конечно, охрана на этих концертах была неизмеримо строже, нежели на концертах в Большом театре. Концерты в Кремле обычно являлись частью программы грандиозных дворцовых приемов и банкетов для многочисленных и разнообразных гостей Сталина. Но кто бы ни был в числе этих гостей — награжденные орденами колхозники из Средней Азии, дипломатические миссии иностранных государств, летчики, отличившиеся в Испании, Китае или Финляндии, ученые и инженеры, сконструировавшие новые самолеты и пушки,— всегда и неизменно среди сталинских гостей присутствовали видные деятели искусства. Это были главным образом артисты лучших театров Москвы — Большого, Малого, Художественного и Вахтанговского.

Уже к середине тридцатых годов у Сталина вошло в обычай для придания большего блеска своим приемам приглашать на них актеров и актрис, следуя в этом отношении примеру добрых старых просвещенных монархов. Действительно, эти хорошо выглядящие, нарядно одетые, остроумные и общительные люди придавали всей атмосфере кремлевских вечеров характер непринужденный, иногда даже почти веселый, сглаживая натянутость и напряженность обстановки, для каковых было, конечно, достаточно причин. И гости Большого Кремлевского дворца всегда испытывали одновременно несколько разнообразных ощущений: тут было и потрясение от созерцания настоящего живого Сталина, и восхищение от встреч со знаменитыми актерами и красивыми актрисами и балеринами, одетыми в вечерние платья, в мехах и бриллиантах.

В именных, отпечатанных в типографии приглашениях на эти сталинские банкеты всегда указывалась и форма одежды. На банкеты в Кремлевский дворец мужчинам всегда надлежало являться в темных костюмах. Никогда ни во фраках, ни в смокингах. На официальных вечерах в отдельных министерствах (не в Кремле), например, в Министерстве обороны или иностранных дел, предписывалось надевать обязательно «фрак или черный пиджак».

Интересно, что сталинские придворные гости очень редко приглашались с женами (или с мужьями). Я вообще не могу вспомнить такого случая, чтобы какого-нибудь нашего вахтанговского актера пригласили на вечер в Кремль с женой. Исключения делались в тех случаях (и то не всегда), когда и муж, и жена были одинаково знамениты. Например, артисты Художественного театра Иван Москвин и Алла Тарасова приглашались часто вместе. Это невнимание к семейным узам вообще составляло всегда одну из отличительных особенностей всего уклада жизни Советского Союза и шло, без сомнения, «сверху» — от самих вождей. Не только гости бывали без своих законных половин на кремлевских приемах, но и сами хозяева бывали всегда на холостом положении. Никогда никто из нас не видал, чтобы члены Политбюро бывали вместе со своими женами — будь то в театрах, на банкетах или на официальных вечерах. И никто из нас даже не знал, кто из них был вообще женат и на ком именно.

На приемах в Большом Кремлевском дворце Сталин часто подходил к актерам и актрисам и разговаривал с ними. Обычно это был взаимный обмен приветствиями и несколько незначительных фраз. Но иногда происходили и более серьезные разговоры. Так, в начале 1941 года в кругах людей искусства Москвы большое впечатление произвел разговор Сталина с меццо-сопрано Большого театра Давыдовой, имевший место на новогоднем банкете.

Уже было позже 12 часов, и вечер был в полном разгаре, когда Сталин не спеша, своей немножко развалистой походкой подошел к Давыдовой — высокой, эффектной женщине, в сильно открытом серебряном платье, с драгоценностями на шее и на руках, с дорогим палантином из черно-бурых лисиц, наброшенным на плечи. Великий вождь, одетый в свой неизменный скромный френч защитного цвета и сапоги, некоторое время молча смотрел на молодую женщину, покуривая свою трубочку. Потом он вынул трубку изо рта.

— Зачем вы так пышно одеваетесь? К чему все это? — спросил он, указывая трубкой на жемчужное ожерелье и на браслеты Давыдовой.— Неужели вам не кажется безвкусным ваше платье? Вам надо быть скромнее. Надо меньше думать о платьях и больше работать над собой, над вашим голосом. Берите пример вот с нее... — Он показал на проходившую мимо свою любимицу — сопрано Большого театра Наталью Шпиллер. Шпиллер была настоящей красавицей, идеальным воплощением образа Анны Карениной: высокая, статная, с правильными чертами лица, исполненными своеобразного очарования, свойственного красивым русским женщинам. При всем аристократизме ее манер, одевалась она с нарочитой скромностью, носила всегда закрытые платья темных цветов, не надевала драгоценности, почти не употребляла косметики.

— Вот она не думает о своих туалетах так много, как вы, а думает о своем искусстве...— продолжал Сталин.— И какие она сделала большие успехи. Как хорошо стала петь...

Обе дамы стояли молча и слушали вождя. Что они могли сказать в ответ? Рассказывали, что Давыдова едва сдержалась, чтобы не разрыдаться. И было от чего!

О концертах третьего типа — интимных вечерах на квартирах членов Политбюро в Кремле — разговаривать было не принято. До середины тридцатых годов такие вечера в честь какого-нибудь одного из вождей устраивались иногда на квартирах известных актеров. Одним из этих вечеров был банкет для маршала Ворошилова, устроенный вахтанговцами в 1935 году. Вскоре после этого членам Политбюро было запрещено ездить в гости к актерам. Вместо этого актеров стали приглашать в Кремль на квартиры членов Политбюро. Вернее, не актеров, а актрис. Часто их будили среди ночи телефонными звонками и просили быть готовыми через несколько минут. Просили или приказывали? И через несколько минут подъезжал большой закрытый автомобиль с кремлевским номером и увозил известную всей стране балерину или певицу, едва успевшую надеть платье, набросить шубку и напудрить заспанное лицо.

Наталью Шпиллер — жену лучшего виолончелиста Москвы Святослава Кнушевицкого — часто вызывали на эти ночные концерты. О своем дебюте на них она кое-что рассказывала. Рассказывала, как ее ввели в 4 часа утра в комнату одной из кремлевских квартир, где находилось несколько членов Политбюро — как всегда, без своих прекрасных половин. Некоторые из них были настолько пьяны, что не могли уже ни двигаться, ни разговаривать. Другие были весьма навеселе, но исполнены бодрости и энергии. Они-то и вызвали Шпиллер специально для того, чтобы она спела им несколько русских народных песен. По ее словам, все не совсем пьяные вожди были с ней исключительно милы и любезны. О Сталине она не упоминала. Было уже светло, когда ее привезли домой...

Первые концерты, которые устраивались в конце двадцатых и в начале тридцатых годов в Большом театре для официальных правительственных собраний, были обычными концертами с разнообразной программой из музыкальных, вокальных и балетных номеров самого лучшего качества. Постепенно из этих программ отсеивалось все то, что не нравилось Сталину или что оставляло его равнодушным. И все номера, вызывавшие его особенное одобрение, начинали включаться постоянно во все концерты.

Уже к 1934—1935 годам вполне определился музыкальный вкус Сталина. И, как результат этого, определилась музыкальная политика Советского правительства. Анализ сталинских музыкальных вкусов дает картину поразительного и полного соответствия с официальной музыкальной доктриной Советской власти, носящей столь объективную маску «социалистического реализма в музыке». Доктрина эта обоснована политически, философски и исторически. Сотни глубокомысленных статей и книг написаны на эту тему, придуманы эстетические теории, проведены исторические изыскания, введена точная терминология. Тут и «формализм», и «космополитизм», и «демократизация искусства», и «декаденты» и т. п.

А на деле все это сводится к тому, что любит Сталин и чего он не переносит. Какая музыка доставляет ему удовольствие и какая действует на него, «как бормашина зубного врача или музыкальная душегубка» (по выражению Жданова).

Правительственные концерты как в Большом театре, так и в Кремле представляют собой грандиозный музыкально-балетный винегрет, в котором редко принимает участие меньше 400—500 артистов и музыкантов. Как те, так и другие за участие в этих

Кремлевские Гарун аль-Рашиды.

концертах ничего не получают. Они выступают всегда бесплатно, и я сомневаюсь, что когда-нибудь кто-нибудь отказался от этого рода благотворительной деятельности.

Концерт в Большом театре обычно начинается исполнением небольшого музыкального сочинения. Оркестр Большого театра или Государственный симфонический оркестр под руководством одного из лучших советских дирижеров играет или увертюру, или отрывок из какой-нибудь оперы русских композиторов, чаще всего из опер Глинки и Римского-Корсакова, реже — Чайковского. В особенно торжественных случаях оркестр вместе с хором исполняет одну из бесчисленных «песен о Сталине».

Иногда выступление оркестра заменяется огромным ансамблем из студентов и преподавателей Московской консерватории. Ансамбли эти (в количестве не менее 30 музыкантов) играют две небольшие пьесы в унисон с аккомпанементом рояля. Один раз (в ноябре 1938 года) кому-то в главном музыкальном управлении пришла в голову не лишенная оригинальности идея продемонстрировать Сталину десять струнных квартетов, играющих в унисон. Квартеты уже несколько раз репетировали две короткие вещички армянского композитора Комитаса, но в последний момент какой-то здравомыслящий чиновник отменил это странное выступление.

Однако и оркестры, и унисонные ансамбли-монстры выступают только на правительственных концертах в Большом театре. В Кремль их никогда не приглашают. Даже Симфонический оркестр СССР, официально именующийся «правительственным», за все время до войны не принял ни разу участия в концертах в Большом Кремлевском дворце. Эти последние концерты иногда начинаются выступлением одного из выдающихся советских музыкантов-солистов — Давида Ойстраха или Эмиля Гилельса, которые играют две очень маленькие технические пьесы, обычно в танцевальной форме. В большинстве же случаев кремлевские программы обходятся без этого вступления и сразу приступают к делу. Основные номера этих концертов составляют выступления разных известных советских ансамблей, в первую очередь Ансамбля песни и пляски Красной Армии, Русского народного хора имени Пятницкого и Ансамбля народного танца СССР под руководством Игоря Моисеева. Эти ансамбли занимают большую часть во всей концертной программе и всегда доставляют Сталину искреннее удовольствие.

Можно вообще с полной достоверностью утверждать, что пристрастие Сталина к народным песням и танцам к концу тридцатых годов приняло форму сильного увлечения, а Ансамбль Красной Армии стал его главным фаворитом. Этот ансамбль все увеличивался и увеличивался в размерах, прямо пропорционально возраставшим сталинским симпатиям к нему, пока наконец не перевалил за 200 человек. И когда эти две сотни здоровых молодцов в полной военной форме выходили на сцену, то они производили впечатление внушительного войскового соединения, с той только разницей, что вместо винтовок и пулеметов в руках у них были балалайки и гармошки.

Ни один из концертов в Кремле не обходился без певцов и балетных артистов из Большого театра. Певцы и певицы — Михайлов, Рейзен, Пирогов, Козловский, Лемешев, Шпиллер, Кругликова, Давыдова, Максакова и др.— обычно пели арии из русских и популярных иностранных опер, а также, неизменно, народные песни и новые песни советских композиторов. Балерины и их партнеры гораздо чаще танцевали характерные танцы, нежели классические.

С конца 1938 года в программы стали включать также и цирковые номера очень хорошего качества — жонглеров и акробатов. Я никогда не замечал, чтобы среди них были фокусники и клоуны. Очевидно, Сталин не любит фокусников и клоунов.

Сталин слушает концерты очень внимательно. Если выступление артиста ему понравилось, он приветливо улыбается и долго демонстративно аплодирует. Иногда он продолжает аплодировать даже после того, как все другие слушатели уже замолчали.

Если номер ему не понравился, Сталин обычно отворачивается от сцены и начинает разговаривать с соседями. Для выступающего артиста такая реакция вождя всегда ведет к реальным печальным последствиям, часто — к концу артистической карьеры (как это произошло с Ниной Донской).

Однако такие случаи бывают сравнительно редко. Люди из Комитета по делам искусств, организующие кремлевские концерты, хорошо знают сталинские вкусы и почти всегда действуют без излишнего риска. Довольный Сталин бывает обычно очень щедр к угодившим ему артистам и не жалеет для них наград. Часто какой-нибудь певец после концерта в Кремле одним махом взлетает на самую вершину советского Олимпа. Так было, например, с Иваном Козловским.

Превосходный тенор Козловский был известен на всю Москву своим заносчивым, неуживчивым характером и пренебрежением к правилам самой элементарной дисциплины. В 1939 году чаша терпения дирекции Большого театра переполнилась, и после какого-то серьезного проступка Козловского уволили. Как-то через год после этого в Кремле изъявили желание послушать строптивого тенора. Конечно, Козловского немедленно разыскали и привезли. Он был в ударе в тот вечер и пел действительно очень хорошо. Особенно понравилась Сталину «Песенка герцога» из «Риголетто».

— Повторите, пожалуйста, еще раз...— сказал Сталин.

Козловский показал рукой на горло. Вероятно, ему было тяжело вытянуть два раза подряд знаменитое заключительное фермато. Но Сталин очертил пальцем на левой стороне своей груди кружок, и Козловский, поняв знак, спел еще раз: «Сердце красавицы склонно к измене...»

Через несколько дней то «сердце красавицы» принесло ему орден Ленина (высший орден), звание народного артиста Советского Союза (высшее звание) и торжественное возвращение в Большой театр на небывалых условиях.

Однажды два танцора из ансамбля Игоря Моисеева проплясали перед Сталиным танец под названием «Подмосковная лирика». Танец так понравился, что получили ордена не только оба танцора, но и аккомпанировавший им гармонист. Этот же самый орден «Знак Почета» Ойстрах получил после того, как завоевал первый приз на Международном конкурсе скрипачей имени Изаи в Брюсселе.

Александров — руководитель Ансамбля песни и пляски Красной Армии — имел все ордена и все почетные звания, какие только существуют в Советском Союзе.

Если проанализировать программы правительственных концертов в Большом театре и в Кремле, то легко можно установить музыкальные вкусы Сталина.

Сталин любит оперу. Оперные спектакли слушает он всегда в Большом театре, отрывки из опер — на каждом своем концерте. Он предпочитает дореволюционные оперы — Чайковского, Римского-Корсакова, Глинки, Мусоргского и Бородина, а также известные оперы западных композиторов девятнадцатого столетия — «Кармен», «Фауст», «Аида». Самая его любимая опера — это «Пиковая дама» Чайковского. Слушает он иногда и новые оперы советских композиторов. «Тихий Дон» Ивана Дзержинского ему понравился, а «Леди Макбет Мценского уезда» Шостаковича и «Великая дружба» Вано Мурадели не понравились. Последствия этих трех случаев были велики для русского музыкального искусства.

Особенно любит Сталин народные песни — в первую очередь русские, украинские и свои родные — грузинские. Фольклор в чистом виде не считает он за низший род музыкального искусства и не признает разницы между ним и европейской музыкальной культурой.

Нравится ему и балет. Но здесь он классическому танцу предпочитает танцы характерные и национальные. Танцевальный фольклор в чистом виде признает он за высший род балетного искусства.

Высшим родом музыки считает он музыку вокальную. Это его мнение нашло свое полное выражение в музыкальной политике Советского правительства и теоретически обосновано в постановлении ЦК от 10 февраля 1948 года.

Сталин не любит инструментальную музыку вообще. И совсем не переносит музыку симфоническую и камерную. Не жалует он длинных сочинений для сольных инструментов — сонаты, концерты. Это как раз и есть формы музыки, разоблаченные в постановлении ЦК как антидемократические.

Терпеть не может Сталин современную модернистскую музыку во всех ее формах без исключения — как в инструментальных, так и в вокальных. Но и простые популярные виды музыки любит он далеко не все. Так, например, всю современную популярную музыку Запада ненавидит он лютой ненавистью. Ненавидит венскую оперетту, американский джаз, французские песенки, аргентинские танго.

Музыкальные вкусы Сталина — это вполне нормальные вкусы среднего человека, не очень искушенного в музыкальном искусстве. И ничего, конечно, нет плохого в том, что он любит народные песни и оперу предпочитает симфонии. Плохим оказалось только то, что эти музыкальные вкусы диктатора облеклись в форму тоталитарной музыкальной политики, в форму беспощадного полицейского террора в области музыкального творчества. И вот в такой форме эти средние, безобидные, обывательские вкусы и оказались роковыми для музыкальной культуры России.

Эта культура к началу нашего столетия достигла высших степеней достижений музыкального творческого гения. И трагедией оказалось то, что человеку, не понимающему разницы между частушкой и симфонией, выпало на долю направлять ход и решать судьбы этой великой музыкальной культуры.

ТРИУМФЫ ПАСЫНКА СУДЬБЫ

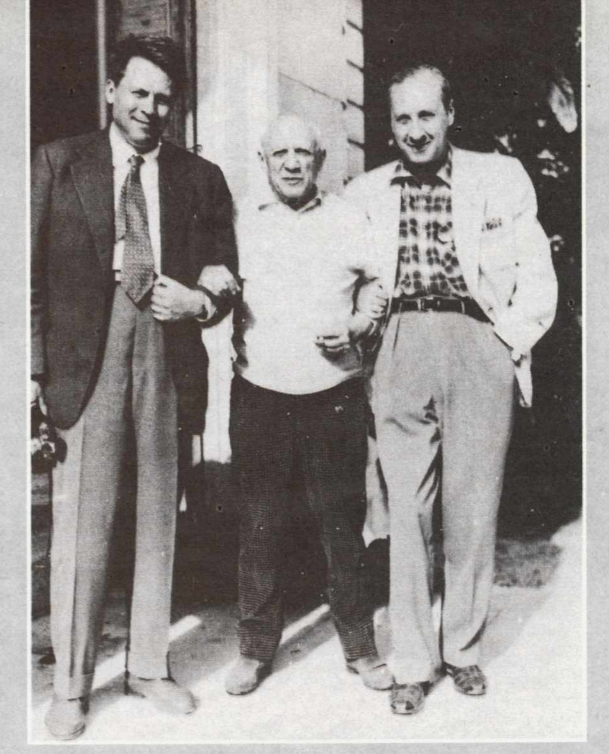
Сергей Урусевский был и баловнем судьбы, и ее пасынком. Баловнем — потому что природа щедро одарила его талантом, обаянием, чувством прекрасного. Потому что остался в живых, пройдя через войну, притом там, где шансов выжить было совсем немного. Потому что успел так ярко выразить себя и в кинематографе, где имя его стало вершиной операторского мастерства, и в живописи. Ему выпало пережить мгновения прекрасных триумфов, самый славный из которых — блистательная победа фильма «Летят журавли» в Канне 1958 года, где, помимо «Золотой пальмовой ветви» (больше наш игровой кинематограф такой награды никогда не удостаивался), Урусевскому как оператору был вручен Гран-при Высшей технической комиссии Франции.

Пасынком — потому что полной чашей испил непризнание, непонимание, отлучение от любимой работы, журнальную хулу и начальственный окрик («все-то вы, Урусевский, снимаете не как все»), потому что не смог воплотить дорогие для себя замыслы, а иные из тех, что воплотил,— не так, как мог бы: с уступками, вынужденными компромиссами, приглушая себя до полушепота там, где хотелось кричать. Вспомним хотя бы «Бег иноходца» по «Прощай, Гульсары» Айтматова — из двух написанных серий сценария снять позволили только одну... А вот в живописи Урусевский мог быть до конца собой — тут ты сам себе заказчик и худсовет. Впрочем, по большей части, и сам себе зритель.

Какая из профессий была для Урусевского важнее — оператора или живописца? Вопрос праздный, перед Урусевским такой дилеммы не стояло: он был художником во всем, к чему прикасался. Учился графике во ВХУТЕИНе, увлекся фотографией, своими руками смастерил фотоаппарат (купить было не по карману), гордо назвав его «УРУ-2», в качестве курсовой работы в институте выбрал фотосерию о жизни деревни (эта сторона творчества Урусевского почти неизвестна, а жаль!). Потом пробивался в кино, одержимо, упрямо, не представляя себе иного пути. Мудрый учитель Урусевского — Владимир Андреевич Фаворский — не только не удерживал его от сомнительного поприща (и десятилетия спустя есть у искусствоведов такая легенда: Грабарь согласился открыть в Институте истории искусств сектор кино только под честное слово Эйзенштейна, что кино — это искусство), но сам же снабдил рекомендательным письмом к Пудовкину, в группе которого Урусевский и начал свой кинематографический путь в скромном качестве помощника оператора.

Надо было не просто любить кино, но еще и одержимо в него верить, чтобы с дипломом художественного вуза (не просто с дипломом — с талантом художника, доказанным работами) таскать за оператором треногу, ожидая лучших времен. Урусевский дождался их, стал оператором. Первый большой успех — «Сельская учительница» Марка Донского. Хвалебные рецензии, высочайшее одобрение, честно заработанная награда — Сталинская премия. Следом за тем еще одна картина, вновь сделанная с Донским,— «Алитет уходит в горы». Высочайшее неодобрение (бессмысленно после этого ждать каких-то иных мнений, хотя, даже по искаженному, изрезанному, чуть не наполовину переснятому варианту, выпущенному в прокат, видно, как талантливы мастера, сделавшие фильм) — и режиссера ссылают на исправление в Киев. К Урусевскому судьба милостивее — он взят на «Мосфильм», вместе с Райзманом снимает «Кавалер Золотой Звезды». Как относиться к успеху этой картины, к полученной за нее Сталинской премии? Что это, еще один взлет судьбы?

Сегодня «Кавалер Золотой Звезды» — и фильм,

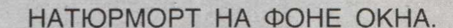

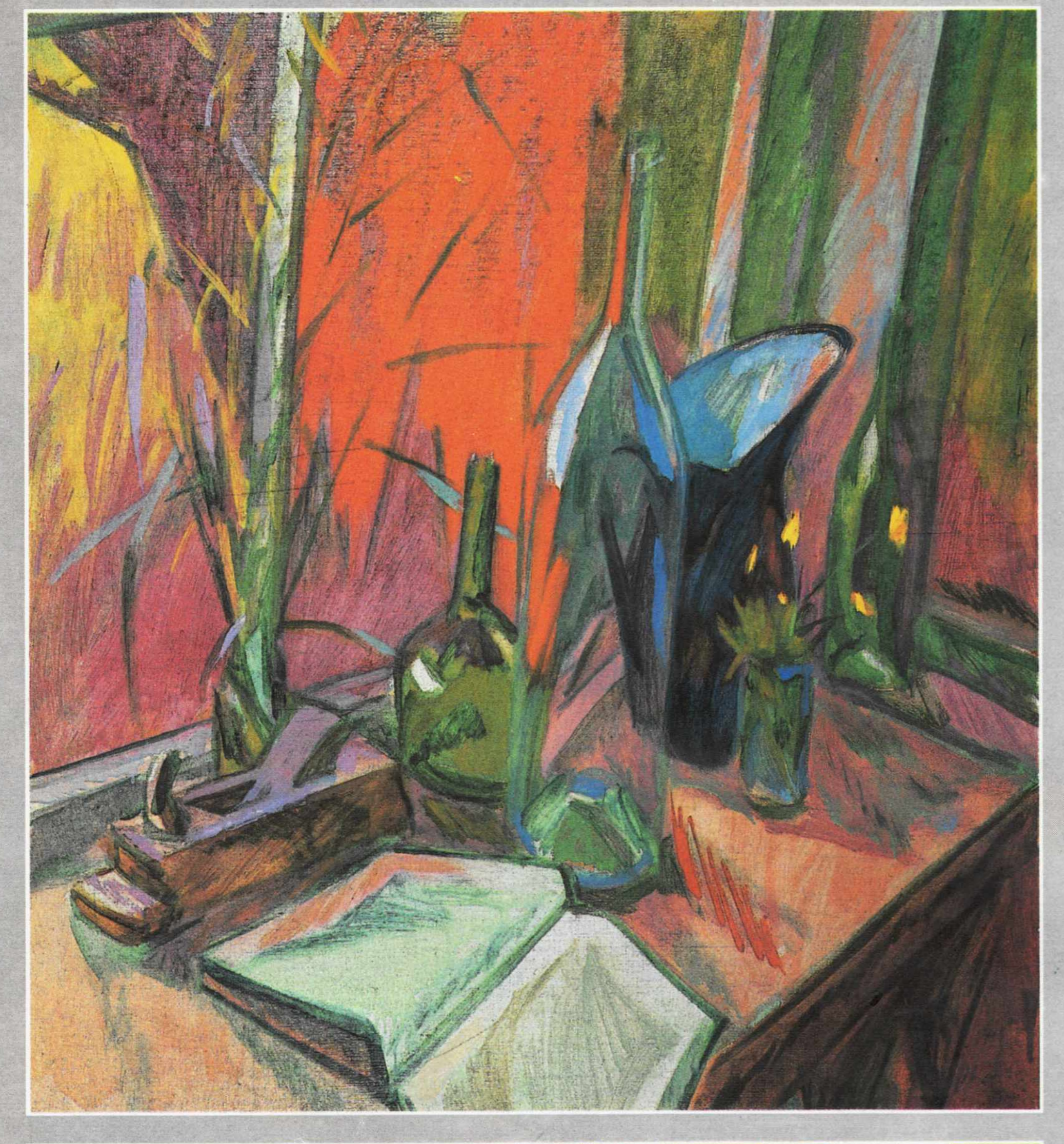
С. Урусевский, П. Пикассо и С. Юткевич. 1958.

и книга — синоним лжи, лакировки, конъюнктурного приспособленчества, прославления сталинского культа. Стоит ли вспоминать об этой, отнюдь не лучшей работе художника, когда в биографии его столько иных,— взламывавших обездушенные каноны сталинского соцреализма, утверждавших человека, его любовь, его чувства как величайшую в мире ценность: появление «Журавлей» вызвало не меньше негодований, чем восторгов; «Неотправленному письму» достались по преимуществу обвинения в «сгущении красок» и «жертвенности», да и «Сорок первый» ох как был подозрителен своим «абстрактным гуманизмом». Даже в половинчатых фильмах, несших на себе все следы вынужденных компромиссов начала пятидесятых — «Возвращении Василия Бортникова» и «Уроке жизни»,— было слишком много того, что не вписывалось в теории «борьбы хорошего с еще более лучшим»: в экранном очеловечивании сценарных схем была немалая заслуга Урусевского не только как профессионала-оператора, но просто как человека, обостренно чувствительного к фальши. Так стоит ли винить художника за то, что он оказался не впереди своего времени, а лишь на уровне его?

Разве только желанием подстроиться под установки времени объяснимы печальные киноуродцы производства конца сороковых — начала пятидесятых? Вот любопытный фрагмент из неоконченной статьи Урусевского об использовании операторских дымов (она, как и многие другие прежде неизвестные мате-

МАСТЕРСКАЯ НА ДАЧЕ.

НАТЮРМОРТ НА ФОНЕ ОКНА.

НАТЮРМОРТ У ОКНА.

риалы, ждет и неизвестно сколько еще будет ждать своей публикации в давно уже подготовленном для издательства «Искусство» сборнике творческого наследия Урусевского):

«Кадр, заполненный до горизонта работающими людьми, до включения в работу пиротехники производил удручающее впечатление. Мало того, что совершенно не читалось черное на черном и не было никакой глубины кадра,— вся масса людей пропадала и скорее напоминала копошащихся червей, чем активных строителей коммунизма. Зрительно возникала картина концентрационного лагеря с подневольным трудом».

Не правда ли, любопытное признание? Строительство электростанции, воссозданное на площадке в соответствии с романом, обретя плоть реальности, перестало быть святочной абстракцией и обнаружило то, чем на самом деле было. Реальности этой Урусевский не хотел и не мог поверить. Установка на показ творческого труда «активных строителей» заставила его, обратившись к богатому арсеналу живописной культуры, которым мало кто из его кинематографических коллег владел столь же виртуозно и мастерски, искать и найти образ, с действительной жизнью не сопрягавшийся...

Встречаясь с Урусевским на съемках его последних фильмов, я не раз слышал от него слова: «Ври как можно больше во имя правды» — правило, которому он следовал в искусстве. Он не боялся «врать», гиперболизировать, доводить до пика эмоций экранное действие, бросать героев из промозглой осени в цветущую весну (никто не поставил ему в упрек этого «вранья» в «Неотправленном письме», да вообще его не заметил), вспенивать валы Арала так, как не только в нынешние времена, но от века быть не могло (достигалось это использованием анаморфотных линз, применяемых для съемки широкоэкранных фильмов,— на обычном экране они давали эффект поражающий), проваливать диск солнца за облака в немыслимую рушащуюся бездну (еще один пример неожиданного, прежде никем не использованного технического приема — трансфокаторный «отъезд» от того, от чего и отъехать-то невозможно), накалять температуру экрана до ожога, до потрясения...

Было ли что-то подобное в «Кавалере Золотой Звезды»? Нет, конечно, хотя по уровню мастерства фильм заметно выделялся среди других, созданных в то же время. Как ни захваливали его газеты, верить ему было нельзя: это было вранье уже без кавычек.

Почему такой фильм мог появиться в его биографии? Из-за желания успеха любой ценой? Из меркантильных житейских соображений? Нет, циником Урусевский никогда не был, жаждой жизненных благ не изнежен (вернувшись с фронта, вообще жил на киностудии в операторской кабине, уходя по праздникам, когда помещение опечатывалось, ночевать к знакомым), и в жизни, и в искусстве был открыт, честен, даже наивен, иногда совершенно по-детски, снимать умел только то, во что верил, или хотя бы во что хотел поверить. Значит, хотел поверить. Почему?

Разбираться в этом нужно не только затем, чтобы понять Урусевского,— чтобы понять самих себя. Почему с такой готовностью мы устремляемся к абстракциям, не желая замечать вопиющей реальности, почему предпочитаем зрению умозрение? В этом, как видно, и сила, и слабость нашего разума, и вообще искусства, и таланта Урусевского в частности. Там, где его «вранье» вырастало из правды жизни, как то было, допустим, в «Журавлях», его искусство достигало вершин; там, где вопреки ей,— виртуозность мастерства не могла спрятать холода, надсадности, пустоты.

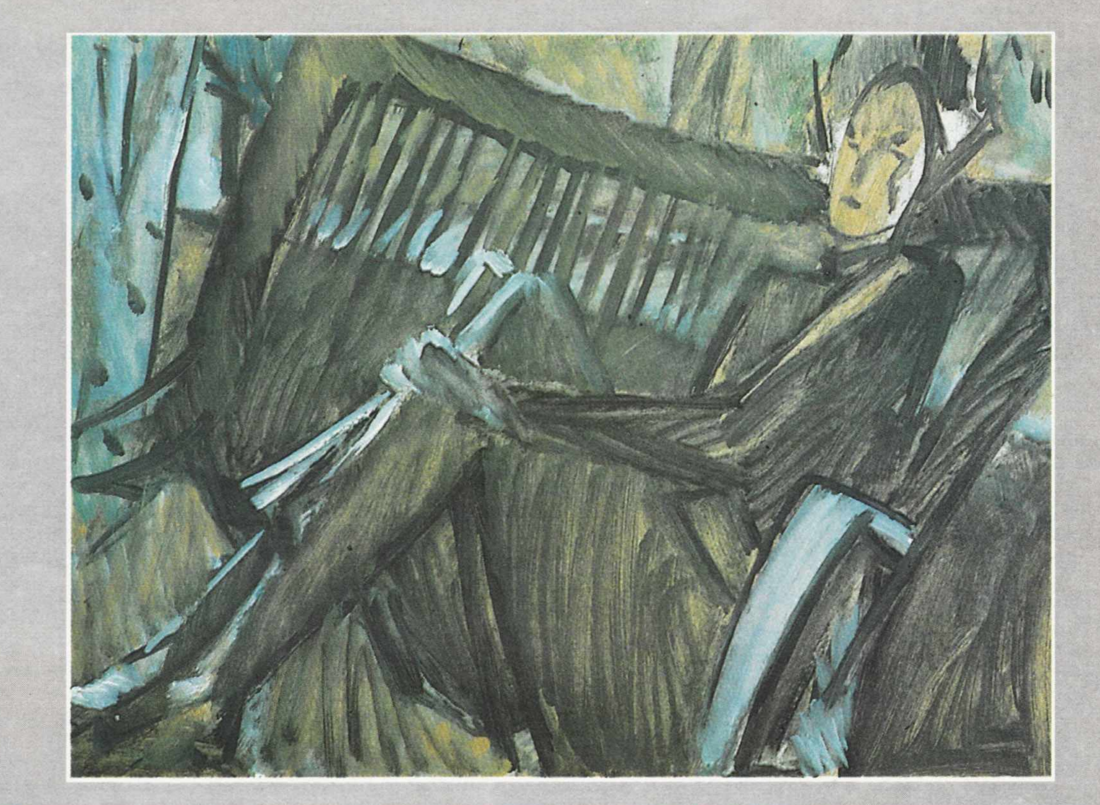
Ну а живопись Урусевского? Что она — «вранье» или «правда»? «Вранье» — потому что здесь тоже нет буквалистского следования реальности, цвет оглушает яркостью, чистотой, контрастностью сочетаний, формы замечательны своей остротой, скульптурной четкостью, пространство — внутренней динамикой. Тот же романтически-одухотворенный взгляд на мир, то же вечное изумление перед его бесконеч-

ной красотой, что и в лучших кинематографических работах.

Свои полотна он писал в периоды простоев между фильмами. Простои становились все дольше, времени для живописи, к которой впервые обратился в конце пятидесятых (в тридцатые он работал в графике), все больше. По датировке картин в каталоге (последняя выставка работ Урусевского состоялась в Доме художника в 1984 году) нетрудно сразу же угадать, в каком году он снимал, в каком — снимать не давали.

Может, и впрямь стоит поблагодарить кинематографическое руководство тех самодовольных, равнодушных к таланту лет за длительные творческие отпуска, давшие возможность Урусевскому столь ярко состояться как живописцу? Можно было бы, если бы своими глазами не видел, как мучили Урусевского эти перерывы. Как хотел он снимать! Как оскорбленно пореживал невозможность работать! К счастью, была живопись, которая тоже была любимым делом. Она не давала вкрасться в его жизнь пустоте...

Александр ЛИПКОВ

НА ПЛЕТЕНОМ ДИВАНЕ.

ОБНАЖЕННАЯ НА СИНЕЙ ТКАНИ.

Среди имен западных оперных «звезд» сегодня мы слышим и русское — Наталия Троицкая. Слышим почти что впервые. Родилась и училась она в Москве. Но в отличие от ряда крупнейших представителей нашей культуры, вынужденных продолжить свою деятельность на Западе, она там и начинала. Уехав в безвестности, она добилась всего, чего может ожидать оперный артист: ее приглашают петь центральные партии в более чем 20 операх на самые престижные сцены мира — «Ла Скала» и Арена ди Верона, Венская Опера и Ковент-Гарден, Гамбургская и Баварская Оперы. Три крупнейших тенора — Паваротти, Доминго и Каррерас — ее постоянные партнеры, как, впрочем, и другие выдающиеся певцы и музыканты. В прошлом году состоялся ее дебют на сцене Большого театра, но лишь как гастролера — с труппой театра «Ла Скала». Первое персональное приглашение из Советского Союза она получила недавно: выступить в концерте, которым, в нарушение традиций, Большой театр решил открыть свой нынешний сезон. Она вышла на сцену и первым номером программы исполнила арию Аиды «Вернись победителем!..».

Фото
Сергея **АНДРЕЕЩЕВА**

Александр ФИРЕР

ПРИМАДОННА

— Видя вас на сцене и вне ее, можно ли представить, что такова типичная западная оперная «звезда»?

— Театр сегодня демократичен, и мифических примадонн в нем нет. «Звезды» первой величины — это общительные и симпатичные люди. Но есть реклама, паблисити, которые доводят популярность певцов до максимальных степеней, тогда человек уже сам себе не принадлежит. И в целом ряде ситуаций оперная певица должна подавать себя, как примадонна. Западная публика любит видеть ее экстравагантной, ведущей светские беседы, встречающейся с известными людьми. Мы не только певцы, но и актеры. Спектакль не заканчивается с последними звуками оркестра — еще есть автографы, потом восторженные поклонники провожают тебя до отеля. Но маской примадонны я пользуюсь редко и думаю о себе в таких высоких категориях, лишь когда начинаю себя жалеть: «Зачем мне все это надо?» Но от имиджа примадонны, как это ни парадоксально, многое зависит: появляется возможность интересных гастролей, высоких гонораров.

— Быть «звездой» не цель, а средство?

— По крайней мере эйфории по этому поводу я не испытываю. Есть, конечно, такие певцы, для которых главное — сфотографироваться с королями или кронпринцами. Но их мало. Основная наша забота — о состоянии голосового аппарата, ведь наша жизнь зависит только от двух маленьких связок. Необходимо быть в максимальной творческой форме, стараться не простудиться. Слушать. Заниматься. Старое не забывать, но все время учить новое. Мы живем в состоянии постоянного стресса: никто вас не пригласит второй раз, если вы плохо спели. Если в Большой театр нельзя попасть без протекции, то в западном мире протекция может помочь максимум один-два раза. Но если ты не понравился — будь твой папа даже министр или президент,— тебя больше не пригласят. Это закон.

— И всегда имеют возможность пригласить кого-нибудь другого — есть такой постоянный риск?

— Да, удержаться сложно. Необходимо быть одним из лучших в ведущих театрах мира. Публика от тебя постоянно ждет чего-то чрезвычайного, а ты ведь обычный живой человек, которому свойственны и достоинства, и недостатки, которыми Господь Бог наделил и других. Я никогда не думаю о конкуренции, иначе пропадешь как певица. Если все время думать, кто, что и где поет, то можно сойти с ума. Секрет феноменальной карьеры Миреллы Френи — ее интерес только к карьере Френи. По-моему, настоящего соперничества нет — ведь каждый певец имеет свой репертуар, свою публику, свои театры.

— А какие театры ваши?

— Я выступала по всему миру, кроме «Метрополитен опера». До тех пор пока наши не вывели войска из Афганистана, американцы бойкотировали советских артистов, а я ведь остаюсь советской подданной. С Венским оперным театром меня связывает большая любовь, я много пою там. А вообще я не являюсь постоянной солисткой какого-то театра. Заключи я долговременный контракт с прекрасной, например, Венской Оперой, я потеряю свою независимость выбора. А в «Ла Скала», например, просто никто никогда ничего не знает, и планировать трудно — итальянцы есть итальянцы. Они говорят: завтра, завтра. У меня был контракт на «Черевички» Чайковского с Ростроповичем, но не оказалось денег на новую постановку, и они заменили ее на «Адриенну Лекуврер», правда, к моему величайшему удовольствию.

— Интересно, западный оперный певец — чаще свободный художник или бизнесмен?

— Опера — тоже бизнес, и у этого бизнеса свои законы.

— А это не мешает?

— Меня стеснял только эксклюзивный контракт, когда менеджер и секретарь один, и он решает, записываться ли тебе на пластинки, где петь и что. Это связывает, но на первых порах очень хорошо, если попадешь к хорошему менеджеру. Им был для меня Карлос Кабалье. Сейчас я работаю со многими, в том числе и с ним. Он многое объяснил мне о деловой стороне нашей жизни на Западе. Так что сейчас я и сама могу быть менеджером, вполне усвоила эту науку.

— Уже традицией стало спрашивать о заработке. Богаты вы?

— В Америке на это отвечают так: нельзя быть слишком богатым и слишком худым. На Западе это табу — никто никого не спрашивает о заработках. Я же могу жить так, чтобы себе не отказывать в том, что люблю.

— А возможно ли ни в чем не отказывать себе в творчестве? Или же приходится иногда говорить себе «нет»?

— А как без этого? Надо трезво смотреть на вещи. Я реально оцениваю свои возможности и иногда могу сказать себе «нет». По разным причинам: неизбежно, нецелесообразно или просто рано. Так я отклонила интереснейшее предложение великого дирижера Карлоса Клайбера спеть в Мюнхене «Травиату». Я понимала, что эта партия не сможет стать моим свершением из-за трудности первой арии: мой голос слишком «крупный» для Виолетты. А выступления в Мюнхене очень ответственны. В небольшом же театре в Карлсруэ, куда меня пригласил режиссер Джанкарло дель Монако, я все же решила попробовать себя. Спела пять спектаклей, которые принесли мне огромный успех. Но я каждый раз так нервничала, что не спала ни одной ночи перед спектаклем и в итоге решила от «Травиаты» отказаться. В конце концов нельзя браться за все без оглядки. Или, когда я попала за рубеж,— сразу засыпали предложениями петь в «Ла Скала», но меня никоим образом не устраивал предлагаемый репертуар — «Девушка с Запада», «Набукко», «Аттила», партии, совершенно противопоказанные моему голосу. И мой дебют в «Ла Скала» состоялся только в «Адриенне Лекуврер». К тому времени я уже пела практически во всех лучших оперных театрах мира.

— Были ли ошибки в вашей карьере?

— Самой большой была ошибка моего менеджера. Когда шли пробы на партию Дездемоны в фильме Дзеффирелли «Отелло» с Доминго и Маазелем, мне предложили пробоваться. Мой менеджер по личным соображениям не хотел, чтобы я снималась в этом фильме, и на запросы Дзеффирелли выслал мои фотографии в партии Аиды в негритянском гриме. После чего Дзеффирелли поинтересовался, на какую роль я пробуюсь: Отелло или Дездемоны. Я узнала об этом слишком поздно. Жаль, для меня это был бы большой скачок в творческом отношении.

— А есть ли у вас неосуществленные мечты?

— В карьере — нет. Я всегда пою то, что хочу. В проекте у меня много записей на пластинки — этим сейчас занимаюсь. Может, банально, но в мечтах — большой дом, полный детей. Но так получается, что все время это отходит на второй план.

— Что помогло так счастливо сложиться вашей карьере?

— Мне в жизни ничего не приносили на блюдечке с голубой каемочкой. Все доставалось в тяжелой борьбе, и она продолжается, борьба за право ни в чем ни от кого не зависеть. Что помогло? Знала языки. Сейчас говорю на пяти. В Москве я училась сразу в двух институтах — Гнесинском и Иностранных языков. Хорошо воспитали дома, мои родители — музыканты, а дедушка и бабушка происходили из старых русских интеллигентных семей. Это было важно. Кроме того, Карлос Кабалье, мой первый менеджер, давал очень правильные указания и советы. Монсеррат Кабалье помогала мне, делилась своими вокальными секретами... Да и мой характер. Мне очень хотелось петь и выбиться в люди. Я настойчива: если надо было выучить партию, я учила ее моментально. Буду сидеть день и ночь, но пока ее не выучу, не встану.

— Чему вы научились на Западе, чему переучивались, что в себе нужно было задавить?

— Я научилась многому. Я попала в другой мир. Меня окружали люди определенного уровня и класса. Мне, как ребенку, приходилось учиться и ходить, и говорить. А подавить пришлось свою собственную агрессивность, выработанную за годы моей жизни здесь. Трудности нашей жизни провоцируют раздражительность и злость. Даже в моем английском языке были фразы, свойственные русскому, подчас резковатому, обращению. Сейчас я по-русски говорю, как вежливые англичане по-английски. Запад научил меня уважать людей, их мнения. Среди моих друзей — итальянцы, англичане, испанцы, австрийцы. Я не жду от них реакции, как от русских — дружить так дружить, ссориться так ссориться. Я понимаю их менталитет, традиции, всегда стараюсь помогать, помогают и мне.

— Что вы желаете тем, кто рвется петь на Западе?

— Дай им Бог выжить. Они не представляют, какой это труд — работать там. Это все не так красочно и потрясающе, как кажется. Дикая работа, да и скучать будут по дому. Наши певцы часто не выдерживают такой нагрузки, не подготовлены к большой работе, не держат режим: ложатся спать поздно, позволяют себе выпить, покурить — это недопустимо. А частые перелеты из одного города в другой? Однажды мне пришлось одновременно работать в двух театрах — по недоразумению заключили одновременно два договора.

После этого случая у меня был нервный срыв, неделю я должна была отлеживаться.

— Как складывается день вашего выступления?

— Напряженно. Все зависит от того, спала ли я. Я очень плохо сплю. Останавливаюсь я только в лучших отелях: это универсальное средство против депрессии. Отключаю телефон, встаю поздно, целый день слушаю оперу, которую буду петь, выхожу на полтора-два часа погулять, обедаю в отеле, ни с кем не общаюсь до спектакля. Распеваюсь, пью витамины и иду на сцену. В общем, жизнь малоинтересная.

— А после спектакля?

— После спектакля, который заканчивается поздно, с друзьями идем в ресторанчик, сидим до утра. Заснуть невозможно: спектакль для нас еще не кончился. Мы мечтаем, делимся самым сокровенным, смеемся, разговариваем.

—...Но это — если спектакль прошел с успехом...

— Да, и к неудачам надо быть готовым. Это огорчает, но не надо воспринимать все трагически, нельзя разрешать неудаче покорить тебя. Мелкие неудачи случаются — это не зависит от уровня, на котором стоишь. Без успеха же артист не может творить. В зал отдаешь все эмоции, талант, чувства, всего себя. Эта волна страстей возвращается к тебе и заряжает тебя снова. От публики мы не ждем ничего, кроме аплодисментов — естественной реакции людей, которые столкнулись с прекрасным.

— Мы знаем, что западная публика умеет и свистеть.

— Освистать могут, но обычно жертвами становятся «звезды», причем не всегда заслуженно. Сумасшедший поклонник может освистать соперника своего любимого певца. Иногда это бывает организовано, так была освистана Катя Риччарелли в «Ла Скала». В Венской Опере публика не была согласна с постановкой «Аиды», и освистан был дирижер — директор Маазель. Когда я пела в «Гранд опера» в «Бал-маскараде», опять же досталось дирижеру за то, что Паваротти из-за болезни заменили на неизвестного японца, а парижская публика скандальная, труднее ее нет.

— Ни звание, ни имя не спасают...

— На Западе званий нет. Но в Германии за большие заслуги присваивают звание «Каммерзингера». Никого прошлое не интересует, важно, как ты сегодня поешь на сцене. Никто не упоминает, что ты лауреат, все знают, что ты из себя представляешь. Но лауреатство дает возможность выступать на оперной сцене, и для меня это был путь к карьере.

— Каким же был этот путь?

— В 1980 году, через два месяца после отъезда с мужем в Югославию, я сама поехала на три конкурса — в Тулузу, Верчелли и Барселону — и получила три первых премии. В Барселоне моим менеджером стал Кабалье, и еще через два месяца я дебютировала там в Гран театро дель Лисео в «Тоске». Все было неожиданно. Мой менеджер спросил меня, пела ли я Тоску. Терять мне было нечего, это был шанс, и, хотя я никогда не пела ее, я ответила: «О, да!» Карлос Кабалье все понял и сказал: «Вот так и отвечайте всем». Я выучила партию за десять дней и спела. Но дело в том, что до этого я никогда не пела в спектаклях, репетиций не было. Поэтому все зависело не только от меня, но и от моих партнеров — Хосе Каррераса и Хуана Понса. Они помогали мне во время спектакля: «Наталия, иди сюда, сейчас объятия, поцелуй...» Они думали не только о себе, они руководили мной, старались помочь начинающей певице. Такой же и Доминго.

— Когда была первая встреча с ним?

— Еще во время гастролей «Ла Скала» в Москве в 1974 году. Я как студентка тогда устроилась работать в ми-

манс — другой возможности попасть на эти спектакли у меня просто не было, уже тогда билет с рук стоил сто рублей. Я там во всех спектаклях появлялась, была так счастлива, что мне в жизни, казалось, уже больше ничего не нужно. Когда же в Гнесинский институт приехали артисты «Ла Скала» и Паоло Грасси, директор театра, я пела перед ними, и он сказал: «Вы должны приехать к нам учиться». Пласидо Доминго подошел ко мне: «Наталия, я хочу, чтобы ты дебютировала в Барселоне, но, чтобы твой первый успех был больше, я буду не петь, а дирижировать». И через семь лет произошел мой дебют в Барселоне, но не с ним, а с Хосе Каррерасом. С Пласидо же мы встретились в спектакле Венской Оперы «Тоска», пели вместе. И в пении мы понимаем друг друга, перед спектаклем размечаем только положение мизансцен.

— С кем из партнеров вы любите петь?

— Ко всем, с кем пою, я отношусь с большим теплом, уважаю всех, кто способен выйти на сцену и остаться один на один с публикой. Самые любимые: Доминго, Каррерас, Петер Дворски, Луис Лима, Пьеро Каппуччилли, Ренато Брузон. Когда на сцене настоящий артист, его понимаешь и взглядом.

— А среди певиц?

— Для меня есть две певицы, это последние из могикан: самая большая — Кабалье — уникум, таких больше нет. Другая — Френи — с прекрасным голосом, нежный, тонкий лирик. Должна сознаться, Миреллу я просто обожаю, боготворю.

— Кроме голоса, что требуется певцу на Западе?

— Нужен комплекс: хороший голос с красивым тембром, сильный, но не убивающий силой звука. Певец должен быть очень хорошо музыкально подготовлен и артистичен, это важно. Современный певец — умный, интеллигентный, знающий. Только такой может выжить на сцене. Это у нас, похоже, полагают, что чем проще, тем лучше. На Западе, кроме того, не действуют такие критерии, как наличие всесильной поддержки, которая приведет тебя на конкурс, в театр и оставит в нем до старости, до того момента, когда тебя уже будут выносить на сцену. Раньше ведь если ты поступил в Большой, то по крайней мере лет 25 работы тебе обеспечены плюс высокая зарплата и почести, несмотря даже на заметное снижение уровня твоего вокального мастерства. Вот поэтому в Большом, кроме Образцовой и Архиповой, сейчас в основном такой уровень. После того как я послушала там «Ивана Сусанина» на открытии сезона два года назад, у меня не возникало больше желания пойти в театр. Плохие костюмы и пение якобы в русском стиле... Даже наш балет в сцене польского бала смотреть было невозможно. Большой театр, открытие сезона — и такое... Если бы не Тамара Синявская с ее роскошным голосом, то нечего было бы и вспомнить. Сейчас наблюдаются изменения в театре, боюсь, к худшему.

Если руководство не будет оставлять лучших, кто же будет петь?

Попробуйте сделать замечание Мирелле Френи. В «Ла Скала» такое и в голову никому не придет. Она миф. В Италии обожаема Фьоренца Коссотто. У нее давно уже не лучшее состояние голоса (это было заметно еще в 1982 году, когда в Арена Сферистерио в Мачерате я впервые пела с ней «Аиду»). Но ее любят так, что, когда она появляется, стоит визг, и ей прощают все.

— Как вы объясняете такую ситуацию, что от «цвета» Большой театр избавляется, а середняк остается?

— Это естественно. Ведь середняк выживает в любой ситуации, кстати, и в революционной. Перестройка идет во всей стране, и в театре, и бьет она как раз по тем, кто не является середняком. Ведь середняки — это те люди, которым никто не завидует, которые тянут второй и третий репертуар и никому дорогу не переходят. Это люди, смирившиеся со своим положением, но все же не пережившие того, что не стали первыми. И потому они всю жизнь завидовали и будут завидовать премьерам. Это естественный процесс, он имеет место и на Западе, и где угодно. Но дело в том, что у нас середняки со всех сторон окружены законами, позволяющими им беззаботно и безбедно жить.

— Середняками можно назвать у нас, к сожалению, и некоторых, исполняющих главные партии.

— Это результат неправильной системы организации театра. Солисты в штате должны быть на вторые и на третьи партии. У нас достаточно высокий уровень вокалистов, чтобы фиксировать эту часть людей. Но что касается солистов на первые партии — они должны быть приглашены на несколько спектаклей, на сезон, на 15—20 спектаклей в сезон или на 6...

Система контрактов даст певцам возможность петь свой репертуар в разных театрах и не находиться в простое.

Если вспомните наше прошлое, лет семь назад (для истории это ничто), тогда мы могли говорить лишь о нескольких именах, сделавших на Западе карьеру: Атлантов, Мазурок, Образцова, Нестеренко, Архипова. Только они и ездили. Остальные ждали своего спектакля, который, может быть, состоится через полгода, а может, и не состоится. Я разговаривала с Людой Шемчук, встречалась с ней уже в Вене, она говорила, что для нее совершенно нет репертуара в Большом. В театре не ставят ничего интересного. А для того, чтобы быть в форме, отдавать хотя бы 90 процентов того, что ты умеешь на сцене, нужно часто петь. А петь негде. У нас было огромное количество солистов, причем не все первосортные, они пели много, им надо было дать работу. А репертуар мал, ибо множество шедевров русской и зарубежной оперной классики без следа исчезли с афиш наших театров.

— Что вы можете сказать о нашей вокальной школе?

— Я не считаю, что у нас есть школа. У нас поют только умные певцы, те, кто пришел к хорошему вокалу своим трудом. Надо много слушать, часами искать оптимальные для себя певческие приемы, уметь владеть инструментом. Хорошо, если есть опытный концертмейстер. На Западе существуют звуковые критерии. Люди, которые поют, ходят в театр, много слушают записей с Тебальди, Кабалье, Френи, Каллас, у них вырабатывается вкус к определенной манере пения.

— Десять лет назад, когда вы уезжали, у нас еще было кого послушать, сохранялся отзвук традиций Большого.

— Для любого певца и сейчас и тогда в России была одна главная задача — вот необходимо попасть в Большой, и все. Тем более что он в то время действительно был театром номер один. Я сама пробовалась в Большой много раз. Тогда это была вершина моих мечтаний, и уезжать я не собиралась. Меня не принимали. Поддержки я не имела. Никому до меня не было дела, да еще муж-югослав. Правда, кажется, в 1978 году я поступила, прошла конкурс, но, когда пришла оформлять документы, в отделе кадров мне сказали, что мой протокол потерян и найти его невозможно. За что сейчас хочу сказать спасибо. В Большом театре я не сделала бы карьеры. У меня не «театральный» характер: я ненавижу интриги, сплетни, несправедливость. И не хочу быть связанной рамками одной труппы.

— Сейчас вы могли бы петь в том числе и в Большом?

— После гастролей с «Ла Скала» никаких предложений из театра мне не было. Большой как молчал, так и молчит.

— Кто же пригласил вас петь в театре концерт?

— Приглашение пришло от Центра музыкального искусства «Классика», художественный руководитель его Вячеслав Тетерин. Он пианист, менеджер. Талантливый человек.

Мои деньги за концерт я хочу передать вокальному факультету Гнесинского института для двух первокурсников, подающих надежды. Пусть это будут две пятилетние стипендии, которые помогут им в период обучения. И мне хотелось бы следить за тем, как эти ребята будут развиваться.

Хочу сказать, что за десять лет моего отсутствия это — единственное приглашение с моей родины, которое я с радостью приняла.

— Что предлагали вам до того, как вы уехали?

— В 1976 году, после того как окончила институт, я стала солисткой Московской филармонии. С большим трудом, выдержав огромный конкурс,— из 126 человек приняли только четверых. Однако эта работа меня никак не устраивала — я видела себя в театре, и только в театре, я хотела играть, жить другой жизнью хотя бы на сцене. И, кроме того, филармоническая работа — очень неблагодарная работа. Кроме унижения, она не давала ничего. Представьте себе: сборный концерт, даже на самой лучшей площадке, такой, как Дом учителя, Политехнический музей или какое-нибудь большое министерство, куда приглашаются самые популярные артисты кино, эстрады, и мы, бедные солисты МГФ, с хорошими голосами, хорошо выглядящие. Но люди-то ждут совсем другого, они не подготовлены к слушанию оперных арий, они ждали, естественно, своих любимых актеров, а мы — как бы в нагрузку. Кроме, конечно, специально подготовленных тематических программ, когда нас по-настоящему хорошо принимали. Я уже не хотела идти на работу, чувствовала себя ненужной. Пыталась «прослушаться» на какой-нибудь международный конкурс, но это не удавалось, так как побеждали не певцы, а учителя. На конкурсе имени Глинки в 1979 году я получила приз за лучшее исполнение произведений Глинки, а премии не получила.

— Вы ежегодно здесь бываете. У нас что-нибудь меняется?

— Я не Сталин и не могу сказать, что жизнь стала лучше, жизнь стала веселее. Но интереснее стала. Вы можете сказать: тебе легко, ты здесь не живешь. Я согласна, но вспоминаю время, когда мы боялись сказать слово. В инязе у нас в группе было десять девочек. Мы жили в страхе и с оглядкой, в каждом человеке видели врага, боялись рассказать анекдот, пошутить, затронуть политическую тему. Если скажешь одно неосторожное слово, это будет известно в ректорате. Меня, кстати, за то, что я разговаривала в Большом театре с Пласидо Доминго, вызвали к ректору Гнесинского института. Вот такие были времена. Но ректором был Владимир Николаевич Минин — умный человек. Видимо, была дана установка вразумить меня, но, когда он понял, за что, ему стало смешно.

...А сама я всю жизнь была комсомольским вожаком. Была секретарем комсомольской организации 636-й школы. Особенного ничего не делала, но умела организовывать. Как-то умудрялась никогда не бывать в райкоме. В Гнесинском институте — секретарь комсомольской организации вокального факультета. В Московской филармонии — тоже секретарь. Хотя никогда к этому не стремилась и карьеры с помощью комсомола делать не собиралась.

— Сколько неожиданных поворотов! Написана ли о вас книга?

— Были предложения, например, от швейцарского автора. Но я ему отказала. Надеюсь, что моя жизнь еще не закончена и творчество тоже. Поэтому, когда настанет время подводить итоги и многое захочется рассказать людям, то такую книгу я напишу сама. Но это вопрос будущего.

О Валерии Новодворской пишут, пожалуй, больше, чем обо всех членах ДС, вместе взятых. Пишут, к примеру, так: «лидерша ДС, как фиговым листком, прикрывала свое политическое лицо потоками громких слов». Отдавая должное стилистическому мастерству коллеги из «Московской правды», следует признать, что портрет, нарисованный им, хотя и ярок, но неубедителен. Все же В. Новодворская отнюдь не фантом, а конкретный, живой человек — беззащитный, бесстрашный, трогательный, яростный, раздражающий... Телефонный звонок.

— Вы уже в Москве? Поздравляю с очередным освобождением — каким по счету?

— Пятнадцатым, если считать только перестроечные аресты.

— Как проходило освобождение?

— Мы выиграли свободу! Не надо быть врачом, чтобы знать: сухая голодовка кончается в морге. Однако режим пока еще не готов убивать. На пятый день, когда нам стало совсем плохо, повезли в 17-ю городскую больницу. Поместили в палатах ветеранов и инвалидов Отечественной войны (с тоталитаризмом в нашем случае). У входа на кровати улегся милиционер, а еще два стража бдительно ходили по коридору, что-то мурлыча в рации, вызывая шок у больных и медперсонала... Очевидно, предполагалось, что нас выкрадут американские десантники.

— Не выкрали?

— Нет, прежде нас успели выпустить на свободу!

Что подтверждает максиму программы ДС: мятеж человека против государства, готовность умереть, но не подчиниться деспотизму. На днях Валерия Ильинична зашла в редакцию «Огонька». Внимательно прочитала интервью с ней, внесла уточнения и произнесла речь.

А потом смотрела отрывок из нашего видеоприложения, где повествовалось о ДС. Конечно же, в главной роли выступала Валерия Новодворская. Надо было видеть, как, закусив губу, слушала она себя и своих друзей, каким восторгом светились ее глаза!

В наших крайних радикалах есть что-то неистребимо детское, что не позволяет «трезвым политикам», людям зрелым и умудренным, воспринимать их всерьез. Я бы согласился с трезвыми политиками, когда бы не была так серьезна судьба Валерии Новодворской: Лефортово, психушка, сухие голодовки...

У меня беспокойство иного рода. Дело в том, что ДС, весьма прямолинейный и предсказуемый в своих действиях, легко «играть». Призрак площади Таньаньмэнь тяготеет над нами, и кто поручится, что очередной митинг ДС готовые на провокацию консерваторы не постараются использовать в своих целях? Что же касается мыслей и убеждений В. Новодворской — пусть о них судит читатель.

Илья МИЛЬШТЕЙН

Она из семьи потомственных партийцев. Дед родился в остроге, где отбывали до революции срок его родители, тоже революционеры. Внучка, унаследовавшая их мятежный дух, пошла по своему пути. Пятнадцатилетней комсомолкой обивала пороги райкомов с требованием послать ее во Вьетнам — защищать слабых, сжигаемых напалмом вьетнамцев от американских агрессоров.

«Я, по слову Достоевского, все время искала бремени и не знала, за что бы жизнь отдать»,— признается она.

Как известно, в нашем государстве такая возможность предоставляется на каждом шагу.

Первый раз она была арестована в 1969 году. И вот Валерия Новодворская снова в тюремной камере. На этот раз в спецприемнике Воронежского УВД, куда была заключена за участие в демонстрации на проспекте Революции — центральной улице города. Объявила с друзьями сухую голодовку.

На мой вопрос о самочувствии Валерия Ильинична отвечает, что беседы с журналистами ее приободряют. Перестреливаемся короткими вопросами-ответами — знакомимся.

— Как оцениваете действия воронежской милиции?

— Спецназ везде одинаков: и в Москве, и в Петербурге, и в Самаре.

— А здесь, в спецприемнике?

— По-моему, им трудно со мной. Начальница этого заведения Любовь Алексеевна держится на элениуме. Вообще же из всех тюрем, где пришлось сидеть, самая комфортабельная — Лефортовская. Там и белье меняют раз в неделю, и душ отделан красивой плиткой, как в пионерлагере. А библиотека какая!

— В чем сейчас нуждаетесь больше всего?

— В хорошеньком мыльце и последних «Огоньках».

— Вот так, значит...

ВЗГЛЯД ИЗ ТЮРЕМНОЙ КАМЕРЫ

— Валерия Ильинична, вы лидер Демократического Союза...

— Ошибаетесь. Лидеров не держим. Я член Московского координационного совета Демократического Союза. Партия построена по конфедеративному принципу без централизма, без подчинения, без обязательности. Наши «симпатизанты» удивляются, что она еще не развалилась. Ну, а враги, естественно, сокрушаются, что при такой свободной структуре этого еще не произошло. Даже решения съездов не являются обязательными. Каждый регион может создать независимую структуру в рамках общей программы. Вот есть Узбекский Демократический Союз. Маленький Латвийский Демократический Союз... Держится все это не на Уставе, а на товариществе, на программе, на некоем общем духе, на чистом суровом воздухе мятежа, как говорил Солженицын, и на общедемократических идеалах.

— Вас много?

— Партия постепенно растет. Сегодня — больше двух тысяч членов. Мы не боремся за «вал», сами ограничиваем прием, потому что не хотим, чтобы люди, не отдающие себе отчета в том, на что они решаются, вступали в ДС.

Что касается цели Демократического Союза, она выражена в Программе — это изменение государственного строя революционно-демократическим путем, но без насилия. Наш путь — конфронтация в ходе кампании гражданского неповиновения. Наш способ действия — обращение не к власти, а к народу, попытка просветить и организовать народ таким образом, чтобы он отверг нынешнюю государственную власть. Считаем, что иначе демократический процесс в нашей стране возродить невозможно.

— Какие отношения у ДС с властями?

— А никаких. Мы не хотим их знать. То, что они нами занимаются, это их заботы. С той поры, как большевики разогнали Учредительное собрание, в стране нет законной власти.

Но все равно наша позиция — руки за спину, чтобы случайно что-нибудь у власти не взять. Мы не будем своим скальпом украшать фальшивый советский плюрализм. Пусть обойдутся здесь без нас. Что же касается нашего антикоммунизма, то он имеет не зоологический, а четко выраженный научный характер. Лозунги типа «Долой коммунистов!» мы считаем глупыми, потому что дело не в коммунистах, а в тоталитарном сознании. И полагать, что 20 миллионов коммунистов виноваты в том.

что 300 миллионов остаются в постыдном рабстве, это по меньшей мере некорректно.

— Поговорим о большевизме. Что вы думаете о Владимире Ульянове-Ленине? Почему эти люди смогли создать такую организацию, которая в конце концов определила наше будущее по крайней мере на семь десятилетий?

— Эти люди были безоговорочно, до фанатизма преданы своей идее. Очень опасные люди в рыхлой, распадающейся стране, которая лишилась одного идеала и нетерпеливо ожидала нового. А политический ориентир Запада, идеалы свободы не были усвоены, приняты. Чернышевский не напрасно говорил, что именно в России может осуществиться мечта Карла Маркса. Он знал, что такое общинное сознание, знал его корни. Для большевиков первой генерации, кроме их идеи, не существовало ничего. Точно так же, как для Робеспьера и Марата. Но они были более изощренными политическими интриганами, поэтому смогли удержаться даже в тот момент, когда, казалось, почва уплывала у них из-под ног.

Большевики — отражение внутренних процессов. Нароков в своем романе «Мнимые величины» сказал, что большевизм возникает в поле коммунизма, как тиф в поле голода... И действительно, если ты хочешь создать античеловеческую утопию, пусть даже из самых идеальных побуждений, сделать людей ангелами, то надо для этого обрубить им ноги, чтобы крылья скорее выросли. Ради этого и геноцид, и концлагеря, и уничтожение каждого второго из тех, кто плохо понимает эти идеалы. Этим путем шли не только большевики. Идейные предшественники — и Платон со своим государством, и Лао-Цзы с некоторыми своими общественными ориентирами, и Кампанелла, и Томас Мор. Все утописты разных времен и народов сходны. А что касается большевиков, никогда бы они не возобладали, если бы не отражали внутреннее состояние народа. Потом они уничтожили несогласных, а остальные им подчинились, сначала нехотя, а потом и со сладострастием. Комбеды — это же было порождение народа. Большевики просто развязали эту стихию. Соединили марксизм со Стенькой Разиным. Но эта психология уравниловки, жажда все поделить, она существовала, и большевики просто черпали в ней свою силу. Мы сейчас, ведя огонь по кумирам, по Горбачеву, по Ельцину, по Ленину, по Дзержинскому, по Бухарину, прежде всего, однако, говорим — убейте дракона в себе. Потому что тоталитаризм — это не тот дракон, который своими пастями терзает беззащитный народ, но состояние общества, когда у дракона столько голов, сколько у народа. Кто нас заставляет теперь участвовать в ритуалах 7 ноября и 1 Мая? Не толкают же штыками — сами идем. Кто за отгулы, кто с радостью. Кто нас заставляет держать всюду идолов и портреты? Сами не хотим или не осмеливаемся убрать. Поэтому не следует искать козла отпущения даже в самом отвратительном тиране. Мы все соучастники.

— Как вы относитесь к различным течениям в КПСС? Что думаете о Демократической платформе? Готов ли ДС сотрудничать с какой-нибудь фракцией в КПСС или с какой-либо другой партией?

— Я с большим любопытством наблюдаю за процессом появления в этой тоталитаристской среде демократических платформ. Только вот думаю: зачем в ней создавать демократическую платформу? Когда можно просто выйти и создать все что угодно вне, кстати, так некоторые из них и сделали. Вот у нас в Москве сейчас создали Союз Коммунаров. Десять человек. Ну, что-то среднее между анархо-синдикализмом и идеями Парижской коммуны. По крайней мере они честно это сделали, не подрядившись с КПСС, а, наоборот, с брезгливостью от нее отстраняясь.

Не вливают вина нового в мехи старые. В ДС была фракция демократических коммунистов, пока они почти все не перестроились в либеральных демократов. Для меня эти попытки «демократизации» — бред искалеченного сознания: дерзаем сопротивляться злу только под покровом этого самого зла, ухватившись за его краешек, цепляясь, чтобы вконец с этим злом, что ли, не поссориться. Или они рассчитывали какую-то собственность в КПСС получить? Собственность КПСС, пока она не конфискована народом в итоге демократической революции, будет принадлежать партийной верхушке. Никаким демократам они ничего не дадут.

Поэтому что значит сотрудничать? Можно только сожалеть и призывать их к покаянию. А что касается других партий, то мы сотрудничаем, если это можно назвать сотрудничеством. Совместные встречи, консультации, иногда мы к ним на митинг ходим, и они к нам на митинг ходят. Но это ведь еще не общий антифашистский демократический фронт. Сотрудничество наступит тогда, когда они будут готовы к настоящей борьбе, когда они противопоставят себя системе. Хотя бы на уровне ДС. А когда некоторые, с одной стороны, пытаются сотрудничать с КПСС, а с другой — с ДС, то получается фальшь.

— Валерия Ильинична, каков ваш прогноз развития общей политической ситуации в стране?

— Ну, прогнозы такого рода надо просить у Ванги. К ней, говорят, все начальство съездило за прогнозами. Прогнозы — вещь чрезвычайно сложная, потому что ситуация может повсякому повернуться. Ясно, что пока общественные силы воплощают собой общественное бессилие. Ситуацию эту разрешать будут власти. И разрешать будут не в нашу пользу. Мы сейчас ничего реального предпринять не можем, поскольку слишком мало людей, которые выступают против системы. Народ или обманут, или запуган, или равнодушен. Ждем, когда под нами загорится земля. Но я очень сильно опасаюсь, что тогда будет не до демократического выбора. Как правило, если человека сажают на примус, он устремляется куда угодно, но только не к парламентской демократии.

Возможно, народу и нужно еще раз увидеть, что такое советская перестройка, и потерять всяческие иллюзии. Только нам хотелось бы, чтобы это было достигнуто подешевле, не ценой миллионов жертв, не ценой крови. Охлократический же бунт без демократической альтернативы подавляется только вооруженной силой, и после этого идет общая закрутка. Для того, чтобы придать бунту демократический вектор, нужно привнести в эту народную ненавидящую стихию демократическое сознание. Поэтому нельзя сидеть на двух стульях. Надо выбирать между демократической революцией и парламентскими играми. То есть у меня неутешительный прогноз. Направо пойдешь — коня потеряешь, налево пойдешь — голову потеряешь, прямо пойдешь — себя потеряешь: вроде бы и конь у тебя останется, и голова, а тебя как личности не будет. Демократический Союз свой выбор сделал. Нам уже ничто не угрожает, поскольку никто не сможет отнять у нас нашей свободы. В жизни и в смерти мы будем свободны.

— Можно ли, по вашему мнению, рассматривать выступление генерала Макашова на Учредительном съезде Компартии России как заявку определенной группы на военный переворот?

— Я думаю, что такого рода готовность не будет предваряться заявлениями о ее наличии. Военные перевороты, как правило, совершаются в ночной тиши без предварительных заявлений. Ну, а потом этот Российский съезд — очередная подставка, это карта, которую нам вытаскивают из колоды, чтобы мы в очередной раз убедились, какие есть консерваторы на Руси и насколько демократичен по сравнению с ними Горбачев. Разыгрывается красивый спектакль с полуправым флангом, с таким же полулевым и с центром. А на самом деле это играет одна команда. Все остальные — пешки, хотя и считают, что играют в собственную игру.

— Что вы думаете о политике Горбачева?

— Существующий режим и его политика исходят из ложной предпосылки, будто тоталитаризм может эволюционировать. Система не эволюционирует. Она движется по законам, вычисленным очень серьезным русским историком Яновым, по циклу: от звездного часа автократии через смутное время к псевдоабсолютизму, когда кажется, что устанавливается какой-то переходный период, дающий выход в демократию.

Сейчас мы переживаем такой псевдоабсолютизм. И далее по плану будет звездный час автократии. Здесь не играет никакой роли индивидуальный человеческий вклад. Здесь не только Горбачев, здесь бы ничего не смог сделать светоч ума и совести, если бы даже захотел испачкаться в этой грязи. Система не способна ни к каким улучшениям и изменениям. Она может быть только упразднена.

— Мне кажется, что новое мышление, предложенное Горбачевым, более реалистично, чем, скажем, ваша позиция, позиция западников, или позиция славянофилов. А центральная концепция нового политического мышления о взаимосвязанном и взаимозависимом мире, предполагая для каждой из стран свой исторический путь, более или менее правильно отражает суть происходящих в современном мире процессов. Действительно, мы не можем не замечать своеобразия в жизни различных регионов. Взять хотя бы Японию, или Индию, или Китай. Мы не можем сказать, что эти страны в своем развитии движутся тем же путем, что и западная цивилизация. Что же касается идеи ДС о переходе всех народов на другой берег реки к западным идеалам, то это, как мне кажется, попросту нереально. Ведь наш народ отличается, скажем, от народа той же Чехословакии, где совсем недавно реализовался провозглашаемый вами гражданский путь. И это отличие в традициях и культуре должно, по-видимому, сказываться при интегрировании нашей культуры в западную. Что вы думаете по этому поводу?

— Я решительно отказываюсь считать ценностями ценности рабства, даже если они украшены некой философией и литературой. Потому что ценность человеческого общества, ценность культуры — это комплексная ценность. Понимаете, одно дело, когда на обломках самовластья — как декабристы предполагали — напишут чье-то имя, надеюсь все-таки, здесь важнее обломки, чем написанные имена. А другое дело, когда на обломках человеческой жизни, на миллионах трупов возникают некие письмена: собрание сочинений Достоевского, философия Бердяева, полотна Сурикова, или Глазунова, или наших сюрреалистов. Ну, которые имеют непосредственное отношение к нашему менталитету. Прямо скажем, что это неадекватно другому миру, другому полюсу, который, может быть, и не украшен такими полетами духа, но где нет этих миллионов трупов. Я отказываюсь считать вкладом эти самые миллионы, вот эту бетономешалку. Это что же, культура кхмеров, которую уже не оторвешь от полпотовских лагерей, от этих мотыг, от политзаключенных, которых скормили крокодилам, — она дополняет культуру Европы, где уважение к отдельной личности дошло до того, что эта личность может, собственно, уже и не работать и всю жизнь кормиться от общества, и где уже не работает лозунг «Кто не работает, тот не ест»? Я не считаю это равноценным. Горбачев же попросту предложил считать наши внутренние преступления нашим личным делом. И выходит, что мировая культура состоит из равного вклада преступников и нормального человеческого общежития. Происходит оправдание убийства: мол, такова уж наша культура — подавление и насилие, надругательство над безличным человеческим правом.

А что касается Индии, то английская система ей оставила в наследство все-таки парламент. Индия им достаточно умело оперирует. В Японии прививка тоже произошла. Процентов на 30 Япония уже живет по европейским стандартам, хотя выход из феодального сознания еще не завершен. Но он вполне возможен и уже маячит впереди. Я считаю, что Россия по своему психолого-историческому положению гораздо ближе к Западу, чем Япония или Индия. Мы все-таки славяне. Мы не индусы. И восприняли христианскую религию, пусть и не в той ипостаси, пусть в Византийской. Пусть это магическое христианство. Но здесь нет противопоказаний. Русские люди воспринимали западное сознание, жили его ценностями, неплохо ими оперировали, преуспевали с ними, сохраняя своеобразие, не разрывая со своими историческими ценностями. Что же касается Демократического Союза, то мы тоже ведь не безродные космополиты. Нас, например, очень многие не воспринимают из-за нашего славянофильства, из-за декларированного отказа эмигрировать, из-за того, что мы вцепились в эту землю и жизни нам нет ни в каких других местах. Это в общем-то славянофильство. Ни один западник, безусловно, этого бы не понял.

Любил он родину и землю,
как любит пьяница кабак.

Это наше, исконное. Но при этом пересадка сознания на европейскую почву произошла спокойно, добровольно, без насилия, без ломки. Я думаю, этот путь не заказан никому. Ценности Запада сейчас расхватываются на-ура. И не только на уровне поп-арта, или масскультуры, или масс-медиа. На более глубоком уровне. Этот переход более чем возможен. Но другой вопрос, что слишком многим не нужен этот переход. На том берегу не будет места для большевиков и для их власти. Поэтому, если они способны читать и пользоваться первоисточниками, то они сейчас возьмут на вооружение Соловьева: чтобы доказать, что рабство и свобода — это равновеликие величины. И — пустите нас, пожалуйста, в Европейский дом с нашим исконным рабством. Кого мы здесь уничтожаем, топчем и убиваем — это наше личное дело. Возможно, Запад на это и пойдет. Они предали Литву. Они много раз предавали. Возможно, их это устроит. Но это не устроит нас. Мы не примиримся с этим. Это Новое мышление — очередной вариант, чтобы все возлюбили добровольно Большого Брата. Мы не будем мыслить такими категориями, и Большому Брату придется с этим считаться. В экзистенциализме есть одно очень интересное положение: ни одна идея никогда не будет в безопасности, пока есть человек, который осмеливается открыто сказать ей «нет». ДС будет открыто говорить «нет».

— Если я вас правильно понял, вы не верите, что Горбачев хочет навсегда отказаться от тоталитаризма. По-вашему, его политика сводится к стремлению сохранить прежнюю систему в закамуфлированном виде. Я так не думаю. Я думаю, что он искренне желает покончить с наследием тоталитаризма в нашей стране. И, кроме того, не надо забывать, что он еще и сам меняется. На Учредительном съезде Компартии России он сказал об этом. Мне кажется, что Горбачев в своих попытках интегрировать Советский Союз в общемировой процесс на более высоком уровне не задается конечной целью соеди-

нить лучшие западные и наши ценности. И в этом, возможно, и заключена практическая суть Нового политического мышления: не безликое интегрирование в мировую культуру с утратой своих ценностей, а интегрирование с их сохранением, с учетом своеобразия своей национальной истории и культуры.

— С учетом своеобразия... Если уж пользоваться традиционными русскими ценностями, без всякой Европы, вынося ее временно за скобки, то эти ценности не прощают убийства. Не прощают крови. Борис Годунов был весьма либеральным, прогрессивным правителем по сравнению с Иоанном Грозным. Даже с неким европейским замахом по тем временам. Ну и что же? Какую участь уготовил ему Пушкин, какую участь уготовило ему потомство? Какой приговор изрекла ему история устами великого русского поэта?

И не уйдешь ты от суда мирского,
Как не уйдешь от Божьего суда.

Достаточно одного невинного младенца. Мне просто непонятно, к какой системе ценностей — европейской или российской — отнести девочек, убитых саперными лопатами в Тбилиси, и сотни трупов в Баку. Это что, окно в Европу или еще куда-нибудь?

— Я думаю, что вина, которую вы возлагаете на Горбачева за события в Тбилиси и Баку, не совсем обоснованна. У нас нет доказательств его непосредственной причастности к этому. Это, однако, не снимает с него той нравственной ответственности, которая всегда в таких случаях ложится на лидера государства. Но в конце концов нельзя же совсем исключить возникновение кризисных ситуаций, которые по тем или иным причинам не контролируются первым лицом страны.

— Но Язов не снят, Родионов к юридической ответственности не привлечен. Процесса над ними не прошло. Замазали. Сказали, что экстремисты сами виноваты. Понимаете ли, друг друга подавили в схватке. И это еще не доказательство?! Про Бориса Годунова гораздо меньше доказательств. Все можно на Битяговских свалить — взяли и зарезали. Тем более что тогда телеграфа не было, а поручение давалось устно: не пойман не вор. Тем не менее потомство свой приговор изрекло. Что же касается доказательств такого рода, то их отыскивают на нюрнбергских процессах. Вот тогда уже приглашаются свидетели.

— Конечно, обществу необходимо знать степень вины тех или иных людей, ответственных за события, подобные тбилисским или бакинским. И оно должно определять степень этой вины через суды, законные комиссии и т. д. Здесь скорее всего какие-то политические интересы превалируют над нравственными. Теперь мне хотелось бы, чтобы вы более подробно разъяснили основные лозунги и ориентиры ДС, такие, как созыв Учредительного собрания, гражданский путь, мирная демократическая революция, «За вашу и нашу свободу!».

— Ну вот, мы кончили с убийствами переходного периода на уровне Нового нравственного мышления — если кто-нибудь сумеет потом отличить убийства волюнтаризма от убийств сталинизма, от убийств застоя и еще как-то не перепутает это с убийствами переходного периода. У моего земного зрения, видимо, недостаточно разрешающей способности, чтобы увидеть здесь разницу.

...Это не лозунги. Это идеи. Лозунг здесь может привести только к полнейшему практическому и теоретическому идиотизму. «Все на выборы в Учредительное собрание!» — Ну, пожалуйста, нам завтра же их и устроят. Объявят выборы в Учредительное собрание. Эти 85 процентов членов КПСС сядут в Учредительное собрание, и вместо тусовки под названием «Съезд народных депутатов» у нас будет тусовка под названием «Учредительное собрание». И учредим мы... опять тот же тоталитаризм. И то же Новое мышление, поскольку на массовом уровне у нас сейчас нет еще других приоритетных ценностей. Учредительное собрание — это не здание и не комната, где люди договариваются, чему у них быть — тоталитаризму или плюрализму. Учредительное собрание — это точка в конце предложения. Это когда главное уже выбрано и произнесено. Учредительное собрание в человеческой истории собиралось не так уж часто. Кроме нашего Учредительного собрания, того, которое символизировало падение монархии и неудачную попытку перехода к республиканским демократическим ценностям, были еще Генеральные штаты Фландрии, низложившие Филиппа и учредившие Республику без испанского владычества. Учредительным собранием являлось то первое собрание третьего сословия в зале для игры в мяч, где была составлена Декларация прав человека и гражданина. На уровне первой волны Французской революции, до якобинства. На уровне Сьейеса, Лафайета, Мирабо. Учредительным собранием были те Ассамблеи Штатов, которые провозгласили идеи американской демократии, причем бросили вызов Англии, которые затем составляли американскую Конституцию. Это знак смены эпох. Наше «Учредительное собрание» — это не лозунг. Это просто процесс, который должен завершиться Учредительным собранием. Сначала мы примем иные ценности, и они станут нашими. Потом падет этот строй. И только после падения этого строя возможно Учредительное собрание, которое предопределит расхождение в разные стороны частей тоталитарной империи, выяснит конфликты, территориальные претензии. Скажем, Армении к Азербайджану, Польши к Литве. Ну, и примет новую Конституцию. И будет с согласия народа переводить экономику на западные рыночные рельсы. Это программа не на завтра, программа на послезавтра. Если сегодня пытаться это сделать, то ничего хорошего не получится. Что же до революции, то в нашем представлении это — завершение эволюционного процесса. Сейчас мы разве что способны вывернуть булыжники из мостовых, построить баррикады и перевешать коммунистов — к чему народ, к сожалению, склоняется, хотя бы на словах. Это не революция, это бунт, «бессмысленный и беспощадный».

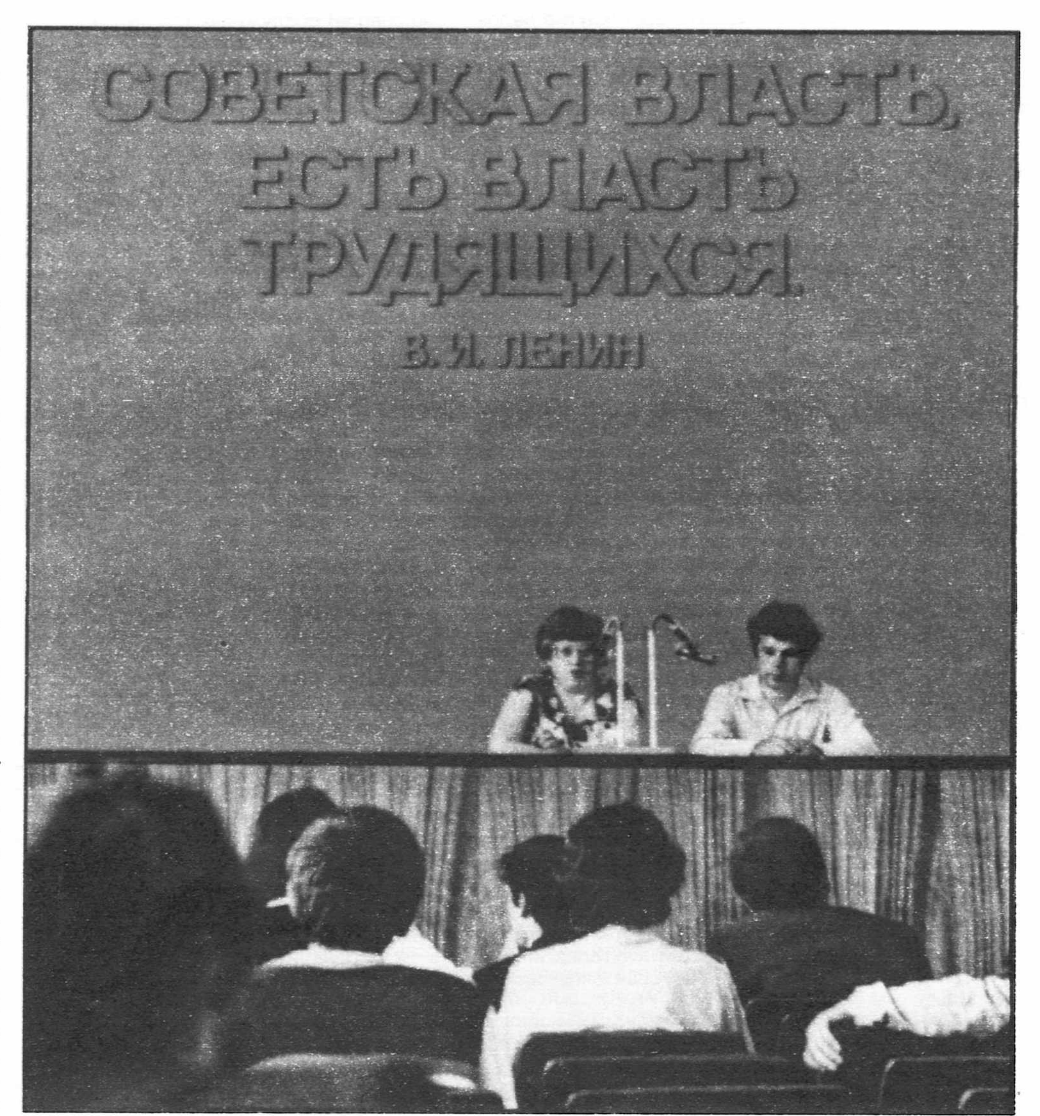
Революция — переворот в сознании, который и закрепляется отказом следовать тем ценностям, которые существовали в обществе прежде. Революция — это когда бабочка сбрасывает с себя кокон и улетает. Вот был червь в шелковичной куколке, а потом вышла бабочка и улетела. Прежняя система — это изношенное платье, которое уже не впору, и его сбрасывают. Вот что такое настоящая революция. Формы ее различны. Возможен консенсус народа и власти, как в Венгрии. Возможны нежная революция и добровольные уступки власти с неким символическим «круглым столом», как в Чехословакии. Может произойти, как в Румынии, бойня. Есть и другие способы, которых мы пока не знаем. У Германии было мощное подспорье — ФРГ. У нас такого подспорья не будет. Нет нигде России, живущей по законам свободы, с которой мы могли бы воссоединиться. По некоторым прогнозам, учитывая состояние народа и его исторический склад и характеристики нашей власти, у нас едва ли возможен чешский вариант. Скорее, у нас будет румынский. И, возможно, он будет многоэтапным. Потому что польская сегодняшняя ситуация — она же включает в себя и взлет 56-го года, и 70-й год, и Солидарность, и подавление Солидарности. А венгерская сверхкультурная сегодняшняя мирная революция — она же производная от 56-го года. Может быть, нам предстоит пройти через наш 56-й год, через наш 70-й год, через наш 53-й год в Берлине. Франция прошла пять попыток, и только в 1875 году там утвердился действительно иной общественный и государственный порядок.

В любом случае мы будем с народом, постараемся остановить кровопролитие, предотвратить убийства, направить силы народа не против преступных личностей, а против системы. Нельзя допустить крови.

Трудно возражать В. Новодворской, когда она выступает против насилия или по косточкам разбирает «заслуги» КПСС перед народом. Ее же убежденность в том, что инициаторы нынешних перемен в стране стремятся всего лишь модифицировать тоталитарную систему, мне кажется ошибочной. Есть какая-то холодная и застывшая догматичность в такой убежденности. И истоки этого — в своеобразном переплетении сложной судьбы Валерии Новодворской с судьбой страны. Я думаю, что самой жизнью было привито ей чувство недоверия к таким людям, как Горбачев, к их способности менять свое отношение к существующей системе. А нравственные аргументы, которые приводит она в защиту этого чувства, выглядят недостаточно убедительными. Конечно, я могу и ошибаться. И здесь нас рассудит только время.

Существующая в стране гласность мне представляется тем хрупким сосудом, из которого мы пьем сейчас с такою жадностью самую целебную и живительную для души влагу — Правду. Но может так статься, что этот сосуд разобьется в наших руках. Мы нуждаемся в более прочном и надежном сосуде, который в цивилизованном мире называется Свободой слова. И я надеюсь, что публикация моего интервью с Валерией Новодворской в какой-то мере отражает этот непрерывно идущий и очень нам нужный процесс перехода от временной Гласности к настоящей Свободе слова.

Михаил ШАТНЕВ

P. S. 20 сентября 1990 г. В. И. Новодворской было предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 1 Закона СССР «О защите чести и достоинства Президента СССР» и объявлена мера пресечения — подписка о невыезде.

Обвиняемая с санкции прокурора помещена в лечебное учреждение для проведения стационарной судебно-психиатрической экспертизы, после завершения которой будет решен вопрос о ее ответственности.

Фото Леонида ПЕСИНА

Александр ОСЬКИН

А ЕСЛИ ГЛАЗАМИ ПОЛЯКОВ

...ВЗГЛЯНУТЬ НА ПРЕБЫВАНИЕ СОВЕТСКИХ ВОЙСК В ИХ СТРАНЕ

В пестрой картине жизни современной Польши немало такого, что режет глаз советского человека. Стены домов, подземные переходы, заборы исписаны лозунгами типа «Советские — убирайтесь домой!», «Танки — к Волге!». У ворот наших войсковых частей, консульств — демонстрации протеста, в окна представительств летят камни, пузырьки с краской. А осквернение могил советских солдат, переименование улиц и площадей?.. Можно, конечно, по этому поводу выражать возмущение, заявлять протесты. Но важно разобраться в первопричинах явления. Катыньская тема тоже долгие годы была архиантисоветской. А вот поди же ты... Оказалось, что плеяда польских «антисоветчиков» была права.

Зная Польшу много лет, поработав в ней первым секретарем нашего посольства, замечу со всей определенностью, что отношение поляков к Советскому Союзу сейчас стало более реалистичным, более благожелательным. Демонтаж памятников В. И. Ленину или Ф. Э. Дзержинскому, к примеру, я не отношу к актам, направленным против нашего государства. Каждый народ вправе решать сам — какие иметь памятники на своей земле. Хотя можно поспорить о культуре реализации этого принципа. Но, с другой стороны, и наше отношение к польским захоронениям и польским кладбищам, скажем, во Львове, тоже не назовешь цивилизованным. Но это, как говорится, отдельная тема.

В июле нынешнего года мне пришлось поближе узнать отношение молодых поляков к пребыванию советских войск в их стране. Явления и факты выяснились поразительные, скрытые за стеной умолчания.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ГОЛОДОВКИ

В конце мая в городе Легница двое молодых людей, Е. Дзедзицкий (партия «Конфедерация независимой Польши») и М. Задрожный (движение «Свобода и мир»), объявили голодовку, требуя вывода советских войск из Польши. Сразу же появилось много желающих присоединиться к ним. Однако Е. Дзедзицкий и М. Задрожный заявили о нецелесообразности дополнительных жертв. Они предполагали «стоять до конца».

Работая в Варшаве, в нашем посольстве, я по газетам следил за ходом голодовки. Из сообщений печати следовало, что эта акция особого интереса ни в столице, ни у командования Северной группы войск не вызвала. Между газетных строк так и сквозило — голодают, ну и Бог с ними, каждый волен выражать свои взгляды посвоему. Примерно на 48-й день голодовки Польское агентство печати выпустило небольшую информацию о том, что, по оценкам врачей из Красного Креста, состояние голодающих является критическим.

И это несмотря на то, что голодовка носила облегченный характер: молодые люди, отказавшись от пищи, употребляли соки и чай.

Испросив, как полагается, разрешение у руководства посольства, я выехал в Легницу с намерением убедить парней прервать голодовку.

Надо заметить, что формальным поводом для протеста было решение о переводе около тысячи семей советских офицеров из Свидницы в Легницу. По замыслу авторов этого решения, такая передислокация позволяла высвободить в первом населенном пункте значительную жилую площадь для поляков. А во втором — заселить высвобождающиеся советские квартиры. Однако у части жителей Легницы мнение было другим. Они считали, что в результате неизбежно возрастет нагрузка на городской жилищный фонд, ухудшится транспортная обстановка, обострятся другие социальные проблемы города и воеводства.

Прибыв в Легницу, я направился в бюро Конфедерации независимой Польши (КНП), где застал множество людей. Кроме голодающих, с которыми я договорился о встрече по телефону, там находились лидер КНП Л. Мочульский, настоятель местного костела В. Бохнак, врачи, журналисты. Стены бюро украшало несметное количество антисоветских и антиармейских лозунгов и плакатов, злых карикатур на политических деятелей. Все это не предназначалось для глаз советского официального лица. Первым ощутив неловкость ситуации, ксендз В. Бохнак предложил вести переговоры в костеле св.Петра и Павла.

Именно в костеле, а вернее в приходской гостиной, я выслушал страстные выступления голодающих и вторящих им журналистов с обвинениями против Советского Союза, наших войск в Польше, советского политического и экономического давления. Был представлен и пакет требований, касающихся в основном наказания правонарушителей, соблюдения советскими представителями польского законодательства и других аспектов пребывания наших войск в воеводстве.

Я, в свою очередь, представил нашу позицию, рассказал о существующих межправительственных соглашениях, об экономическом сотрудничестве, не скрывая проблем. Казалось, что многое из того, о чем я говорил, для моих собеседников было новостью. Но ответом служили реплики типа «демагогия», «не верим», «нет доказательств». Разговор продолжался у коменданта гарнизона Легницкого воеводства генерал-майора Е. Кобышева. Генерал пообещал тщательно изучить все негативные факты, помочь диалогу с местным населением и впредь оперативно реагировать на возникающие конфликты.

Перспектива прекращения голодовки стала вполне реальной. Молодых людей наконец выслушали, гарантировали выполнение значительной части их требований. И тем не менее меня не оставляло чувство вины. Может быть, даже не вины, а стыда. Я поставил себя на место голодающих и попытался их глазами посмотреть на советские войска в Польше.

Наш солдат — он ведь разный. Попадаются и негодяи, способные на преступления, грабежи, насилие, спекуляцию воинским имуществом. И эти преступления они совершают не где-нибудь на Курилах, а в польском городе.

Широкую известность среди местной общественности получили факты нападения наших солдат на водителей такси с целью ограбления, участия военнослужащих в различного рода преступных акциях в составе польских банд. Довольно широко идет спекуляция бензином, запчастями. Польские собеседники уверяли меня, что автомат Калашникова стоит пять миллионов злотых, пистолет Макарова — три миллиона. За год нашими солдатами, по данным движения «Свобода и мир», было совершено более ста изнасилований или попыток изнасилования. По данным советской комендатуры — не более пяти.

В костеле ко мне подошла молодая пара. Парень рассказал трагическую историю. С месяц назад его невесту ограбили и изнасиловали два советских солдата. Девушка их опознала, сделала соответствующее заявление. Однако очень скоро оба преступника бесследно исчезли, не понеся никакого наказания.

Добавьте к этому транспортные проблемы. Десятки тысяч советских военнослужащих (не считая членов семей офицеров) обслуживаются автомобилями, военной техникой. Естественно, случаются дорожно-транспортные происшествия. Примерно каждое третье из них завершается смертью польского гражданина.

Представьте себе, что не в далеком польском городе Легнице находится иностранная войсковая часть, а где-нибудь у нас, скажем, под Москвой, стоит чей-то полк, пусть даже дружественного нам союзного государства. И не кто-нибудь, а наши с вами сограждане испытывают на себе подобные тяготы...

Я не драматизирую ситуацию. Хочу только, чтобы мы посмотрели на эту проблему глазами молодого поляка. Для него вторая мировая война, разгром фашистской Германии, роль Советской Армии в освобождении Польши — страницы истории. Это прошлое. Но польских девушек насилуют сегодня. И преступников прячут сегодня. И показательных судов не проводят.

Мне показали фотографии домов и квартир, из которых выехали некоторые советские семьи. Стыд! Некоторые наши соотечественники ухитрялись выламывать и увозить с собой унитазы, выключатели, электропроводку, сантехнику, паркет, словом, все, что можно было увезти. Стыдно. И за себя, и за армию, и за державу.

Не прибавляет нам авторитета и использование под хозяйственные нужды бывших церковных объектов, некоторых исторических и общественных зданий. А уж описать их нынешнее запущенное состояние просто невозможно...

Поляки понимают, что наши войска в их стране находятся временно, так сказать, гостят. Но они задаются вопросом, почему советские военнослужащие ведут себя как хозяева, почему не идут на диалог с ними, почему живут в изоляции, за каменной стеной?

Один журналист пошутил даже, что после Берлинской стены в Европе осталась только одна — Легницкая, ограждающая советские части. И он, увы, прав.

ЗА ЛЕГНИЦКОЙ СТЕНОЙ

Как только пересекаешь КПП и попадаешь на территорию советской войсковой части, сразу же ощущаешь себя в Советском Союзе. За стеной остается бурлящая и обновляющаяся Польша с ее культурой, традициями, сложным политическим миром, удивительными экономическими реформами. А перед тобой — все свое. Знакомые лозунги, портреты, призывы, родная речь. И ни намека на польскую жизнь. Полная «стерильность». В Ленинской комнате в скромных папках с тесемками, правда, есть «материалы» о Польше. Но кто их смотрит?..

Я беседовал с нашими солдатами и офицерами. Большинство из них имеет смутное или даже искаженное представление о стране, в которой они несут службу. Отсутствие контактов с польской общественностью (протокольные эпизодические мероприятия не в счет), незнание языка, полная изолированность от населения создают неправильное представление об окружающем мире. Отслужив в Польше несколько лет, иной офицер, уже не говоря о солдате, как будто и не понимает, в какой стране он живет — в Монголии, Германии или в каком-то другом государстве. Получается это все не потому, что они не хотят поближе узнать Польшу, а потому, что им в принципе запрещено это делать. Соответствующими инструкциями категорически возбраняется иметь несанкционированные контакты с польским населением. Запрещается ходить в увольнительные. Запрещается иметь друзей среди гражданского населения. Запрещается, запрещается, запрещается.

Я хотел организовать встречу участников голодовки с представителями командования Северной группы войск. Звоню в Свидницу, в штаб. Выясняется: двух главных генералов нет, они в Москве, еще один — в отпуске. Старший офицер, которому разрешено иметь контакты с поляками, отсутствует. Все остальные встречаться не могут — запрещено. Встреча не состоялась.

В конце концов пора задать вопрос руководству Министерства обороны СССР: как долго будут существовать предписания, обрекающие наших военнослужащих на изоляцию? Считаю, что подобные инструкции в настоящее время исключительно вредны и не отвечают нашим государственным интересам. Стена отчуждения между нашими воинами и польским населением должна быть разрушена. Пора способствовать нормальному, цивилизованному общению граждан двух стран.

Представители польской молодежи высказывались за постоянный равноправный диалог с командованием группы войск. Тогда же ими была выдвинута идея проведения «круглого стола» для свободного обсуждения всех существующих проблем. Насколько я помню, комендант гарнизона, беседуя с голо-

дающими, положительно отнесся к предложению. Однако позже эта инициатива развития не получила. Неужели опять запрет?

На плечах советских солдат и офицеров, как и их коллег в Германии, лежит обязанность поддержания в Европе послевоенного обустройства мира, сохранения баланса сил. Надо полагать, что еще какое-то время им придется выполнять такие функции. Это понимают в Польше многие. М. Задрожный заявил, к примеру, что движение «Свобода и мир» готово к сотрудничеству с советской стороной в создании благоприятной атмосферы вокруг наших частей. Но они ждут изменения стиля и деятельности советского командования, повышения культуры поведения наших военнослужащих. Как видно, договориться и найти общий язык с самыми крайними политическими силами можно. Важно только правильно строить наши отношения с ними.

Нельзя забывать и о материальном обеспечении наших воинов. Рост цен, инфляция в Польше, по-видимому, остались незамеченными в Министерстве обороны СССР. Только за первую половину нынешнего года реальные денежные доходы, то есть фактическое денежное довольствие советских военнослужащих, упали в 2,7 раза. Сейчас наш солдат получает чуть больше 10 тысяч злотых в месяц. На эти деньги можно купить 20 трамвайных билетов, или пять пачек сигарет, или две бутылки кока-колы. Офицер, скажем, капитан, зарабатывает 500 тысяч злотых. Это составляет половину среднестатистической зарплаты в Польше и эквивалентно 20 килограммам плохонького мяса.

Теперь прикиньте, можно ли при таком доходе, имея двоих детей и жену, которой, кстати, запрещено работать на польских предприятиях, вести достойный образ жизни? Мне могут возразить: офицеры получают дополнительный продовольственный паек, обмундирование. Справедливо. Но жену-то в мундир не оденешь, а детей на перловке и гречке не вырастишь. Невольно задумываешься, не объясняются ли частично бедственным положением наших соотечественников в Северной группе войск факты спекуляции и незаконной торговли?

А жилищные условия офицерского корпуса в Польше?.. Мне довелось побывать в некоторых квартирах. Не знаю, имели ли высокие инспектора из Москвы время и желание посмотреть, как живут прапорщики, лейтенанты, майоры, в каком состоянии у них мебель, лестничные пролеты, крыши? Про сантехнику уж и не говорю. Это позор! Вот где бы объявлять голодовки, и устраивать акции протеста, если бы не присяга. И добро бы служба проходила на далекой заставе. Но ведь в Европе...

Теперь самое время вспомнить о командовании Северной группы войск. Скажу, что, несмотря на все увиденное, мое впечатление о верхнем слое руководства самое благоприятное. Высшую военную власть в группе осуществляет генерал-полковник В. Дубынин. Он, по-моему, человек новой формации. В. Дубынин активно идет на диалог и сотрудничество с местной администрацией, не чурается корреспондентов. Но, насколько я понимаю, даже являясь генерал-полковником, командующий остается солдатом. Опутанный по рукам и ногам инструкциями и приказами, лишенный необходимых финансовых и материальных средств, он не в силах «разрушить» Легницкую стену или пойти на какие-либо реальные реформы.

Работая в Польше, я часто бывал в частях Войска Польского. Оказывается, для польского солдата получение увольнительной из части на срок до 72 часов, посещение родственников и друзей во внеучебное время являются не поощрением, а правом. Спят польские солдаты в пижамах, питаются — позавидуешь, денежное довольствие у них в несколько раз больше, чем у наших. Им предоставлено право создавать кооперативы и заниматься приработком на свои, коллективные нужды. И дедовщины у них практически нет. То есть сложности в общении «стариков» с «молодыми», конечно, имеются, но на фоне наших дел это детские забавы.

В польской армии проводят дни открытых казарм. По воскресеньям командиры предоставляют спортивную базу своих подразделений для гражданской молодежи. А вот генерал В. Дубынин дать приказ открыть ворота и впустить польских юношей на свое футбольное поле не имеет права. Здесь, конечно, не место для анализа польского армейского опыта. Замечу только, что гуманизация человеческих отношений в армии наших соседей нисколько не ослабила боевой готовности, а, наоборот, как это ни покажется странным отечественным догматикам, значительно укрепила. Вот бы и нам предпринять что-нибудь в подобном духе! Я подозреваю, что аппарат военного атташе советского посольства в Варшаве направлял в Центр не одну информацию о деятельности Войска Польского. Но кто же их читает?

СКОЛЬКО ПАРТИЙ — СТОЛЬКО МНЕНИЙ

Вернемся к хронике голодовки. Врачи из Красного Креста проявляли все большее беспокойство в связи с ухудшением состояния здоровья Е. Дзедзицкого и М. Задрожного. Завершался пятидесятый день их протеста. Лидер КНП Л. Мочульский, ксендз В. Бохнак, представители местной администрации настойчиво призывали молодых людей к прекращению голодовки. Те не возражали, но выдвигали условие. Советский представитель должен подписать вместе с ними сообщение для печати. Для них было важно зафиксировать, что я согласен с требованием о необходимости вывода советских войск из Польши. Мне же представлялось принципиально важным донести до общественности мысль, что этот вывод будет осуществляться в сроки и в порядке, которые согласуют между собой правительства двух стран. На том и порешили. Другие положения подписанного коммюнике имели уже значительно меньшее, я бы сказал, локальное значение.

Молодых людей увезли в больницу. Им предстояло серьезное и длительное лечение. Садясь в санитарную машину, М. Задрожный заявил журналистам, что после лечения они продолжат борьбу за вывод советских войск из Польши, подчеркнув, что обретение его страной подлинной независимости и суверенитета возможно только тогда, когда на ее территории не останется ни одного иностранного солдата.

Справедливости ради надо заметить, что на сей счет в Польше существуют разные точки зрения. Л. Валенса, к примеру, выступает за немедленный вывод советских войск. Правительство Республики Польша не разделяет этой точки зрения. Один из моих знакомых депутатов сейма сказал, что, по его мнению, все иностранные войска безусловно должны быть выведены с территории европейских стран, но советские из Польши — в последнюю очередь.

В некоторых общественных кругах довелось слышать совершенно обратное мнение. Советские войска являются гарантом безопасности западных границ Польши и поэтому должны оставаться на этом рубеже как можно дольше. Более того, собеседники говорили о целесообразности заключения в будущем двустороннего военного оборонительного союза и укрепления советско-польского военного сотрудничества.

Словом, сколько людей, сколько партий, столько и мнений. Думаю, поляки в конечном счете определятся в этом вопросе. Это их внутреннее дело.

Что же касается наших проблем, то, считаю, промедление с реформами в Северной группе войск смерти подобно. Не хочу быть злым пророком, но уверен: протесты в Польше, направленные против наших войск, будут расти, приобретать все более радикальные формы. Так как после легницкой голодовки, по сути, ничего не было сделано, уже в августе состоялась новая крупная акция протеста. Советскую войсковую часть под Варшавой на несколько дней заблокировали толпы людей, автомобили. Только вмешательство полиции позволило очистить прилегающие дороги.

Комендант Легницы полковник В. Лелюх собирает коллекцию камней, которые периодически влетают в окно его кабинета. Боюсь, что их число будет расти.

Волну антисоветских протестов остановить можно и нужно. Необходимо осуществить ряд неотложных мер. Очень важно пойти на открытый диалог о пребывании советских войск в Польше со всеми политическими силами и течениями, которые этого хотят. Думаю, что идея проведения «круглого стола» в Легнице все еще является весьма перспективной. Важно последовательно разрушать Легницкую стену, открывать себя для поляков, сотрудничать с каждой организацией, которая проявляет к нам интерес. Следует распахнуть ворота наших войсковых частей для польской молодежи, для интеллигенции, священнослужителей. Надо позволить и советским солдатам посещать польские храмы, встречаться со сверстниками.

Хорошо бы более активно помогать городу, воеводству, гостями которых мы являемся. Строить для них дороги, ремонтировать школы и больницы, заниматься благотворительной деятельностью. Пребывание советских войск должно быть экономически выгодно для хозяев. Надо немедленно начать проводить аукционы по распродаже части имущества, техники, недвижимости. И готовиться, готовиться к выводу наших войск. За послевоенные годы Советский Союз построил в Польше массу зданий и сооружений. Вложены миллиарды. Как мы будем с ними расставаться? На каких условиях? Может, пока не поздно, надо бы договориться с польской стороной о строительстве в СССР жилых домов для семей советских офицеров — в порядке компенсации за нашу недвижимость?

И, конечно же, пора всерьез заняться материальным положением военнослужащих. Я считаю, что следует не просто увеличить денежное довольствие в три раза. Необходимо полностью компенсировать им все инфляционные потери, которые произошли с начала этого года. Кстати, практически все ведомства в отношении своих представителей в Польше так и поступили. Все, кроме Министерства обороны СССР.

И еще. Очень важно не превращаться в соучастников преступлений. Не знаю, как там со статистикой в военном ведомстве. Во всяком случае, можно себе представить, что каждое правонарушение, о котором поступает информация в Москву, негативно влияет на оценку деятельности командиров и политработников. Отсюда и укрывательство. А главное — никто не задумывается о политическом эффекте. Не заботится о государственных интересах. Между тем преступников независимо от чина надо обязательно судить публично, гласно. Может быть, даже и отправлять на отсидку в польские тюрьмы.

Характерно, что моя поездка в Легницу и переговоры с голодающими вызвали, насколько мне известно, самую гневную реакцию в Министерстве обороны СССР. Я думаю, объяснение этому простое. Посторонний, гражданский человек приоткрыл завесу над ведомственными болячками. И, о ужас, в чем-то поддержал группу «антисоветчиков». Самое смешное: нового-то я ничего не открыл. В Польше все всё знают. А вот советский человек, как всегда, в неведении.

■

Рано или поздно будет в нашей стране решен вопрос об альтернативной воинской службе. Молодые люди получат право выбора — брать ли в руки оружие или нести гражданскую службу на социальной ниве. Мы думаем, что пора глубоко изучить зарубежный опыт и всесторонне обсудить участие призывников в милосердной деятельности. Нельзя же посылать помощников к одиноким старикам и инвалидам подобно тому, как шефов из города бросают летом на прополку, осенью — «на картошку», зимой — на переборку гнилья на овощехранилищах — надо, Вася, значит, надо!..

Пресс-центр объединения христианского милосердия «Согласие» изучает зарубежный опыт в этом направлении. Еще во время второй мировой войны меннониты Америки начали привлекать волонтеров к санитарной работе в психиатрических клиниках. С годами создалась система отбора, воспитания, подготовки кадров, которые не только не уступали профессионалам, но в сострадании и доброте были для них примером. Сегодня наши молодые друзья из Италии привлекают молодежь к работе с наркоманами и алкоголиками, своими же сверстниками. Волонтеры поселяются в одной квартире-коммуне с теми, кто подвержен порокам. Постепенно влияют на них, проявляя терпимость к возможным срывам.

Если обратиться к мнению сегодняшних допризывников, то немалое их число предпочтет службу милосердия армейской службе. Но этот выбор зачастую будет продиктован неприятием армейских порядков, чем истинным призванием к милосердию. Поэтому нам кажется очень важным уже сейчас начать подготовку системы альтернативной службы.

Вопросов много. Волонтеры милосердия остаются жить дома или поселяются в общежитии? Нужна или не нужна им особая форма? Сохраняется или нет армейская структура при альтернативной службе? Срок службы равен армейскому или «на гражданке» продлевается в 1,5—2 раза, как в некоторых западных странах? Может быть, имеет смысл давать волонтерам медицинскую подготовку хотя бы в размере курса младшего медбрата. Больше 40 процентов из опрошенных нами допризывников высказали мнение, что в службе милосердия важнее политработника нравственный наставник — священнослужитель. Об этом же просят многие живущие в домах престарелых. Кстати, если вести речь о специальной подготовке, то 56 процентов из допризывников, предпочитающих альтернативную службу, готовы были бы ее пройти заранее, до призыва. Это показатель серьезного отношения молодежи к служению милосердию. Адресами службы парни называли больницы, дома престарелых, интернаты для инвалидов, детские дома и дома ребенка. Одна из бед этих заведений, как известно,— засилье женского персонала.

Альтернативная служба милосердия. Какой ей быть? Мы будем благодарны всем, приславшим свои мнения, пожелания, советы. Наш адрес: 195257, Ленинград, ул. Вавиловых, дом 11/6, кв. 107. «Согласие».

Н. ДЬЯЧЕНКО,
член Союза журналистов СССР
Ленинград

ДЕТСКИЙ УГОЛ

Рубрику ведет Григорий ОСТЕР

Эдуард Николаевич Успенский — создатель «Радионяни», «АБВГДейки», автор Чебурашки, старухи Шапокляк, кота Матроскина, почтальона Печкина, Пластилиновой Вороны, «Колобков», гарантийных человечков и многих других добрых знакомых практически всего населения нашей необъятной Родины. Так вот, Эдуард Николаевич совершенно не вписывается в образ милого детского писателя с тихой, доброй улыбкой. Это страшный человек и, говорю не шутя, безумно опасный. Ох, не советую вам столкнуться с ним, особенно если вы чиновник от литературы, прежде всего озабоченный, как бы не взволновать начальство какой-нибудь нестандартной книгой.

Сколько раз бросал Успенский все свои дела и начинал личную беспощадную войну с таким чиновником. Но воевал он не за себя, а за литературу, за маленьких читателей. Никакой чиновник не выдерживал яростной схватки и слетал со своего насиженного места.

А система оставалась, и на месте срубленного кресла из каждой ножки вырастало по новому, чиновники

Эдуард УСПЕНСКИЙ

РАЗНЫЕ СУДЬБЫ

На улице Хорошовской
Жил человек Плоховский,
И был человек Плоховский
Очень такой хорошовский.
Был он не очень длинный,
Примерно метр с половиной.
Собаку имел — спаниеля,
Они вместе спали и ели...
Очень читать любил
И стекол чужих не бил.
Он хорошо учился...
Врач из него получился.
Кроме Плоховского в школе,
Резвилось на вольной воле
Много других человеков.
Один — Ничегосибеков.

Мальчик такой один —
Ничегосибеков Вадим.
Он тоже неплохо учился,
Однажды он тем отличился,
Что в очень сжатые сроки
Выучил все уроки
И школу окончил в три года
На радость всего народа.

Но был в той компании школьной,
Шершавой и многоугольной,
Противоположный тип —
Оченьпрекраснов Филипп.
Учился он хуже тетки,
Которая выпила водки...
Побьет во дворе малышей
И светится — рот до ушей.

Был он не нашего круга:
Мог донести на друга...
Соврет — и ему нипочем...
Он вырос и стал стукачом.

На горе родным и родителям
Сделался осведомителем.
Донес он на папу и маму,
И их посадили в яму.

И я утверждаю смело,
Что не в фамилии дело.

ОДНАЖДЫ ДОКТОР ЛЕВЕНСОН

Однажды доктор Левенсон
Купил сервиз на шесть персон.
Нет, не так

Однажды известнейший
Врач Левенсон
Сервиз приобрел
На двенадцать персон.
Так лучше

— Я принесу домой сервиз:
Вот будет для друзей сюрприз.
Куплю конфеты и халву
И непременно позову
Поэта Остера с женой.
Смирнова — это мой больной.
Его придется угощать,
Но не придется навещать.
Соседа выше этажом,
Который жил за рубежом.
Чтоб рассказал про зарубеж —
Париж, Памир и Бангладеш.
Мужа соседки
По лестничной клетке.
Он музыкант, скрипач, альтист
И превосходный шахматист.
И мы за сладким чаем
С ним партию сыграем.
Еще позвать бы здорово
Палваса Никанорова.
Он человек толковый,
Хотя и участковый.
Он приемчики покажет
И про мафию расскажет.
Кто сидит, на сколько лет,
И даст потрогать пистолет.
А кто же будет главный гость,
Который всей программы гвоздь?..
Да Хабибулин Николай
С его огромной балалай...
Большущей балалайкой,
Скрепленной медной гайкой.
Он работает дворником,
Выходной у него по вторникам.
Не беда, что сегодня среда,
Пять минут он отыщет всегда.
— Итак,— подумал Левенсон,—
Почти готов комплект персон.
Немного жен добавим,
И все... и точку ставим.
И вот с улыбкой на губах
Он шел себе и вдруг ба-бах:
Летит один прохожий,
На круглый шар похожий,
Он летел таким шайтаном
С преогромным чемоданом...
Удар! Еще один удар!
Прохожий бряк на тротуар!
Целый час потом, ворча,
Он ругался на врача.
И видит доктор Левенсон:
Сервиз стал на десять персон.
Придется план переменить
И кое с кем повременить.
Он решает очень скоро:
— Обойдемся без Остёра.
Он в медицине ни гу-гу,
А сочинять и я могу.
И вот, сервизом грохоча,
Он шел, тихонько бормоча:
— Никаноров — раз,
Хабибулин — два,
Для того кефир,
Для того халва!
Для того конфетки,
А этому таблетки.
Но вот подземный переход,
А в нем подземный пешеход,
Бежит такой прохожий,
На легкий танк похожий!
В одной руке его арбуз,
В другой — спортивный карапуз.
Прохожий в сторону скакнул
И там киоск перевернул.
Наш доктор тоже сделал скок,
Причем сервиз, конечно,— кок!
И понял доктор Левенсон —
Сервиз теперь на шесть персон.
Он час стоял,
Он час решал,
Гостей все больше уменьшал.
Потом он снова заспешил,
Поскольку наконец решил:
— Пусть каждый будет без жены.
Для чая жены не нужны.
Варенье и печенье...
Ликер для развлеченья
И умная беседа
Высокого соседа.
А жены дома посидят
И телевизор поглядят!
Он добежал в один присест...
И вот уже родной подъезд
С дубовыми дверями,
А также с фонарями.
И там стоит поэт Остёр.
В его руках журнал «Костер»,
В его губах улыбка,
Как маленькая рыбка.
— Привет! — он говорит врачу.—
Я прочитать тебе хочу
Последние сонеты
Про вредные советы.
Врач произнес:
— Здорово, друг! —
И сверток выронил из рук!
И так подумал: — Шлема!
Сидел бы лучше дома!
И он понес в кошелке
Домой одни осколки:
Носики и ручки
И всяческие штучки.
Он стоит, вздыхает тяжко
И печально смотрит вниз!
Только блюдечко и чашка,
А ведь был такой сервиз!
— Кого же мне теперь позвать,
Чтоб хоть чуть-чуть попировать?
Кто ум имеет ясный
И собеседник классный?
— Да Хабибулин Николай,
С его веселой балалай...
Огромной балалайкой
И ярко-желтой майкой.
Он в русской музыке гигант
И заодно починит крант.
Нет, кажется, не крант, а кран...
Тогда он в музыке титан.
И начал доктор Левенсон
Стол накрывать для двух персон.
И вот звонок,
И входит гость,
Который всей программы гвоздь.
Он в промасленной спецовке
И с бутылочкой перцовки.
А перед ним на полке
Лежат одни осколки:

смыкали нередеющие ряды, и по пять, по восемь лет не издавались новые книги Успенского. Тогда он писал сценарии мультфильмов, пьесы, находил брешь в чиновничьих укрепрайонах и прорывался к читателю.

— Ну, ты, брат, совсем озлобился, прямо остервенел,— говорили писателю коллеги-гуманисты.— Ну, чего ты этим достигнешь?

А ведь достиг. Вот повзрослело первое поколение детей, начитавшихся Успенского, и сразу — гляньте, что делается: перестройка началась.

Носики и ручки
И всяческие штучки.
— Что случилось? Как же так?
Там на вас наехал танк?
Или, может, в гололед
Вы ударились об лед?
Но долой печаль и грусть,
Заучите наизусть:
В пять минут как минимум
Это мы починимум.
Он кисточки берет и клей...
И вот он нового целей.
Стоит сверкающий сервиз
И гордо смотрит сверху вниз!
Вот новость так
Из новостей!!!
Скорей, бегом созвать гостей!
— Соседа выше этажом,
Который жил за рубежом.
Смирнова
(Он хоть и больной,
Но для меня почти родной).
Поэта Остера с детьми,
Чтоб наконец-то, черт возьми,
Мы с ним могли закончить спор:
Он Остер или же Остёр?
И уж, конечно, здорово —
Майора Никанорова
К себе домой позвать,
Чтоб с ним повоевать
На тему бандитизма
В эпоху коммунизма.
Он придет с большим букетом
И, конечно, с пистолетом.
И счастлив доктор Левенсон,
Как будто видит сладкий сон.
Как будто видит
Сладкий сон:
Вокруг друзья, а в центре ОН.
Вокруг друзья, а в центре ОН —
Прекрасный доктор Левенсон.

ТРИ ТИПА И СКРИПАЧ

Он мальчик слабый был
И хлипкий,
Но хорошо играл на скрипке.
И вот,
Когда с концерта он
Шагал, махая скрипкой,
К нему три типа подошли
С бандитскою улыбкой.
Такие очень страшные,
Ужасно рукопашные.
И сказали хулиганы:
— Выворачивай карманы.
Все вытаскивай подряд —
Деньги, жвачку, шоколад...
Должны иметь таланты
Меха и бриллианты.
Но в карманах у него
Не оказалось ничего,
Лишь на метро два пятачка
И конский волос для смычка.

Тогда бандиты,
Вынув нож,
Сказали:
— Милый наш,
Сейчас ты сам домой пойдешь,
А скрипку нам отдашь.
У тебя, понимаешь,
Счастливое детство.
А у нас, понимаешь,
Окончились средства.
Поэтому в этот тяжелый момент
Ты просто обязан отдать
инструмент.
— Чтобы я отдал вам скрипку? —
Он едва сдержал улыбку.—
Чтобы я отдал смычок?
Я совсем не дурачок!
Тогда ему сердито
Сказали три бандита:
— Раз ты нам скрипку не даешь,
Грубишь и возражаешь,
То, может, что-нибудь споешь,
А может, и сыграешь?
И он тогда открыл футляр
И встал, как перпендикуляр.
И там в ночи, где пустыри,
Он играл им до зари.

И слушали бандиты
Сонаты и сюиты.
И громко музыка лилась,
И звонко пела скрипка.
И поняли бандиты —
Произошла ошибка.
Они неверно жили.
Ах, тили-пили-тили!
Не так себя вели.
Тили-пили-тили!
Им захотелось рисовать
И музыке учиться,
Петь и в балете танцевать.
— А что, мы будем
Про-бо-вать.
И может получиться.
И с этих пор,
Прошу вас, верьте,
Они у мальчишки на каждом
концерте
Сидят, одетые чисто,
И слушают Баха и Листа.
Но все же хулиганы
Остались хулиганами.
Они интересуются
Концертом и карманами.
Но все, что похищают,
Обратно возвращают.
А все, что возвращают,
Опять же похищают.

Рисовал
Валерий ДМИТРЮК

* * *

Одна женщина пришла на работу с подбитым глазом.
Ее спрашивают:
— Кто это вас так?
— Муж.
— А мы думали, что он в командировке.
— Я тоже думала.

* * *

Трое пьяных ползут по шпалам железной дороги.
Один:
— Ч-черт, какие ступени высокие.
Второй:
— Да, и перила низкие.
Третий:
— Ничего, ребята, вон смотрите, лифт идет.

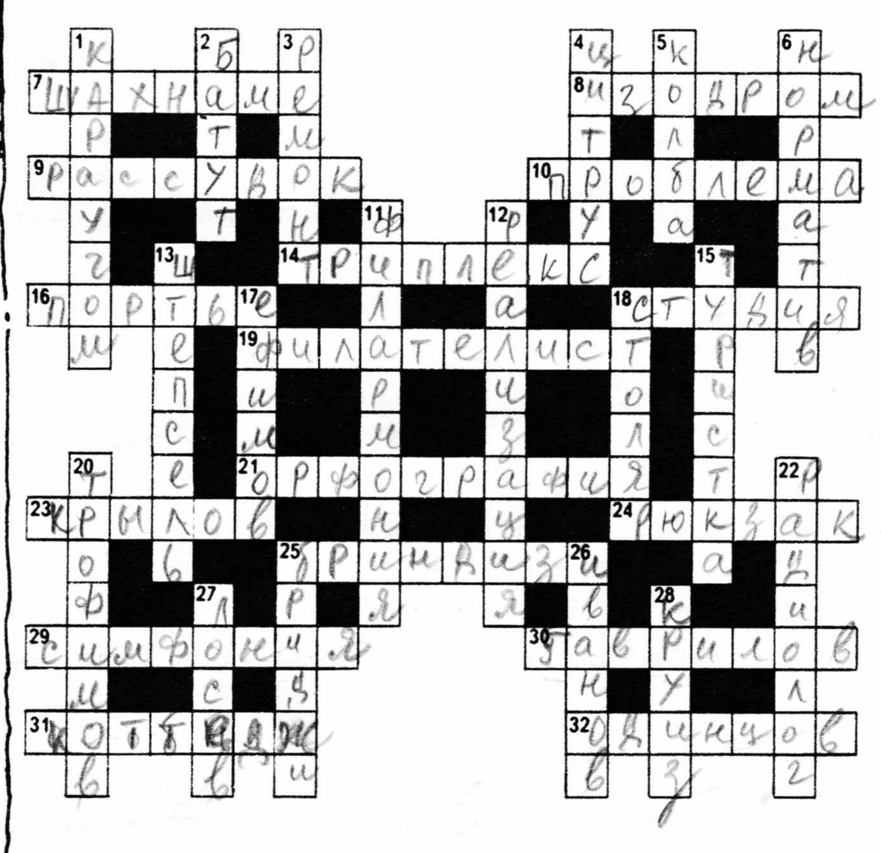
ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Поэма А. Фирдоуси. 8. Устройство, обеспечивающее гибкую обратную связь в автоматических регуляторах. 9. Здравый смысл. 10. Сложный вопрос, требующий изучения. 14. Слоистый материал, применяемый для остекления средств транспорта, скафандров. 16. Служащий в вестибюле гостиницы. 18. Название театральных коллективов молодых актеров. 19. Коллекционер почтовых марок. 21. Правописание. 23. Кораблестроитель, академик, Герой Социалистического Труда. 24. Заплечный вещевой мешок. 25. Порт в Южной Италии. 29. Высшая форма инструментальной музыки. 30. Советский удмуртский писатель. 31. Одноквартирный жилой дом. 32. Советский военачальник, маршал артиллерии.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Один из крупнейших ледников Большого Кавказа. 2. Пружинящая сетка для спортивных прыжков. 3. Исправление повреждений, починка. 4. Южное плодовое растение. 5. Стеклянный сосуд для химических работ. 6. Расчетная величина затрат рабочего времени, материальных, денежных ресурсов. 11. Концертная организация, пропагандирующая музыкальные произведения. 12. Продажа товаров. 13. Вилка для присоединения к электрической сети ламп, радиоприемников. 15. Путешественница, участница групповых походов. 17. График, народный художник СССР. 18. Рабочий, изготавливающий изделия из дерева. 20. Студент в пьесе А. П. Чехова «Вишневый сад». 22. Врач. 25. Узкие брюки. 26. Драма А. П. Чехова. 27. Советский радиофизик, создавший полупроводниковый радиоприемник. 28. Морское путешествие по замкнутому кругу.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 39

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. «Щелкунчик». 8. Коловорот. 12. Калибр. 13. Адрес. 14. Лаклан. 15. Серпантин. 18. Весы. 19. Депо. 20. Голсуорси. 21. Мера. 22. Итог. 24. Гастроном. 26. Брынза. 27. «Мавра». 29. Кокора. 30. Магдалена. 31. Арцимович.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Глинка. 2. Глобус. 3. Некрасов. 4. Антарес. 5. Гобелен. 6. Горбатко. 9. Перламутровка. 10. Виндсерфинг. 11. Эксцентрика. 16. Рельс. 17. Турин. 21. Мадригал. 23. Гидролиз. 24. Гранула. 25. Микешин. 27. Магний. 28. Аширов.

Творческо-производственное объединение «КАТАРСИС»

На широкий экран выходит двухсерийный кинобоевик с лихо закрученным сюжетом, с блестящим исполнителем главной роли, бесподобными погонями —

«КЛЕЩ»

Новый фильм режиссеров Б. Килибаева и А. Баранова. В главной роли — Абдрашид АБДРАХМАНОВ, в недавнем прошлом — классный боксер. Мужественная группа каскадеров под руководством Виктора Иванова. Порядочное количество вдрызг искореженных автомобилей. Жестокое возмездие за подлость. Трагедийный конец. Всему этому вы станете свидетелями, посмотрев новый фильм ТПО «КАТАРСИС»

«КЛЕЩ»

Правление «Катарсиса» призывает государственные предприятия и кооперативы стать участниками создания новых игровых, документальных, мультипликационных фильмов любой тематики и жанра.

Предложения о сотрудничестве и заявки на демонстрацию копий фильма «Клещ» присылайте по адресу: 480117, г. Алма-Ата, пр. Аль-Фараби,16, ТПО «Катарсис».

40 коп. Индекс 70663